

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ.

Ежемѣсячный церковно-общественный
журнальъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

1912 г. Февраль м.

МОСКВА.

Типо-литографія И. Ефимова, преемн. И. С. Ефимовъ, Бол. Якиманка, соб. д.
1912.

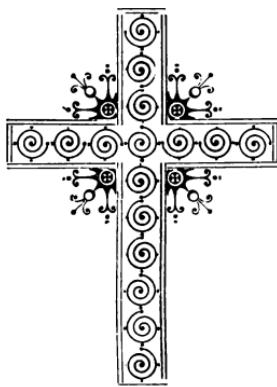
С О Д Е Р Ж А Н И Е.

О Т Д Ъ Л Ъ П Е Р В Ы Й.

	<i>Стран.</i>
1. Изображение св. Алексія, Митроп. Москов. и всея Руси.	3— 16
2. Поучение и Поучительныя Посланія.— <i>св. Алексій.</i>	41— 52
3. Два райскихъ дара Божія въ человѣчествѣ.— <i>Владимиръ</i> , Митрополитъ Московскій.	53— 58
4. Слово на Новый годъ.—Архимандритъ <i>Димитрій</i>	59— 60
5. Духовный дневникъ.—Архимандритъ <i>Арсеній</i>	61— 88
6. Великій постъ. (Стихотвореніе).—* *	89—100
7. Психологическое оправданіе христіанства.— <i>M. Но- воселовъ</i>	101—109
8. Блаженной памяти Николая, Архіепископа Японскаго.— <i>I. Айвазовъ</i>	110—124
9. Портрѣтъ Николая, Архіепископа Японскаго.	
10. Русское сектантство.—I. Всероссійскій съездъ бап- тистовъ въ Москвѣ.—II. Евангельские христіане.— III. Сектантскія кладбища.— <i>I. А—скій</i>	125—133
11. Церковное возрожденіе въ Англіи.— <i>P. Мансуровъ</i> .	139—147

О Т Д Ъ Л Ъ В Т О Р О Й.

12. Къ трехсотлѣтію страдальческой кончины Всероссій- скаго Патріарха Гермогена.—Всероссійскій Патріархъ Гермогенъ.— <i>I. Айвазовъ</i>	148—160
13. Портрѣтъ Патріарха Гермогена.	
14. Похвальное слово въ честь и память Святѣйшаго Па- тріарха Гермогена.—Професоръ-Геромонахъ <i>Гурій</i> .	161—168
15. Патріархъ Гермогенъ.—(Стихотвореніе).—* * . . .	169—171
16. Церковь и Государство. По поводу законо проекта о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое.— <i>Николай</i> , Архіепископъ Варшавскій.	172—186
Взглядъ инородцевъ на законодательство по дѣламъ вѣры въ Россіи.—Департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.— <i>I. А—скій</i>	186—
17. Церковная хроника.—Юбилей проф. А. И. Введен- скаго	187—192
18. Политическое обозрѣніе.—I. На политическомъ го- ризонтѣ.—II. Англійские гости.—III. Русскій „на- ціонализмъ“.—IV. Справедливая оцѣна.— <i>I. М—скій</i>	193—200
19. Опечатки	201—
20. Объявленія	202—

ПОУЧЕНИЕ

**Алексія митрополита отъ Апостольскихъ дѣяній
къ христолюбивымъ христіанамъ *).**

Хочу вамъ, братья, напомнить душеполезное и спасительное, потому что я обязанъ пасти васъ, дѣти, и учить порученную мнѣ паству, какъ пишетъ Павелъ апостолъ къ Тимоѳею, епископу Ефесскому: ~~Чадо~~ Тимоѳе! учи, моли, запрети во время и безъ вре-

*) Ежегодно 12 февраля Церковь молитвенно воспоминаетъ кончину святителя Алексія, митрополита Московского и всея Руси. Святитель происходилъ изъ боярского рода, постригся въ иноки 20-ти лѣтъ въ Московск. Богоявленскомъ монастырѣ. Въ митрополита всея Руси былъ посвященъ въ Царьградѣ патріархомъ Филоѳеемъ. Святитель Алексій славенъ особенно своими чудесами. Въ память чудеснаго исцѣленія имъ татарской ханши Тайдулы отъ слѣпоты святитель построилъ въ 1365 г. Чудовъ монастырь, въ которомъ и заповѣдалъ положить свое тѣло. Почилъ святитель 12 февраля 1378 г., отъ роду 85 лѣтъ. Вскорѣ, 20 мая 1431 г., были обрѣтены святыя и многочудебныя нетлѣнныя мощи святителя Алексія, которыхъ и донынѣ покоятся въ новомъ храмѣ Чудова монастыря. Много потрудился святитель Алексій и въ церковномъ наученіи своей паствы. Отъ него дошли до насъ печатаемыя здѣсь „Поученіе“ и два „Поучительныхъ посланія“.

мени (2 Тимоѳ. IV, 2). Поэтому-то, дѣти, да будетъ всякий изъ васъ скоръ на слышаніе, а медленъ на слова, медленъ на гнѣвъ. Ибо гнѣвъ человѣческій не творитъ правды Божіей (Іак. 1, 19—20).

Прежде всего, дѣти, предлагаю вамъ притчу, кото́рую Спаситель изрекъ неложными устами въ Своемъ Евангелии: *Се изыде съяй съяти съмене своего. Ово паде при пути, а другое на камени, а иное въ терніи, а ино на добрѣй земли* (Лук. VIII, 5 — 8). Съмѧ есть слово Божіе истинное, а земля—сердцѧ человѣческія. Да не будетъ же, дѣти, сердце ваше ни землею тернистою, не принося плода духовнаго отъ лѣнности и небреженія, ни каменистою, не имѣя въ себѣ страха Божія, ни землею при пути, предаваясь въ попраніе врагу Божію, діаволу, отъ житейскаго пристрастія. Господь да избавитъ насъ отъ сего! Но да будетъ сердце ваше землею благою для пріятія слова Божія истиннаго, Евангелія, и да приноситъ плодъ духовный, *ово тридесѧть, ово шестьдесѧтъ, ово сто* (Мате...XIII, 8).

И другую еще притчу предлагаетъ намъ Господь въ своемъ Евангелии: *Человѣкъ бѣ домовитъ, иже насади виноградъ, и оплотомъ огради его, и ископа въ немъ точилъ, и созда столпъ и вдаде и дѣлателемъ, да воздадятъ ему плоды во времена своя* (Мате. XXI, 33 — 41). Человѣкъ здѣсь означаетъ Христа Бога нашего, Который, будучи Богомъ и человѣкомъ, для нашего спасенія, какъ пишетъ нашъ свѣтлый учитель, апостоль Павелъ, жилъ съ людьми во всемъ подобно намъ, кромѣ грѣха (Евр. IV, 15). *Иже аще кто не исповѣдуетъ Иисуса Христа Сына Божія, во плоти пришедшаго Бога и человѣка, тотъ не отъ Бога, но сей есть антихристовъ* (1 Іоан. IV, 3). А *виноградъ* насадилъ,— это человѣчество на землѣ. И *оплотомъ* оградилъ его,—значитъ—Своимъ закономъ Божественнымъ. И

создалъ столпъ—Божественную Церковь. И ископалъ точило—излилъ Свою честную кровь ради нашего спасенія, чтобы вѣрные спасались и достигали царства небеснаго. *И предаде дѣлателемъ*—святымъ Апостоламъ и святымъ отцамъ: патріархамъ, митрополитамъ, епископамъ и всему священническому чину, чтобы они, упасши и научивши людей закону Божію, могли сказать во второе пришествіе Христа Бога нашего: Господи! се мы и дѣти, яже еси далъ намъ (*Исаіи VIII, 18*).

Такимъ образомъ и я грѣшный, сподобившись сего святительства, то-есть епископства, не по-моему достоинству, но по щедротамъ Божіимъ и по великой милости, которую Господь изліялъ и на насъ изобильно, сподобился вмѣстѣ быть вашимъ, дѣти мои, пастыремъ и учителемъ, пасти и учить стадо порученныхъ мнѣ словесныхъ овецъ.

Посему, дѣти, напоминаю вамъ слово Спасителя, сказанное Имъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ: *сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга* (*Іоан. XV, 17*). *О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (*Іоан. XIII, 35*). Такъ и вы, дѣти, имѣйте между собою миръ и любовь. Объ этомъ и Павелъ апостолъ вопіетъ, говоря: *весь законъ во единомъ словеси исполняется, во еже возлюбиши ближняго своего, яко же себе* (*Галат. V, 14*).

Также имѣйте, дѣти, въ сердцахъ своихъ страхъ Божій: ибо при немъ человѣкъ можетъ стяжать всякую добродѣтель. Сказано: *начало премудрости страхъ Господень* (*Притч. I, 7*). И Григорій Богословъ пишеть: „гдѣ страхъ Божій, тамъ очищеніе плоти и соблюденіе заповѣдей; гдѣ соблюденіе заповѣдей, тамъ возвышеніе души въ горній Іерусалимъ“ *).

*) Въ Словѣ на Святые Свѣты. Твор. св. Григорія Богослова. Ч. III, стр. 258.

Соблюдение же заповедей Божихъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: чистосердечномъ покаяніи о своихъ прегрешеніяхъ каждый день, милостынѣ, удаленіи отъ нечистыхъ дѣлъ, которыя противны закону Божію: отъ блуда, отъ пьянства, отъ грабежа, отъ насилия, чародѣйства, волхвованія и всякихъ гаданій; отъ жадности къ богатству и неправеднаго имѣнія, которое бываетъ душѣ во вредъ. Имѣйте въ умѣ свое—смерть, воскресеніе, судъ и воздаяніе каждому по дѣламъ, по слову Спасителя, Который сказалъ: *изыдутъ сътворши благая въ воскрешеніе живота, а сътворши злая въ воскрешеніе суда* (Іоан. V, 29).

Князья, бояре и вельможи, творите судъ милостиво: *судъ бо безъ милости есть не сътворшему милости: и хвалитъся милость на судъ* (Іак. II, 13). *Мзды на неповинныхъ не принимайте и не на лица судите, судъ бо Божій есть* (Второз. I, 17). Судите людей по правдѣ, вдовицъ, сиротъ и пришельцевъ не обижайтѣ, да не возопіютъ на васъ къ Богу.

Простые люди,—Бога бойтесь и князя чтите, святительство же имѣйте выше главы своей, со всякою покорностію и безъ всякаго прекословія, потому что они имѣютъ попеченіе день и ночь о душахъ вашихъ, такъ какъ должны дать отвѣтъ Богу о паствѣ своей (Евр. XIII, 17). Ужели кто захочетъ небреженіемъ о своемъ спасеніи лишиться вѣчнаго живота и не вникнетъ въ слова Спасителя, Который сказалъ въ Своемъ Евангеліи: *Пріидите ко Мне вси труждающіи и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. XI, 28)? Зоветъ насъ Христосъ въ Царство Свое Небесное и повелѣваетъ избавляться отъ тяжкаго грѣховнаго бремени чистосердечнымъ покаяніемъ. Приходите къ священнику, отцу духовному, съ покаяніемъ и слезами. Отвергните отъ себя всякия дѣла злыхъ и вновь не-

возвращайтесь къ нимъ. Истинное покаяніе въ томъ и состоить, чтобы возненавидѣть свои прежніе грѣхи. Видя таковую рѣшимость, священникъ можетъ тебя очистить, приблизить къ Богу и содѣлать причастникомъ Тѣла и Крови Христовой.

Святители и священники служатъ ходатаями между Богомъ и людьми. Но такъ какъ и они немощю обложены, то приносятъ жертву Богу о себѣ и о людскихъ прегрѣшеніяхъ. Поэтому-то, дѣти, будьте со всеусердіемъ милостивы и снисходительны, какъ учитъ насъ великий апостолъ Іаковъ, братъ Божій: *судъ бо безъ милости есть не сотворшему милости* (Іак. II, 13). И теперь, дѣти, насколько силы достаетъ, выполняйте законъ Божій не на словахъ, но на дѣлѣ, какъ сказалъ Спаситель: *что Мя зовете: Господи, а не творите воли Моей* (Лук. VI, 46)? И еще: *отыдите отъ Мене: не вѣмъ васъ* (Мате. VII, 23). Воспринимайте же, дѣти, рѣчи Евангельскія, проповѣди Апостольскія и правила святыхъ Отцевъ въ души ваши и запечатльвайте ихъ въ сердцахъ вашихъ.

Къ церковной службѣ будьте поспѣшны, стараясь предварить другъ друга, какъ Іоаннъ предварилъ Петра, когда спѣшили они ко гробу Христову. Князья, бояре, купцы и всякий правовѣрный христіанинъ!— оставивъ всѣ свои дѣла, стекайтесь на церковную молитву безъ лѣности и не говорите: отпоеемъ у себя дома. Домашняя молитва не можетъ имѣть никакого успѣха безъ церковной молитвы. Какъ храмина безъ огня, отъ одного дыма не можетъ согрѣться, такъ и та молитва безъ церковной. Ибо церковь именуется земнымъ небомъ; и въ ней заколается Агнецъ, Сынъ, Слово Божіе, для очищенія грѣховъ всего міра, вѣрныхъ и людей, трепещущихъ словесъ Божіихъ; въ ней же проповѣдуется Евангеліе царствія Божія и Дѣянія

святыхъ Апостоловъ, и Соборныя посланія, и четырнадцать посланій свѣтлаго нашего учителя Апостола Павла, и постановленія святыхъ Отцевъ седми Все-лensкихъ Соборовъ почитаются; въ ней престолъ славы Божией, невидимо осѣняемый Херувимами; въ ней руками священническими прiemлется Тѣло и Кровь Божественная, и преподается вѣрнымъ на спасеніе и очищеніе души и тѣла. И таковое страшное, грозное и преславное чудо Божіе, это священнодѣйствіе Церкви, хотите вы замѣнить домашнимъ своимъ пѣснопѣніемъ и обрѣсти себѣ пользу?

Разсмотрите, дѣти вышеизложенные слова, воспрімите ихъ въ свой разумъ, вострепещите сердцемъ и прилагайте свою домашнюю молитву къ молитвѣ церковной. Когда же входите въ церковь, имѣйте со всѣми миръ и любовь, какъ сказалъ Спаситель: *егда принесеши даръ твой ко олтарю, иди прежде и смирися съ братомъ своимъ* (Мате. V, 23—24). А входя въ церковь, вострепещи душею и тѣломъ, ибо не въ простую храмину входишь. И если, дѣти, такъ будете поступать, то и молитва церковная за васъ будетъ восходить ко Господу. Съ боязнью, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ входите въ церковь, а выходите съ радостію, получивши прощеніе грѣховъ.

Когда же стоите въ церкви, помышляйте о своихъ, прегрѣшеніяхъ; на это время оставляйте за собою всѣ дѣла внѣ церкви, какъ пишутъ святые. Откровеніемъ Духа Святаго изложили божественную службу Василій Кессарійскій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ: „Станемъ со страхомъ!“ „Возлюбимъ другъ друга“ сердечною любовію, а не устами и языкомъ. И—„всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе“. „Нынѣ“ бо „Силы Небесныя съ нами невидимо служатъ“. И не смѣйте, дѣти, прогнѣвлять Бога своими

разговорами въ церкви. Отнынъ пусть прекратится среди насъ такое безстрашіе—разговоры и безчинное стояніе въ церкви; но да будетъ сердце ваше землею благою, пріемлющею слово поученія нашего.

Долженъ я, дѣти, пріявші отъ Бога талантъ, не скрывать его въ землѣ, но раздать вамъ, добрымъ торжникамъ. Вы же творите куплю духовную съ прибылью, дабы и я съ великимъ Апостоломъ Павломъ осмѣлился сказать въ день судный о тѣхъ, которыхъ научилъ: *вы похвала моя, вы и радость, вы и вѣнецъ мой предъ Богомъ* (1 Солун. II, 19). Такъ бы и меня, грѣшнаго, сподобилъ Богъ сказать во второе его пришествіе—съ вами, моими дѣтьми: *Господи! се азъ и дѣти, яже ми еси далъ.* И нынѣ, дѣти, ради Бога потщитесь всячески угодить Богу добрыми дѣлами, души свои спасти, гнѣвъ Божій утолить и себя приблизить къ Богу.

Имѣйте, дѣти, знаменіе Христово въ душахъ вашихъ. Григорій Богословъ пишетъ: „не легко украсть овцу, на которой положенъ знакъ“ *). Знакъ же для овецъ стада Божія есть пріобщеніе Тѣла и Крови Христовой. Вы, дѣти, какъ овцы словеснаго стада, не пропускайте ни одного поста, не возобновивъ на себѣ сего знаменія, но будьте причастниками Тѣла и Крови Христовой.

Все это, дѣти, писалъ я вамъ кратко, вашего ради спасенія; но вы благоразуміемъ своимъ умножьте въ сердцахъ вашихъ плодъ духовный. Приточникъ сказалъ: *аще таковымымъ коварствомъ, т.-е. ученіемъ, поживете, то приложатся вамъ и лѣта живота* (Притч. IX, 11). Такъ же и вы, дѣти, если примите и сохраните въ

*) Въ Словѣ на св. Крещеніе. Творенія св. Григорія Богослова. Ч. III. стр. 285.

сердцахъ вашихъ то, что написалъ я вамъ, и исполните не словомъ только, но дѣломъ, то содѣлаетесь причастниками Царствія Небеснаго, коего да сподобить всѣхъ насть Господь во второе Его пришествіе, со всѣми отъ вѣка Ему угодившими, и да сподобить быть общниками горняго Іерусалима, прославляющими въ Троицѣ Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь*).

ПОУЧИТЕЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ.

СВЯТАГО АЛЕКСІЯ,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И ВСЕЯ РУСИ.

Митрополита всея Руси игуменамъ, священникамъ, діаконамъ и всѣмъ правовѣрнымъ христіанамъ, людямъ христоименитымъ, пребывающимъ въ правовѣріи, всей области Нижегородской и Городецкой: благодать вамъ и миръ отъ Бога свыше.

Милостію Божію и благодатію Святаго Духа, данною мнѣ отъ Бога, хотя и не по достоинству моему, но по великой милости Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, я сподобленъ святительства. И потому, дѣти, я долженъ вамъ всегда воспоминать душеполезное и спасительное, дабы вы не сказали въ страшный день суда Спасова: мы не слыхали поученія о спасеніи душъ нашихъ отъ митрополита Алексія всея Руси.

Для сего, дѣти, пишу вамъ и побуждаю васъ на благое: игуменовъ, священниковъ, діаконовъ и всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ, дабы вы послѣдовали Спасову Евангелію, апостольской проповѣди, Святыхъ Отецъ

*) „Прибавленія къ Твореніямъ Святыхъ Отцовъ“, часть V, 1874 г., стр. 30—39, и часть IV, 1847 г., стр. 102.

установленію. Ибо Христосъ сказалъ апостоламъ: *вы есте соль земли, вы есте свѣтъ міра; да просвѣтите свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесъхъ* (Мате. V, 13, 14, 16). Такъ и великий Апостолъ Павелъ пишеть къ своему ученику Тимоѳею: *чадо Тимоѳее, научи, умоли, запрети благовременнѣй и безвременнѣй* (2 Тимоѳ. IV, 2). Такимъ же образомъ и вы, дѣти, игумены, іереи, учите своихъ дѣтей духовныхъ страху Божію, и исповѣданію грѣховъ, и милостынѣ, по силѣ; не убоятесь лица сильныхъ и запрещайте имъ, да не обидятъ меньшихъ. Поучайте, чтобы христіане имѣли между собою миръ, любовь и правду, не устами и не языкомъ, но сердцемъ чистымъ и дущею правою.

Смотрите, дѣти, какой мятецъ у васъ возсталъ въ сіе время! Отчего намъ все это приключается? — отъ нашей наисправности предъ Богомъ, какъ пишеть великий Григорій Богословъ: „отчего бываютъ удары на города, то есть казни или непріятельскія нашествія, голодъ, моръ или пожары? Все это бываетъ по нашему прегрѣшенію предъ Богомъ“ *). Нынѣ, дѣти, сколько возможно по силѣ вашей, какъ сами живите въ страхѣ Божіемъ и чистотѣ, такъ и дѣтей своихъ духовныхъ учите страху Божію и чистотѣ. Имѣйте, дѣти, всегда предъ очами память смерти, и воскресеніе, и судъ Спасовъ, и воздаяніе каждому по дѣламъ его. Поучайте дѣтей своихъ, дабы они были причастниками Тѣлу и Крови Христовой, съ чистою тѣлесною и душевною и со страхомъ Божіимъ по слову Спасителя, какъ Онъ сказалъ въ Своемъ Евангелии: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь имать животъ*

*) Изъ слова на безмолвіе отца, по опустошенніи градомъ полей. См. «Творенія Св. Отцовъ» въ русскомъ переводѣ. 1843 г. Т. II, стр. 51.

вѣчный; и на судъ не приидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ (Иоан. VI, 54; V, 24).

Еще, дѣти, пишу вамъ и о томъ, чтобы вы отсѣкли отъ себя корень зла, возбуждающій всякое беззаконіе, то-есть пьянство. Оно, во первыхъ, погубляетъ душу, отнимаетъ зрѣніе очей, тѣло дѣлаетъ безсильнымъ, сокращаетъ жизнь тѣлесную, истребляетъ въ человѣкѣ страхъ Божій, отдаляетъ его отъ Бога и доводить его до нищеты душевной и тѣлесной. Смотрите же, дѣти, сколько зла въ пьянствѣ!

Знайте, дѣти, игумены и священники, вожди слѣпыхъ, наставники заблуждающихъ, врачи болящихъ,— знайте вашъ долгъ, что если кто не вѣдаетъ закона Божія, того наводите на путь закона, наставляйте его на всякую истину, врачуйте болящихъ душою и будьте подобны соли. Ибо свойство соли таково, что она очерствѣвшее умягчаетъ, а слабое укрѣпляетъ: такъ и вы, если кто будетъ упругъ къ поученію, такового умягчайте словомъ Божіимъ законнымъ; а кто будетъ слабъ, такового укрѣпляйте словомъ Божіимъ законнымъ, какъ пишетъ свѣтлый нашъ великій учитель, Апостолъ Павелъ: *да будетъ слово ваше солю растворено* (Колос. IV, 6). Пасите словесныя овцы стада Христова со страхомъ и боязнью, чтобы онъ не заблудили по горамъ и по пустынямъ, то-есть, не блуждали безъ закона Божія и не сдѣлались бы пищью волковъ, то-есть, добычею діавола. Помните слово Спасителя, которое онъ сказалъ къ верховному Своему Апостолу Петру, по святому Своему тридневному воскресенію: *аще, Петре, любиши Мя, паси овцы Моя* (Иоанн. XX, 15—17),—и это сказалъ ему не однажды, но трижды. И Петръ Апостолъ, какъ обѣщался, такъ и сдѣлалъ, и душу свою положилъ за овцы Христовы. Смотрите же, дѣти, сколь великое надлежитъ вамъ

имѣть попеченіе о словесныхъ овцахъ стада Христова!

Впрочемъ, я пишу сіе не однимъ игуменамъ и священникамъ, но и князьямъ и боярамъ, и мужамъ и женамъ, и всѣмъ правовѣрнымъ христіанамъ, чтобы вы, дѣти, имѣли почтеніе, покорность и послушаніе къ отцамъ вашимъ духовнымъ, поколику они учатъ васъ душеполезному и спасительному.

Наконецъ, дѣти, живите въ мирѣ и здравіи душевномъ и тѣлесномъ. Также, дѣти, поминайте въ молитвахъ своихъ и наше смиреніе, дабы Христосъ Богъ насъ соблюдалъ отъ непріязни (Іоан. XVII, 15) въ семъ вѣкѣ, а въ будущемъ бы сподобилъ насъ Христосъ стать предъ лицемъ Его и сказать съ дерзновеніемъ: *Господи, се азъ и дѣти мои, яже ми даљ еси* (Исаіи VII, 18; Евр. II, 13). И если вы, дѣти, такъ исполните то, что я вамъ писалъ, душеполезное и спасительное, для вашего спасенія: то Богъ мира да будетъ съ вами, и милость святой Богородицы, и молитвы святыхъ Отецъ, и нашего смиренія благословеніе. Богу нашему слава во вѣки. Аминь *).

ПОУЧИТЕЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

СВЯТАГО АЛЕКСІЯ,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И ВСЕЯ РУСИ.

Благословеніе Алексія, митрополита всея Руси, всѣмъ христіанамъ, находящимся въ области Червлѣнаго Яра и по карауламъ возлѣ Хопоръ, до Дону,

*) Душеполезное Чтеніе 1861 года. Часть I, стр. 458—467.

священникамъ и діаконамъ, баскакамъ *), сотникамъ и боярамъ.

Молюся Богу и Пресвятой Богородицѣ, да будете вы душею и тѣломъ добры и здравы, и да исполняете заповѣди Божіи, ибо Христосъ говоритъ: *имъяй заповѣди Моя и соблюдаяй я, той есть любяй Мя* (Іоан. XIV, 21). Чтобы быть вамъ возлюбленными отъ Христа, должно исполнять Его заповѣди. Имѣйте правую вѣру во Святую и единосущную Троицу, въ которую крестились, любовь и миръ другъ къ другу, правду, цѣломудріе, милостыню и исповѣданіе грѣховъ.

Господь Богъ Іисусъ Христосъ такъ сказалъ Своимъ ученикамъ и Апостоламъ: *ищедше въ мірѣ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари. Иже въкру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Марк. XVI, 15—16). Даровалъ имъ также благодать и власть: *елика аще свяжете на земли (ради грѣховъ человѣческихъ), будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесахъ* (Марк. XVIII, 18). И такъ еще сказалъ: слушая васъ, *Мене слушаетъ: и отмечатаяйся васъ, Мене отмечается* (Лук. X, 16). Эту же благодать Пресвятаго Духа пріялъ и я грѣшный отъ преосвященнаго вселенскаго патріарха и отъ святаго собора, и пріѣхалъ ко святой Софіи, въ митрополію всея Руси, въ Киевъ, и къ всѣмъ христіанамъ, обрѣтающимся во всей Русской землѣ, пастырь и учитель. Великая тягость на мнѣ: долженъ я говорить и учить всѣхъ всему душеполезному и спасительному. По той же причинѣ много разъ и митрополитъ єеогнотъ писалъ къ вамъ, дѣтямъ своимъ, что служитъ на пользу ду-

*) Баскакъ—татарскій приставъ для сбора податей и надзора за исполненіемъ ханскихъ повелѣній.

шамъ вашимъ. Вы же, какъ показываетъ время, словъ моихъ не слушаете и поученія моего не принимаете, но исполняете плотскую волю и дѣла темныя. Развѣ вы не знаете, что владыки всей Русской земли находятся подъ моей властію и въ моей волѣ? Я ихъ поставляю благодатію Пресвятаго Духа. Такимъ же образомъ подана власть и вашему владыкѣ. Но вы словъ его не принимаете, а принимаете стороннихъ пастырей. Какъ видно, принадлежите вы къ паствѣ не истиннаго Пастыря Христа, а духа противнаго. Ибо словесныя овцы Христовы слушаютъ гласа Христова и послушны слову нашему, потому что мы—Христовы и изрекаемъ слова Христовы. И кто Христовъ, тотъ слушаетъ насъ и исполняетъ то, о чёмъ я пишу, а кто не слушаетъ насъ, тотъ не Божій. Истинный и вѣрный христіанинъ является таковымъ по дѣламъ своимъ, какъ и Апостолъ говоритъ: *вѣра безъ дѣлъ мертвъ есть* (Іак. II, 17). Таковы и дѣла безъ вѣры. Поэтому, дѣти, творите дѣла свѣтлыя, а всякая злоба, досада, ярость, гнѣвъ, блудъ, прелюбодѣяніе, обида, зависть, убийство и пьянство да отнимется отъ васъ (Ефес. IV, 31), потому что, говоритъ Апостолъ, *таковая творящіи царствія Божія не наследуютъ* (Галат. V, 19—21).

Слыша это всегда отъ святыхъ, возлюбленные, покайтесь и обратитесь къ Богу, научитесь творить благое и себя остерегайте. Помните смерть, воскресеніе, будущій Страшный судъ и Того великаго и Страшнаго Судію, Который знаетъ человѣческія сердца, помышленія и дѣла; помните вѣчный покой праведныхъ и вѣчную муку грѣшныхъ. Если вы будете помнить все это, то не согрѣщите никогда и не будете непослушны намъ, которыхъ Духъ Святый поставилъ пастырями и учителями для всѣхъ христіанъ.

Всегда прибѣгайте къ церквамъ, съ женами и дѣтьми, и изъ имущества своего удѣляйте церквамъ и святымъ; священниковъ и монаховъ любите и просите молитвы ихъ. Вдовицъ, сиротъ, плѣнныхъ и странниковъ милуйте и призирайте, и находящихся въ темницахъ посѣщайте, да сподобитесь блаженного онаго святого гласа Христа истинного, глаголющаго: *приидите благословеніи Отца Моего и наслѣдуйте угостованное вамъ царствіе отъ сложенія міра: взлкахся бо, и дасте Ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя: спранихъ б҃хъ, и введосте Мене: нагъ, и одѣясте Мя: боленъ, и постысти Мене: въ темницѣ б҃хъ, и приидосте ко Мне* (Мате. XXV, 34—36). Творящіе же зло и беззаконіе, немилостивые, безжалостные пойдутъ во тьму кромѣшнюю. Но если вы будете исполнять Христовы заповѣди, получите спасеніе; да и не тяжки онѣ.

Если вы исполните такъ, какъ я пишу вамъ, душеполезное и спасительное, грамоты этой послушаетесь и дадите церковную пошлину, то да будетъ съ вами, съ женами и дѣтьми вашими, и со всѣми христіанами—милость Божія и Пресвятой Богородицы и мое благословеніе *).

*) Акты историческіе, собранные и изданные Археографическою Комиссією. Томъ I, 1334—1593. № 3 Стран, 3—4. С.-Петербургъ, 1841 г.

Два райскихъ дара Божія въ человѣчествѣ.

Изгнавъ падшаго человѣка изъ рая, Богъ не окончательно лишилъ его своей милости;—Онъ даровалъ ему двоякое сокровище и благословеніе. Какъ отецъ въ Евангельской притчѣ отпустилъ изъ дома блуднаго сына Своего не съ пустыми руками, а далъ ему часть его наслѣдства, такъ и небесный Отецъ—не совершенно нагими выслалъ изъ рая согрѣшившихъ чадъ Своихъ. Онъ далъ имъ и ихъ потомкамъ изъ райскаго наслѣдія нѣчто такое, что постоянно должно напоминать имъ о потерянномъ блаженствѣ, пробуждать ихъ тоску по родинѣ, по отеческому дому и, какъ свѣтлая звѣзда въ темной ночи, показывать путь къ возвращенію.

Этою путеводною звѣздою служатъ для нихъ *праздникъ и семья*. Такое важное значеніе послѣднє всегда имѣли и будутъ оставаться съ нимъ до тѣхъ поръ, пока существуютъ люди на землѣ, которые еще носятъ на себѣ слѣдъ Божественнаго происхожденія: праздникъ, какъ такой день покоя, въ который бѣдные трудящіеся люди забываютъ проклятие грѣха, лежащее на работѣ и, смывъ потъ съ лица своего, могутъ положить за пазуху свои усталыя, терніемъ и колючками исцарапанныя во время работы руки; а семья, какъ тихій сборный пунктъ въ разсѣяніи міра и разброда жизни, гдѣ члены ея могутъ имѣть свое тѣсное общеніе, радость и утѣшеніе. Да, есть еще въ этомъ голосъ церкви.

міръ грѣха и себялюбія такой тихій алтарь, на кото-
ромъ пріятнымъ фіміамомъ горитъ жертвенный
огонь любви къ Богу и людямъ.

Праздникъ и семья ничего не имѣютъ въ себѣ
человѣчески земнаго и искусственно созданного, но
это—священные установленія Бога, учрежденные на
радость и счастье человѣка. Прежде чѣмъ Господь
поставилъ праздникъ и семью подъ святую защиту
своего закона, прежде чѣмъ Онъ заповѣдалъ: *помни*
день субботній, чти отца твоего и мать, не прелюбы
створи,— еще задолго до Моисеева закона уже сущес-
твовали тамъ, въ Эдемскомъ раю, и день покоя, и
семья, какъ дары Божественной благости и любви.
Вотъ почему не какъ тяжелую и непріятную обязан-
ность, къ исполненію которой мы должны понуждать
себя, но, какъ самое пріятное и вожделѣнное право
чадъ Божіихъ, должны мы съ любовію принимать эти
дары нашего Бога и съ сердечною благодарностью
наслаждаться ими. Однакожъ, ослѣпленіе грѣха такъ
глубоко и неблагодарность человѣческая такъ велика,
что многіе изъ людей попираютъ эти дары Божіи и
безумно отталкиваютъ дарованное имъ счастье. О,
если бы люди знали, что они приобрѣтаютъ и что
теряютъ въ праздничномъ отдыхѣ и семье,—они не
были бы такъ неразумны, и не стали бы пренебре-
гать и злоупотреблять этими дарами!

Кто любить Бога, любить свою душу и своихъ
ближнихъ, тотъ не можетъ равнодушно и безъ боли
сердца смотрѣть, какъ эти святилища Бога все болѣе
и болѣе разрушаются, пренебрегаются и употребля-
ются во зло. Поистинѣ, здѣсь идетъ дѣло не о чёмъ
нибудь безразличномъ и неважномъ; нѣтъ, здѣсь дѣло
идетъ о необходимыхъ условіяхъ нашего земнаго
счастья и нашего вѣчнаго спасенія. Ибо если необ-

ходимо признать, что вся наша истинно человѣческая жизнь возрастаетъ изъ сѣмени Божественного слова, то спросимъ мы: когда это сѣмя такъ обильно сѣется, какъ не въ праздничные дни? И гдѣ оно находитъ такую плодоносную почву, какъ не въ христіанской семье? УстраниТЬ изъ семейной жизни праздникъ, значитъ тоже, что отрывать дерево отъ корня. Можетъ ли оно безъ него расти и плодъ приносить? Не все ли это равно, какъ если бы кто исчерпалъ до основанія свой источникъ? Откуда тогда взялась бы вода?

Да, исторія христіанской культуры и цивилизаціи, вся исторія церкви и міра подтверждаетъ, что народъ, который свято соблюдаетъ четвертую заповѣдь въ семейной и общественной христіанской жизни, можетъ противостоять всѣмъ вреднымъ, нравственно—растлѣвающимъ теченіямъ; и наоборотъ: тотъ народъ, который попираетъ праздники и оскверняетъ семейную жизнь, нравственно развращается и гибнетъ. Грѣхи,— эта причина нравственной порчи людей,—начинаются всегда съ пренебреженія къ Божественному слову, съ уклоненія отъ Божественного порядка и дисциплины, а потомъ убиваютъ великій страхъ Божій, при чемъ во всѣхъ областяхъ жизни исчезаетъ великая правда, которая возвышаетъ народъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько благочестивъ и богообоязренъ тотъ или другой народъ, для этого достаточно узнать, какъ относится онъ къ празднику и семье.

И такъ—называемое соціальное бѣдствіе и народный недугъ новѣйшаго времени, въ существѣ дѣла, есть недугъ праздничнаго дня и семьи. Одинъ изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ народной жизни (Несторъ Бадельшвингъ), болѣе другихъ прилагавшій заботы къ излѣченію недуга народной жизни, сказалъ однажды: „все, что дѣлается въ области христіанской любви къ

ближнимъ; есть работа только въ периферіи по отношению къ тому, что необходимо дѣлать для поддержанія и сохраненія христіанской семейной жизни. Здѣсь—центръ этого недуга и врачеванія. Праздничный день и семья должны итти рука обь руку; одно стоитъ или падаетъ вмѣстѣ съ другимъ“.

Итакъ, вопросъ о христіанскомъ празднике есть вопросъ не религіозный только, но и общечеловѣческій и соціальный. Праздникъ есть законъ не Бога только, но и законъ человѣка, законъ природы. Праздникъ есть день не религіознаго только назиданія, но и домашняго и соціальнаго порядка, день отдыха, необходимаго для поддержанія жизни и здоровья тѣлеснаго, и день укрѣпленія семейнаго очага и семейныхъ узъ. Вотъ почему его справедливо называютъ (Блаженный Августинъ) „перломъ дней“ или „царемъ всѣхъ дней“. Вотъ почему не безъ права говорить известный борецъ по вопросу о воскресномъ днѣ Крекеръ: „нѣть ни одного болѣе важнаго, соціальнаго, политическаго и церковнаго вопроса, какъ вопросъ о соблюденіи праздничнаго дня“. Даже и такой человѣкъ, какъ Прудонъ, великій революціонеръ, который всякую собственность считаетъ воровствомъ, религію только дѣломъ глупаго и дѣтски наивнаго народа, въ особомъ своемъ трактатѣ защищаетъ праздничный день. Намъ—русскимъ должно быть особенно стыдно за то, что въ нашемъ обществѣ высказываются не за сохраненіе праздничныхъ дней, а за сокращеніе и отмѣну ихъ, и только соціалъ-демократическая партія стоитъ за нихъ, но, конечно, не по религіознымъ побужденіямъ.

Важность и значеніе праздника вытекаютъ изъ того, что въ охраненіи его принимаютъ одинаковое участіе три великихъ союза: государство, церковь и семья,

которымъ Богъ ввѣрилъ надзоръ за этимъ сокровищемъ. Государство, какъ стражъ внѣшняго правильнаго порядка жизни, заботится о праздничномъ отдыхѣ; церковь, какъ попечительница и воспитательница духовной жизни,—о *святости* его; семья, какъ мѣсто, гдѣ гармонически настраивается внѣшняя и внутренняя жизнь, заботится о правильномъ препровожденіи праздника въ отдохновеніи и радости.

Соответственно этому и польза отъ праздничнаго дня получается тройкая: а) польза для нашего тѣла и для внѣшней здоровой жизни, получаемая отъ отдыха и покоя, б) польза для нашей души и религіозной жизни, получаемая отъ святаго благочестиваго препровожденія этого дня, и в) польза для семейной и общественной жизни отъ того общенія, коему особенно благопріятствуетъ праздничный день.

Важно, очень важно уже и то благо, которое приноситъ человѣку праздникъ, доставляя ему отдыхъ отъ будничныхъ ежедневныхъ работъ. Наше тѣло не въ состояніи работать каждый день безпрерывно и безъ промежутковъ. Подобно тому, какъ нуждается оно для укрѣпленія своихъ силъ въ ночномъ покое, такъ необходимъ для него послѣ ряда рабочихъ дней и дневной покой. Вотъ почему Господь Богъ установилъ седьмой день, какъ день покоя. Наша натура не можетъ существовать безъ отдыха и покоя, и кто нарушаетъ этотъ законъ природы, тотъ не остается безъ наказанія. Умноженіе болѣзней, слабость и дряблость тѣлесныхъ силъ и другіе недуги, какъ напр. болѣе и болѣе развивающаяся въ нашемъ поколѣніи нервозность и разнаго рода психическіе недуги, объясняются безъ сомнѣнія тѣмъ, что люди переутомляются, не имѣя настоящаго, действительнаго покоя, что воскресные и праздничные дни они проводятъ

такъ, что эти дни не только не даютъ имъ успокое-
нія и отдыха, но скорѣе требуютъ еще большаго
напряженія и расходованія тѣлесныхъ силъ. По сооб-
щенію одного, извѣстнаго въ этой области доктора
(Муссо), человѣческая жизнь при строгомъ соблюденіи
праздничнаго покоя бываетъ на $\frac{1}{4}$, часть продолжи-
тельнѣе, чѣмъ при нарушеніи его. Достойно примѣ-
ченія изреченіе одного Англійскаго государственаго
мужа, который въ отвѣтъ на привѣтственную рѣчъ
одного дипломата, въ коей подчеркнуто было, какъ
особенное счастье, его долголѣтіе, сказалъ: „этимъ
счастьемъ я обязанъ преимущественно тому, что строго
соблюдалъ четвертую заповѣдь“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всякий, кто проводить
въ работѣ праздничный день, въ буднѣе рабочіе дни
не можетъ сдѣлать столько, сколько сдѣлаетъ тотъ,
кто въ праздникъ отдыхаетъ и накопляетъ силы. Тотъ
или сдѣлаетъ „шабашъ“, т. е. не станетъ работать въ
слѣдующій день, или потерянный праздничный отдыхъ
возмѣститъ въ какой нибудь другой день недѣли. Не-
даромъ у насъ сложилась поговорка: „что въ воскресенье
наживешь, то въ понедѣльникъ проживешь“.

То возраженіе, которое столь часто приходится слы-
шать, что въ семь дней всегда можно заработать
болѣе, чѣмъ въ шесть дней, вѣрно только повидимому.
Ибо при этомъ расчетѣ забыть одинъ очень важный
факторъ: это—благословеніе Бога, отъ Котораго *вся-
кое даяніе благое и всякий даръ совершенный*, и отъ Ко-
его, слѣдовательно, зависить и всякий успѣхъ въ на-
шей работѣ. Здѣсь я позволю себѣ привести нѣсколько
фактовъ, которые представляютъ разительное дока-
зательство несправедливости той мысли, по которой
въ семь дней больше можно сдѣлать, чѣмъ въ шесть.

Въ 1832 году отъ второй камеры въ Англійскомъ

Нижнемъ Парламентѣ назначена была комиссія съ порученіемъ изслѣдовать успѣхи семидневной работы, въ сравненіи съ шестидневною. Многочисленныя показанія свидѣтелей, какъ и мнѣніе врачей, привели комиссию къ заключенію, что шестидневной работѣ принадлежитъ несомнѣнно преимущество. Такжѣ и въ Сѣверной Америкѣ производили опыты съ работою тысячъ людей и животныхъ и всегда приходили къ тому выводу, что качество и количество семидневной работы стоятъ гораздо ниже, чѣмъ шестидневной. Англійское общество ямщиковъ назначило для одной половины своихъ лошадей семидневную Ѣзду, а другой шестидневную, и оказалось, что потеря, происшедшая отъ изнуренія животныхъ при семидневной Ѣздѣ, была больше, чѣмъ вырученная прибыль.

Одинъ великий промышленникъ фабричнаго города на Рейнѣ на своею юбилею заявилъ, что то великое благословеніе, которое въ теченіе 25 лѣтъ почивало на его работѣ, онъ приписываетъ покою праздничныхъ дней, который строго соблюдалъ онъ, не смотря ни на какія препятствія.

А что имѣеть значеніе въ отношеніи къ отдѣльному лицу, то имѣеть такое же значеніе и въ отношеніи къ цѣлому обществу, къ народу. Одинъ знаменитый учитель правовѣдѣнія (Блюнчили) говоритъ въ своемъ государственномъ лексиконѣ подъ заглавіемъ: *Культурполиція*: „Ничѣмъ государство не можетъ такъ возвысить народную нравственность, а въ связи съ этимъ и внѣшнее благополучіе, какъ тою поддержкою и покровительствомъ, какое оно оказываетъ церкви,“ — разумѣя здѣсь именно проповѣдь церкви о соблюденіи праздниковъ.

Одинъ знатокъ древности обращаетъ вниманіе на то, какъ Израильскій народъ, строго соблюдающій

свою субботу въ теченіе столь многихъ столѣтій, сохра-
нилъ свои духовныя и тѣлесныя силы, тогда какъ
недостатокъ этого чередованія между трудомъ и отды-
хомъ у Грековъ и Римлянъ былъ главною причиною
разстройства и разложенія ихъ народной жизни.

Наконецъ, по существующему общему мнѣнію, добрыя
черты въ характерѣ Англійскаго народа, именно
извѣстныя чувства законности и порядка, имѣютъ
свой корень въ его строгомъ; согласномъ съ заповѣ-
дью Божиєю, соблюдениіи воскреснаго дня.

Было бы очень желательно, чтобы на эти факты
болѣе обращалось вниманія и у насъ при празднич-
номъ отдыхѣ чиновниковъ и служащаго класса людей.
Если бы желѣзнодорожные служащиye имѣли болѣе
праздничнаго отдыха, то, навѣрное, тогда менѣе было
бы несчастій на желѣзныхъ дорогахъ. На тѣ издержки,
которые идутъ на вознагражденіе убытковъ вслѣдствіе
частыхъ крушений и несчастій, моглбы быть поста-
влено гораздо большее количество служащихъ. На
западѣ эта мысль примѣняется къ дѣлу и не безъ
успѣха. Въ 1886 году Бельгійскій министръ путей
сообщенія публично высказалъ мнѣніе, что его распо-
ряженіе о наибольшемъ праздничномъ отдыхѣ дало
прекрасные результаты, что не было вслѣдствіе этого
никакого ущерба и правонарушеній ни въ отношеніи
публики, ни въ отношеніи частныхъ лицъ, и что всѣ
служащиye на желѣзныхъ дорогахъ были очень благо-
дарны за то, что имъ дали возможность болѣе участ-
вовать въ праздничномъ отдыхѣ. Равно и баронъ
Приссе, желѣзнодорожный начальникъ, въ засѣданіи
бывшаго въ Брюсселѣ желѣзнодорожнаго конгресса,
горячо ратовалъ за необходимость болѣе продолжи-
тельнаго отдыха для служащихъ на желѣзной дорогѣ.
Онъ называлъ положительно варварствомъ тотъ поря-

докъ, при которомъ служащіе изъ года—въ годъ, изо дня—въ день, безъ перерыва, съ глубокаго утра до поздней ночи, остаются на службѣ. И тогдашній Прусскій желѣзнодорожный директоръ, а затѣмъ министръ Тиленъ, стремился къ этой цѣли ограниченія работы для желѣзнодорожныхъ служащихъ и къ сокращенію товарныхъ поѣздовъ въ праздничные дни, чѣмъ отчасти и осуществлено.

Слѣдуетъ замѣтить, что Западныя государства въ послѣдніе годы много сдѣлали къ лучшему употребленію времени въ праздничные дни. Въ настоящее время тамъ едвали уже могутъ находить себѣ мѣсто такія вещи, какъ 20 или 15 лѣтъ назадъ, когда напр. въ Бременѣ въ великій пятокъ устроена была птичья и кроликова выставка, а въ Берлинѣ въ тотъ же день публичная выставка ученическихъ и школьныхъ работъ, а въ день праздника Вознесенія происходило, тамъ же открытие выставки домашняго скота. Противъ этого протестовала совѣсть народа. А у насъ?— кто не знаетъ, какъ мало еще сдѣлано и какъ много еще предстоитъ сдѣлать у насъ для того, чтобы какъ должно, по христіански, и благоразумно проводить праздничное время? Какъ часто нарушаются воскресные и праздничные дни въ наше время, напримѣръ, поѣздками, пикниками, зреющими и играми въ разнаго рода товарищескихъ кружкахъ, увлекающихъ за собою и тѣхъ, кто желалъ бы провести праздникъ въ тихой семейной обстановкѣ. Какой вредъ заключается въ томъ злоупотребленіи праздниками, когда проводятъ предшествующую имъ ночь безъ сна, за карточнымъ столомъ, или, что еще хуже, въ попойкахъ и кутежахъ. Равнымъ образомъ, какой смыслъ можно найти въ томъ, если лавки, торгующія съѣстными припасами, какъ напр. пекарни, булочныя, мясныя и овощныя,

запираются, а пивные, кабаки и трактиры въ теченіе всего праздника стоятъ открытыми! Особенno слабы полицейскія распоряженія, касающіяся праздничныхъ дней, у насъ въ провинціи, коими допускаются базары, ярмарки и общественные сходки, сопровождаемыя пьянствомъ. Такіе законы служатъ великимъ соблазномъ и вредомъ для народа. И Церковь и народная совѣсть не могутъ умолкнуть въ этомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока это не улучшится. Здѣсь имѣеть значеніе известное мудрое изреченіе: „чѣмъ мягче законъ, тѣмъ грубѣе жизнь народа“.

Но несравненно большее благо человѣка, чѣмъ вѣщнее, тѣлесное его благополучіе, составляетъ то благословеніе, которое Богъ даровалъ чрезъ христіанскій праздникъ душѣ его. Религіозная сторона есть зерно дѣла. Покой тѣла есть вѣщнее предварительное условіе для освященія и исцѣленія души. Покой есть чаша, которая чрезъ это освященіе приобрѣтаетъ содержаніе. „Ты долженъ оставить твоє дѣло, чтобъ Богъ дѣлалъ въ тебѣ Своє дѣло“. Это выраженіе одного изъ учителей церкви вводить насъ въ центръ вопроса о праздничномъ днѣ. Къ сожалѣнію, въ вопросѣ о религіозномъ смыслѣ и значеніи праздниковъ у многихъ и доселѣ еще господствуетъ недостатокъ ясности. Думаютъ, что 4-я заповѣдь имѣла значеніе только для ветхозавѣтныхъ временъ, но уже не имѣеть его для новозавѣтного, христіанского времени. При этомъ ссылаются даже на Христа и Апостоловъ. Спаситель исцѣлилъ-де больного и въ субботу, и когда Онъ по сему случаю, подвергся нападеніямъ, Онъ оправдалъ Свою точку зрѣнія тѣмъ, что никто своего быка или осла, если бы онъ упалъ въ субботній день въ колодезь, не оставилъ бы въ немъ, но извлекъ бы его оттуда, ибо не человѣкъ ради субботы, а суббота

ради человѣка. Почему Господь дозволялъ Своимъ ученикамъ и въ субботу срывать колосья, чтобы утолить ихъ голодъ, чтò фарисеи считали нарушеніемъ и оскверненіемъ субботы.—Однако, мы видимъ, что Господь занялъ въ отношеніи этой заповѣди только болѣе свободную позицію, чѣмъ фарисеи и книжники. Послѣдніе стояли подъ буквою закона и возлагали тяжелое бремя разнаго рода человѣческими постановленіями и прибавками, между тѣмъ какъ Христосъ руководился духомъ Закона, который заключается въ любви. То, противъ чего возстаетъ Христосъ, есть не самая заповѣдь о субботѣ, а ложное толкованіе и примѣненіе ея и раболѣпное служеніе буквѣ. Что же касается самой 4-й заповѣди, то она и у Христа остается тѣмъ же, чѣмъ была и до Него, и слово Его въ нагорной проповѣди, что Онъ пришелъ не разорить закона, но исполнить его, относится, конечно, и къ этой заповѣди закона Моисеева. И Онъ, дѣйствительно, исполнилъ этотъ законъ, исполнилъ не тѣмъ только, что Самъ неуклонно соблюдалъ его, но и тѣмъ, что какъ должно изъяснилъ смыслъ его и вложилъ въ него духъ любви. Особенно же ясно Господь отвергъ мысль о томъ, что законъ Божій, данный чрезъ Моисея, имѣлъ только временное значеніе для ветхозавѣтныхъ людей, такими словами: „Аминь бо глаголю вамъ, дондеже прейдетъ небо и земля, іота едина, или едина черта не прейдетъ отъ закона, дондеже вся будуть.“

Законъ Божій есть одно цѣлое, въ коемъ каждый пунктъ имѣетъ свое значеніе. И кто нарушитъ 4-ю заповѣдь, тотъ съ такимъ же правомъ можетъ нарушить и пятую и шестую. Простой долгъ послушанія Христу и Его Слову обязываетъ насъ оказать такую же честь четвертой заповѣди, какъ и каждой другой.

Не могутъ также ссыльаться желающіе ослабить четвертую заповѣдь и на Павла Апостола. Тѣ изреченія Апостола, которыя могутъ порождать мысль о томъ, будто онъ почитаніе субботы для христіанъ считаетъ лишнимъ (Кол. 2. 16. Рим. 14. 5. 6. Гал. 4. 9. 10.), написаны для христіанъ, обратившихся ко Христу изъ язычества, отъ которыхъ фарисейски настроенные враги Его требовали, чтобы и они подчинялись внѣшней буквѣ закона Моисеева. Этимъ лжеучителямъ Апостолъ противопоставляетъ евангельскую свободу отъ внѣшняго ига закона и становится здѣсь на ту точку зрењія, съ которой еще пророкомъ Исаію въ ветхомъ завѣтѣ высказаны такія слова: *Новомѣсячій и субботѣ, праздничныхъ собраній (вашихъ) я не могу терпѣть, ненавидитъ ихъ душа Моя. И когда вы простираете руки ваши и умножаете моленія ваши, Я не слышу: ибо ваши руки полны крови.*

Такимъ образомъ, это совершенно напрасный трудъ, когда для подтвержденія мысли объ ослабленіи почитанія субботы (праздника, покоя), хотя бы опереться на Христа, или Ап. Павла.

Душа не дороже ли тѣла, и вѣчность не важнѣе ли времени?—говоритъ св. Златоустъ. Ужели захотимъ мы заботиться только о тѣлѣ, забывъ о душѣ? Слово Божіе и таинство евхаристіи есть пища для нашей души. А безъ этого не проходитъ ни одинъ христіанскій праздникъ. Каждому христіанину это должно быть такъ же понятно, какъ и то, что ни одинъ день не проходитъ безъ ъды и питья. Праздникъ безъ евхаристіи и Слова Божія есть день безъ солнечнаго свѣта.

„Душа моя тоскуетъ, томится о Богѣ, о Живомъ Богѣ“,—это относится ко всякой человѣческой душѣ; и горе человѣку, который не обращаетъ вниманія на эту потребность души своей!

Но великий и тяжкий недугъ нашего времени состо-
итъ въ томъ, что многіе не имѣютъ уже уха для
голоса души своей, что материализмъ, который отвер-
гаetъ бытіе души, низвелъ человѣка на степень живот-
наго, такъ что онъ, какъ животное, имѣетъ способ-
ность чувствовать только потребность тѣла. Вотъ гдѣ
конечная причина великаго безвѣрія и безцерковія,
причина непочитанія праздниковъ, пренебреженія
таинствами и Божественнымъ Словомъ. При такомъ
настроеніи человѣкъ думаетъ только о тѣлесной пищѣ
и питьѣ, о работѣ и покое и, если онъ въ продолже-
ніе буднихъ дней находился въ положеніи выочнаго
животнаго, то съ наступленіемъ праздника онъ ста-
рается вознаградить себя какимъ нибудь удовольстві-
емъ, давая полный просторъ своей господствующей
страсти: Всякое высшее, идеальное стремленіе, всякий
размахъ души для него чуждъ и не доступенъ. Чело-
вѣкъ теряетъ способность возводить взоръ свой горѣ,
теряетъ вѣру и всякую надежду на будущую жизнь;
онъ всецѣло погружается въ земное и дѣлается маши-
ною, которая до тѣхъ только поръ движетъ механи-
чески его жизненное колесо, пока смерть не остано-
вить этого движенія. Тогда конецъ всему!.. Но еще
всему ли?..

Ахъ, если бы эти жалкіе люди знали и думали о
томъ, что они получили вмѣстѣ съ праздникомъ!
Праздникъ, говоритъ Златоустъ, есть оазисъ въ пустын-
ной жизни человѣческой, гдѣ зеленая трава манитъ
къ покою, гдѣ течетъ источникъ воды живой, гдѣ
цвѣтутъ пальмы мира и тѣнь ихъ доставляетъ про-
хладу и успокоеніе. Праздникъ есть убѣжище на путі
жизни, гдѣ усталый путникъ можетъ отдохнуть и
собраться съ силами для новаго путешествія.

Праздникъ есть какъ бы тихій и теплый весенній

дождь, который падаетъ на сухую землю, согрѣваетъ и пробуждаетъ ее къ новой жизни. Въ этотъ день душа человѣка должна покоиться въ Богѣ, забывъ всѣ житейскія заботы и страданія, должна радоваться Его отеческой благости и полагаться на Его отеческую вѣрность.

Кто такимъ образомъ пользуется праздничнымъ днемъ, тотъ можетъ только въ чувствахъ хвалы и благодаренія воскликнуть: о, сладкій день душевнаго покоя, день свѣта въ мрачной юдоли, день Божія благословенія и блаженства! Пучемъ Твоей благодати коснись души моей, согрѣй мое сердце!

Но христіанскій праздникъ есть не только день покоя, но и радости и веселья. Быть христіаниномъ,— значитъ не быть печальнымъ, но во всякое время благодушнымъ и радостнымъ, и празднику не подобаетъ быть мрачнымъ и унылымъ днемъ, но днемъ яснаго солнца, днемъ радости. Но между радостями— большая разница. Есть радости, которые имѣютъ только видъ радостей, но на самомъ дѣлѣ не суть радости. Это— всѣ такъ называемыя радости и удовольствія міра, въ которыхъ многіе проводятъ праздничные дни, и безъ которыхъ они не могутъ себѣ и представить никакого праздника. Но дѣйствительныя ли это радости, которые продолжаются до тѣхъ только поръ, пока ими наслаждаются, но затѣмъ, вместо умиренія и успокоенія, оставляютъ только жало въ совѣсти, или же жгучую жажду все большихъ и большихъ удовольствій? Дѣйствительныя ли это радости, которые часто губятъ и тѣло и душу, которая служатъ причиной и поводомъ къ разнаго рода грѣхамъ и порокамъ, которая погашаютъ любовь къ Богу и Его слову и день праздника дѣлаютъ грѣховнымъ днемъ?

Статистически установлено, что большая часть грѣховъ невоздержанія, нецѣломудрія и насилия противъ здоровья и жизни собратьевъ падаютъ на праздничные дни, или же тѣсно связаны съ злоупотребленіемъ этихъ дней. По мѣрѣ того, какъ пустѣютъ въ эти дни церкви, наполняются населниками не только гостиницы и пивныя, но и тюрьмы, исправительные дома и дома умалишенныхъ.

Христіанскій праздникъ имѣетъ задачею быть днемъ богослужебной молитвы и семейныхъ удовольствій. Праздникъ и семья,—эти посланники рая, — здѣсь сходятся вмѣстѣ и подаютъ другъ другу руки, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ и блаженнымъ.

Семья есть основаніе и главная опора всякаго человѣческаго общенія и общества, корень человѣчества, зародышъ, ячейка всѣхъ человѣческихъ порядковъ и отношеній. Изъ семьи образовывается родство, общество, народъ и государство. Какъ праздникъ, такъ и семья есть вмѣстѣ и законъ природы, и законъ Бога. Семья есть отображеніе отношеній Бога къ людямъ, для которыхъ Онъ хочетъ быть вѣрнымъ отцемъ. Мужъ, какъ глава семьи, жена какъ сердце семьи,—оба крѣпко держатся другъ друга и, дѣйствуя во взаимномъ согласіи, какъ намѣстники Бога для дѣтей своихъ,—заботятся не только о тѣлесномъ ихъ питаніи, но и души ихъ приводятъ къ тому, Который есть Отецъ всѣхъ. Этому характеру семьи, который опредѣлилъ Самъ Богъ при установлениі брака въ раю, но который затѣмъ нарушенъ былъ грѣхомъ и язычествомъ, въ особенности же многоженствомъ и рабскимъ положеніемъ женщины, положено основаніе еще въ ветхомъ завѣтѣ, а затѣмъ онъполнѣе осуществленъ въ христіанствѣ, въ христіанскомъ бракѣ. Христосъ, при Своемъ рождениі, вышелъ изъ нѣдра

семьи и первое Свое чудо сотворилъ при образованіи семьи на бракѣ въ Канѣ Галилейской. Этимъ Онъ освятилъ семью и сдѣлалъ ее мѣстомъ самаго богатаго благословенія и тѣмъ фундаментомъ, на которомъ строится Царство Божіе и изъ нѣдръ котораго по волѣ Бога рождаются Его чада.

Христіанское семейство должно быть отблескомъ того общенія, въ которомъ Христосъ находится съ Своимъ обществомъ—церковью, въ которой Онъ—глава, а члены общества—тѣло. Въ христіанской семье всѣ должны быть соединены узами любви и всѣ члены ея должны чувствовать себя какъ одно цѣлое, какъ тѣло, въ которое каждый отдѣльный членъ долженъ включать себя какъ часть, органически связанную съ цѣлымъ.

Христіанская семья есть *лучшая школа*, въ которой преподаются и примѣняются къ жизни христіанскія добродѣтели, прежде всего та самоотверженная любовь, которая долготерпѣлива и носитъ тяготу другого. Христіанская семья,—она есть *теплица*, гдѣ растетъ и развивается вся истинная жизнь въ Богѣ,—гдѣ супруги сохраняютъ вѣрность другъ къ другу до конца жизни,—гдѣ дѣти, приносимыя ко Христу во св. крещеніи, посвящаются Ему, какъ Его агнцы,—гдѣ вся человѣческая жизнъ отъ колыбели до гроба окружена спасительными стѣнами и ограждается отъ окружающаго зла. Христіанское семейство есть *жизни Бога* среди людей, гдѣ Богъ приближается къ Своимъ чадамъ, и куда люди прибѣгаютъ, какъ къ тихому пристанищу во время волненій на житейскомъ морѣ, пока не войдутъ въ пристанище вѣчнаго мира.

Каждое, еще не развращенное человѣческое сердце, безъ сомнѣнія, охотно присоединится къ этой похвалѣ христіанской семейной жизни. Скажи, въ самомъ

дѣлъ, по совѣсти, возлюбленный слушатель, какое было самое счастливое время въ твоей жизни? Не было ли это время твоего дѣтства, когда ты, окруженный отцовскою вѣрностю и материнскою любовью, покойно и беззаботно проводилъ дни свои въ нѣдрахъ семейства? Куда несутся самыя блаженныя воспоминанія твоей жизни? Не устремляются ли они въ рай юности?—Что влечетъ человѣка съ неудержимою силою на родину? Не узы ли это родного семейства? Какое для человѣка самое милое, самое дорогое мѣсто на землѣ? Не есть ли это то мѣсто, гдѣ стояла его колыбель?

Но эта христіанская семья въ настоящее время находится въ великой опасности потерять свое высокое значеніе, быть разстроеною и погребенною злую враждебною ей силою. Тамъ, гдѣ исчезаетъ христіанство, исчезаетъ и чувство семейственности. Новѣйшее язычество въ христіанскихъ странахъ относится къ семье съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ древнее и современное язычество дикихъ народовъ. Что такое—эта „свободная любовь“,—которая, какъ идеалъ, предносится предъ очами многихъ,—какъ не многоженство? Боятся только вещь назвать своимъ прямымъ именемъ. Свободная любовь—не любовь, равно какъ и „гражданскій бракъ“—не бракъ. Куда направляетъ насъ новѣйшее язычество, это показываетъ намъ книга Бебеля о женщинахъ, показываютъ газетныя извѣстія и брачные судебные процессы. Отнимите у нашего народа христіанскую вѣру, и вы отнимете у него и благословеніе семьи.

Къ этому присоединяются еще другія разнаго рода вицьшня экономическая условия по части добыванія средствъ къ жизни, которыя вредятъ семейной жизни. Въ наше время отовсюду дуетъ вѣтеръ, враждебный голосъ церкви.

семейной жизни. Вместо тоски по дому и семье чаше приходится видеть тоску по чужой отдаленной стране, которая охватила многихъ. Свободное переселение съ одного мѣста на другое и дешевые пути сообщенія, наклонность къ городской разгульной жизни, желаніе свободы, ранняя самостоятельность именно фабричныхъ работниковъ и работницъ,—все это и многое другое, взятое вмѣстѣ, производить то, что семейная жизнь расшатывается и падаетъ. Сколько сыновей и дочерей развращаются и гибнутъ потому только, что они безъ нужды оставили родину и отеческій домъ, и стали искать счастья на чужбинѣ! Сколько погибшихъ созданій очутились въ такомъ плачевномъ состояніи потому, что они не имѣли привязанности къ семье! Сколько мужчинъ потеряло расположение къ женитьбѣ и семейной жизни потому, что девицы наши, не исключая иногда и низшихъ классовъ, учатся многому, но не учатся умѣнью сдѣлать для мужа домъ и очагъ домашній пріятнымъ и дорогимъ!

Особенно же злой нарушитель и врагъ семейной жизни есть все болѣе и болѣе охватывающая всѣхъ страсть къ развлечениямъ и удовольствіямъ въ мѣстахъ публичныхъ увеселеній и зрѣлищъ и въ разнаго рода соборищахъ и кружкахъ. Большая часть нашихъ собраній—суть собранія увеселительныя. Множество мужей проводятъ все свое свободное время въ дома и семьи. Они чувствуютъ себя въ своихъ домахъ очень скучно и при первой возможности бѣгутъ въ мѣста увеселеній. Для нихъ потерянъ тотъ день, въ который не удалось побывать въ какомъ нибудь увеселительному собранію. Въ то время, какъ они жалуются на дурные времена и скучные заработки, въ то время какъ подъ предлогомъ бѣдности ничего не хотятъ удѣлять на дѣла любви и милосердія къ близкимъ,—на зре-

лица и на удовольствія находятъ и время и средства. Само собою понятно, что при такой жизни, когда отъ одного удовольствія переходятъ къ другому, о развитіи такихъ христіанскихъ добродѣтелей, которые обусловливаютъ благополучіе и благосостояніе народа, какъ напр. простота, трудолюбіе, и бережливость, не можетъ быть и рѣчи. Но при этомъ ставится на карту и нѣчто гораздо большее: миръ дома, счастье семейства, истинное воспитаніе дѣтей. Какимъ образомъ жена можетъ имѣть любовь къ мужу, какимъ образомъ дѣти могутъ имѣть уваженіе къ отцу, который чувствуетъ себя хорошо только въ трактирѣ, который тамъ оставляетъ свой заработокъ,—въ то время какъ семья терпитъ нужду,—и часто возвращается домой въ нетрезвомъ состояніи? Когда исчезаетъ изъ дома Духъ Христовъ, тогда входятъ въ него всѣ злые духи, и домъ этотъ перестаетъ быть мѣстомъ радости и отдохновенія для тѣхъ, коихъ Самъ Богъ сочеталъ,—тогда разрываются всѣ связи единенія, тогда обнаруживаются явленія, о которыхъ ежедневно приходится читать въ газетахъ: частые разводы между мужемъ и женою вслѣдствіе ссоръ и разнаго рода внутреннихъ беспорядковъ, гражданскіе браки, семейныя убийства и самоубийства и другія мрачныя картины, которыя, какъ громовая молнія, освѣщають темный горизонтъ нашей народной жизни и показываютъ, куда приDEMЪ мы, если наше общество будетъ итти далѣе по этой скользкой покатости. Жалобы на развращеніе и одичаніе юношества, на умноженіе юношескихъ и дѣтскихъ преступленій, на непокорность и неповиновеніе подчиненныхъ начальству, на недовольство во всѣхъ классахъ—суть ясныя свидѣтельства о разложеніи и упадкѣ семейной жизни.

Очень характерно недавнее газетное сообщеніе изъ

одного нашего города о такого рода происшествіи: одинъ мужъ съ своею женою посѣтили въ ночь подъ воскресенеъ маскарадъ. Весь слѣдующій день они провели, переходя изъ одного трактира въ другой. А въ понедѣльникъ онъ (мужъ) зарубилъ ее (жену) топоромъ. Если бы этотъ мужъ провелъ воскресный день безъ нарушенія воли Божіей, пошелъ бы съ своею женой вмѣсто маскарада и трактира въ храмъ Божій, то, навѣрное, по возвращеніи оттуда, онъ не былъ бы способенъ убить жену свою.

Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ статистикъ Оттингенъ.

Въ 61 исправительномъ домѣ съ 23000 заключенныхъ $\frac{1}{3}$ часть совершенныхъ преступленій падаетъ на воскресенеъ, а половина на вечеръ субботы.

Сами преступники сознаются, что ихъ преступленія стоять въ тѣсной связи съ нарушеніемъ и непочтеніемъ воскреснаго дня чрезъ трактирное пьянство. Изъ 250 случаевъ увѣчья 113, какъ доказано, падаетъ на время послѣ разгула въ воскресный день. По моральной статистикѣ того же Александра Оттингена наибольшее количество преступныхъ людей зачинаются въ утробѣ матери въ субботу вечеромъ,— это день, когда выдается плата за работу и предстоитъ воскресный день.

Но такъ не должно быть. Это требуетъ исправленія: семья должна болѣе, чѣмъ сейчасъ, исполнять свое, Богомъ опредѣленное ей назначеніе. И описанаго недуга ничто не можетъ уврачевать: ни трава, ни пластырь, ни другія аптечныя средства, но только Слово Божіе и подъемъ нравственности.

И вотъ здѣсь-то снова и можетъ притти на помощь праздничный день и притти не привлеченіемъ только семьи къ Богослуженію и къ слушанію Слова Божія,

источника всякой силы, но и своею соединяющею силою. Что разсъеваются будни, то можетъ собрать праздничный день. Въ этотъ день мужъ и жена, родители и дѣти, которые въ продолженіе буднихъ дней часто видятся только за обѣдомъ, а иногда и совсѣмъ не видятся, всѣ должны быть вмѣстѣ и налицо и наслаждаться взаимнымъ лицезрѣніемъ и бесѣдою. О, какъ важно это общеніе для брачного счастья и домашняго очага, какъ важно для воспитанія дѣтей—этой величайшей обязанности, которую Богъ возложилъ на родителей! Какъ важно праздничное время для чистоты и порядка дома, чтобы человѣкъ находилъ удовольствіе и радость въ своемъ домашнемъ очагѣ! Какъ важно, чтобы человѣкъ, отъ времени до времени, отрѣшался отъ своей рабочей блузы и украшался праздничною одеждью, хотя изрѣдка могъ чувствовать себя человѣкомъ! Изъ опыта мы видимъ, что едвали кто можетъ такъ низко опуститься нравственно, какъ тотъ, у кого уже не стало и праздничной одежды...

Къ составу семейства принадлежатъ: прислуга, ученики и подмастерья. Жалоба послѣднихъ на свои нужды и бѣдственное положеніе не была бы такъ велика, если бы семья давала возможность своимъ служащимъ больше пользоваться праздничнымъ отдыхомъ и пользоваться по-христіански, по-Божьи.

Для надлежащаго препровожденія праздника въ семье имѣеть особенное значеніе хозяйка, которая есть сердце дома. Объ этомъ нѣкто сказалъ: „добрая, привѣтливая, благочестивая, опрятная хозяйка есть наилучшій универсальный рецептъ для истиннаго праздничного отдыха и радостей праздничныхъ дней“. Будничная работа приводить домой всѣхъ въ грязи и пыли; пусть позаботится хозяйка о чистотѣ для мужа, для себя и для дѣтей, чтобы всѣ при этомъ

могли отдохнуть и пріятно въ радости провести время. Тяжелая работа собираетъ ихъ съ суровыми, озабоченными, недовольными и ропчущими лицами; пусть жена—хозяйка постараётся принять веселый, ласковый, праздничный видъ, на которомъ удрученный мужъ съ удовольствіемъ и облегченіемъ сердца могъ бы остановить взоръ свой. Будничная работа приноситъ домой иногда холодное, черствое, нелюбезное слово; пусть хозяйка постараётся найти ласковый, смягчающій сердце разговоръ. При такомъ образѣ дѣйствій со стороны жены не только для нея самой праздничный день будетъ радостенъ, но она найдетъ лучшее средство удержать мужа своего отъ посѣщенія пивныхъ и трактировъ, въ которые онъ скоро устремился бы, если бы нашелъ въ домѣ беспорядки, ворчанье и суровый взглядъ жены.

О, счастливъ тотъ домъ, на который сіяетъ солнце истиннаго праздника, гдѣ родители и дѣти вмѣстѣ идутъ въ храмъ Божій, гдѣ мужъ не знаетъ большаго удовольствія и отдохновенія, какъ оставаться дома, въ кругу своихъ присныхъ. Добрая книга, общая прогулка, празднованіе какого-нибудь семейнаго событія, посѣщеніе серьезныхъ благонастроенныхъ знакомыхъ, гдѣ радость и веселіе не преступаютъ надлежащей мѣры и границъ, не суть ли это радости, которыя дѣйствительно служатъ отдыхомъ для тѣла и души? Да, гдѣ бываетъ именно такъ, тамъ созрѣваетъ и спѣвъ брачное счастье, тамъ разцвѣтаетъ семейный миръ, тамъ и дѣти растутъ, какъ юныя растенія, подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта и теплоты. И если мы не забудемъ еще, что праздникъ по волѣ Божіей долженъ быть днемъ благотворительности, въ который мы должны посѣщать вдовъ и сиротъ въ ихъ печали, то мы будемъ въ праздникъ имѣть столько благочестивыхъ удоволь-

ствій, что для насъ такіе напр. вопросы: „возможно ли цѣлый день молиться?“ или: „защищать праздники—не значитъ ли защищать праздность?“ — покажутся глупостью. Такъ какъ праздничный день крѣпко сближаетъ другъ съ другомъ отдѣльныя семейства, высшія и низшія, въ храмѣ Божіемъ и чрезъ благотворительную дѣятельность, то онъ дѣйствуетъ, какъ день мира и любви, о которомъ такъ хорошо говоритъ одинъ изъ нашихъ проповѣдниковъ (Преосв. Феофанъ):

„О, праздникъ Христовъ, тихій ангелъ Божій! Ты приходишь въ этотъ міръ, полный скорби и страданій, какъ вѣстникъ любящаго Господа. Ты несешь намъ златую чашу съ миромъ, котораго лишаетъ насъ рабочій день, и обильно изливаешь его на насъ. Теперь близокъ братъ къ брату, и что раздѣляла недѣля, то соединяется въ твоемъ мирѣ и служить къ славословію Господа“. — Это не есть только экзальтациія проповѣдника; нѣтъ, такъ быть, такъ должно быть и въ дѣйствительности. Каждый въ своемъ положеніи долженъ содѣйствовать тому, чтобы праздникъ и семья не были ослабляемы и не теряли своей благодатной силы. Докторъ Бодэ, членъ борьбы противъ злоупотребленій спиртными напитками, пишетъ: „Богъ и діаволъ ведутъ борьбу изъ-за праздника. Богъ хочетъ, чтобы этотъ день прежде всѣхъ другихъ былъ посвященъ Ему, а діаволъ напротивъ хочетъ, чтобы онъ всецѣло принадлежалъ ему“. И діаволъ имѣеть цѣлыхъ тысячи своихъ сторонниковъ. А мы? Ужели и мы захотимъ стать на сторону послѣдняго, а не въ ряды борцовъ за то, чтобы праздникъ и семья въ нашемъ народѣ оставались учрежденіемъ Бога? Знаменитый врачъ Нимейеръ указалъ на то, что море домовъ исполнинскаго города Лондона съ башни Пав-

ловской церкви можно видѣть только утромъ въ понедѣльникъ, между тѣмъ какъ во всѣ прочіе будніе дни недѣли весь городъ покрытъ бываетъ густымъ непроницаемымъ туманомъ, по той причинѣ, что въ воскресенье бываютъ закрыты всѣ фабрики и заводы. Здѣсь можно видѣть образъ и подобіе человѣчества: гдѣ христіанскій праздникъ и семья не потеряли еще своего значенія, тамъ исчезаетъ и туманъ грѣха, покрывающій земную жизнь человѣка, тамъ голубое небо Божественной благодати и ясное солнце Божественного мира освѣщаютъ и согрѣваютъ жизнь, дома и сердца, тамъ мы имѣемъ еще и въ этой юдоли бѣдъ и скорбей частичку рая.

Помолимся же, братіе и сестры, чтобы Господь положилъ конецъ нападкамъ на нашу церковь и ея установленія, чтобы замолкли эти толки объ отмѣнѣ и сокращеніи праздниковъ, чтобы духъ благочестивой ревности по Богу и церкви прошелъ по землѣ нашей и мы своими глазами увидѣли бы на себѣ и отечествѣ нашемъ исполненіе тѣхъ Божественныхъ обѣтованій, которыя дарованы ревностнымъ блюстителямъ посвященныхъ Богу праздничныхъ дней.

Владимиръ, митрополитъ Московскій.

Слово на Новый годъ*).

Года, что волны, уносятъ жизнь нашу въ безпрѣдѣльное море вѣчности. Бываютъ моменты, когда эта жизнь особенно приковываетъ къ себѣ наше вниманіе. Таковъ настоящій моментъ, когда волна житейскаго моря подняла насъ на свой гребень и поставила на рубежъ двухъ лѣтъ. Къ чему же побуждаетъ насъ этотъ моментъ? Куда зоветъ онъ?

Видали-ли вы у берега моря каменный утесъ? Волны сильно бьютъ въ него, съ ревомъ покрываютъ, а онъ стоитъ непоколебимъ, и валы бѣгутъ со стыдомъ назадъ. Это образъ того, чья жизнь является крѣпкимъ подвигомъ вѣры. Всѣ несчастія, всѣ бѣды, всѣ скорби, разочарованія, какъ будто не касаются такого человѣка, какъ будто чужды ему. Вотъ къ такому-то подвигу вѣры и зоветъ насъ настоящій моментъ. Неспокойно море нашей жизни, все болѣе и болѣе вздыхаютъ его волны, кажется, вотъ—вотъ онъ поглотятъ всѣхъ насъ. Подчасъ, страшно намъ... Но слуха нашего касаются слова Спасителя: „не бойся малое стадо, ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство“ (Луки XII, 32). И хочется дерзновенно воскликнуть тогда словами св. апостола Павла: „Кто насъ разлучитъ отъ любви Божией; скорбь ли, или тѣснота, или

* Произнесено въ полночь подъ новый 1912 годъ въ Московскомъ Бол. Успенскомъ Соборѣ предъ молебномъ, совершеннымъ Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Московскимъ Владиміромъ.

гонение, или голодъ, или нагота, или бѣда, или мечъ?.. Все сие преодолеваемъ силою Возлюбившаго насъ (Римл. VII, 35, 37). И хочется молиться, чтобы всѣ вѣрныя чада Церкви Православной были тверды, какъ несокрушимая скала, непоколебимо отбрасывающая бурные волны.

Гдѣ же искать тѣхъ силъ, которыя каждого изъ насъ могутъ сдѣлать непоколебимой твердыней жизни христіанской? Въ мірѣ съ его величайшими успѣхами на всѣхъ поприщахъ земного бытія? Но тамъ „человѣкоубійца искони“, „отецъ лжи“ давно уже большую часть самаго лучшаго, самаго способнаго взялъ на служеніе себѣ, стараясь всѣхъ и все потопить въ грязныхъ волнахъ суетной жизни. Только здѣсь, только въ церкви Христовой, въ единственной нашей тихой пристани найдемъ мы и силы, и средства противостоять во всеоружіи міродержителямъ вѣка сего. Здѣсь для настѣ тихая пристань, — поэому, стоя на рубежѣ двухъ годовъ, разберемся спокойно, почему въ жизни нашей мірской „гибель сія бысть“?

Была пора, когда у ищущихъ пути къ истинному совершенству, у благороднѣйшихъ искателей истины, оставленныхъ самимъ себѣ и поэому дошедшихъ до отчаянія, вырывался вопль: „о если бы хотя съ неба кто сошелъ и возвѣстилъ истину людямъ“! Какъ много говорить этотъ опытъ временъ минувшихъ! То было безпросвѣтное время язычества, когда образованнѣйшая часть его слово крестное — проповѣдь о Христѣ распятомъ, Божіей силѣ и Божіей премудрости, сочла юродствомъ и безуміемъ (1 Коринѣ. 1, 18—24). А теперь что мы видимъ? Не силятся ли и нынѣ мнящіе себя свѣточами, а на самомъ дѣлѣ являющіеся служителями „отца лжи“, —не силятся ли они и нынѣ слово о премудрости Божіей,

явленной во Христѣ Распятомъ, считать юродствомъ и безумiemъ? И каковы плоды ихъ усилій? Люди остаются безъ Бога и Его правды. Отсюда, въ общественной жизни царитъ самовластіе, что вызываетъ путаницу въ понятіи о власти, а за нею слѣдуютъ беззначаліе, стремленіе къ ниспроверженію существующаго порядка, ослабленіе чувства уваженія къ законамъ, стремленіе къ ложной свободѣ, извращеніе понятій о правѣ и правдѣ и другія подобныя знаменія, внимая которымъ, человѣкъ неиспорченный невольно устремляеть взоры къ небу.

Вотъ первое, что требуетъ отъ насъ новый годъ жизни, — онъ требуетъ всецѣло устремиться къ небу, тамъ искать началъ совершенства и счастливой жизни, тамъ искать голоса истины. Слава Богу, голосъ этотъ даже запечатлѣнъ для насъ въ посланіи къ намъ Самого Бога, увѣковѣченъ въ Словѣ Божіемъ. Что же находимъ мы тамъ? А вотъ что. — Путь къ истинному совершенству, составляющій и смыслъ, и цѣль жизни человѣческой, закрытъ какъ для того, кто скорбитъ о современномъ злѣ, какъ „неимущій упованія“, такъ и для того, кто самовольно и самонадѣянно услаждается собственными настоящими совершенствами, говоря: „*богатъ есмъ и обогатихся и ничтоже требую*“ (Апок. III, 17). Человѣческую жизнь можно уподобить шествію древняго Израиля въ землю обѣтованія. Тѣ, которые въ этомъ шествіи смотрятъ только на окружающую ихъ пустыню, воображаютъ или ощущаютъ только ужасы зноя, голода и жажды, забывая, что они имѣютъ всемощнаго Водителя и Защитника отъ золь дѣйствительности, не достигаютъ своей вѣликой цѣли и погибаютъ на дорогѣ съ безплоднымъ ропотомъ на устахъ (Исх. XV, 23, XVI, 3. Чис. XI 1, 33). Равно

несчастны и тѣ, которые думаютъ слишкомъ много о своихъ силахъ, сознаютъ или воображаютъ себя вполнѣ совершенными, какъ тѣ дѣти Израиля, которые отрицали божественное водительство и не чувствовали нужды въ помоши человѣка Божія Моисея на томъ основаніи, будто всѣ они совершенны и святы: „*еда Моисею единому глагола Господь: еда и намъ не глаголаше?*“ (Чис. XII, 2). „*Яко весь сонмъ, вси святы, и въ нихъ Господь*“ (Числ. XVI. 3). Послѣдніе погибаютъ отъ возмутительной самоувѣренности, какъ первые отъ возмутительной безнадежности. Только тѣ изъ сыновъ Израиля достигли земли обѣтованія, которые хотя испытывали тяжесть пустынного шествія, но вмѣстѣ убѣждены были въ божественномъ водительствѣ, находили въ немъ отраду и утѣшеніе,— слѣдовательно, при созерцаніи дѣйствительныхъ событій, были проникнуты духомъ укрѣпляющей и спасающей вѣры (Числ., XIV, 23, 24). Посему, только въ подвигѣ вѣры мы найдемъ то истинное начало, которое избѣгаетъ крайностей въ сужденіяхъ о современной нашей жизни. Вѣра одинаково спасаетъ насъ отъ унынія и самомнѣнія. Какъ *обличеніе вещей невидимыхъ* (Евр. X, 1), вѣра возвышаетъ насъ надъ видимостію; въ дѣйствительности мрачной она усматриваетъ не злую судьбу, а крестъ и испытаніе, посылаемые любовью Божію; въ дѣйствительности отрадной—не успѣхи человѣческой силы, а благословеніе и милосердіе Божіе. Если мы и не знаемъ истиннаго хода исторіи человѣчества, если законъ человѣческаго развитія и усовершimости скрытъ отъ насъ, то бѣда тутъ небольшая, — мы должны только воспитать въ себѣ живую увѣренность въ промышленіе божественное, чтобы уловить истину, добро и совершенство въ окружающихъ насъ явленіяхъ человѣка.

въческой жизни. Духъ вѣрующій не смущается зломъ и недугами современности; онъ всюду видитъ десницу Божію,—то карающую, то милующую, то ущедряющую: почему ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онъ не сообразуется вѣку сему (Римл. XII, 2). А эта духовная свобода, эта независимость отъ измѣнчивыхъ явлений человѣческой жизни всегда ставитъ вѣрующаго человѣка въ тѣ истинныя отношенія къ совершенству, которыхъ не можетъ установить самый глубокій разумъ и самая многосторонняя опытность. Въ судьбахъ народа Израильского кто такъ правильно постигалъ переживаемый порядокъ исторіи, какъ мужи вѣры—Гедеонъ, Варакъ, Самсонъ, Самуилъ, Давидъ? (Евр. XI, 32). Не многолѣтнее изученіе народной исторіи, а ясновидѣніе вѣры, въ которой, по-апостолу, всѣ они получили свидѣтельство, открывало имъ, простымъ людямъ, истинное положеніе общества, его достоинства и недостатки, его здоровье и немощь. И все доброе, все полезное и благотворное для своего времени содѣяли они, по слову апостола, однако вѣрою (33, 34).

Когда человѣческое общество, во времена упадка Римской имперіи, потеряло всѣ основы своего существованія и благоденствія, когда оно истлѣвало и изгнивало отъ разврата, невѣрія и мученія,—разумнѣйшие люди того времени приходили въ отчаяніе,—они не находили средствъ излечить недуги современности; имъ казалось, что Богъ оставилъ человѣка. Только люди вѣрующіе видѣли, что никогда еще Богъ не былъ такъ близокъ къ человѣку, какъ въ это печальное время, что теперь именно „*прииде кончина лѣта*“ (Гал. IX, 4), когда Богъ благоволилъ послать въ міръ Единороднаго Сына для исцѣленія и спасенія погибающаго человѣчества. Люди вѣрующіе ви-

дѣли, что, хотя современное общество волновалось хаотически, какъ *невидимая и неустроенная земля*, однако надъ нимъ носился уже Духъ Божій; что хотя надъ человѣческимъ родомъ, какъ *вверху бездны*, простиралась глубокая тьма, однако среди этой тьмы восходитъ уже божественный свѣтъ, который имѣлъ озарить вселенную. И было по вѣрѣ ихъ: человѣческій родъ обновленъ и возсозданъ изъ духовнаго ничтожества не распоряженіями и соображеніями человѣческими, а необычайнымъ приближеніемъ Бога къ человѣку.

То несомнѣнно, что человѣкъ носить въ себѣ неотразимую потребность непрерывнаго и постепенного обновленія. Уже стремленіе къ новизнѣ и преклоненіе предъ всѣмъ современнымъ обличающъ въ немъ присутствіе этой потребности. Но бѣда въ томъ, что легкомысліе, называемое модою, заставляющее человѣка безъ причины измѣнять покрой своей одежды, нерѣдко вторгается и въ его духовную жизнь и производитъ въ ней измѣненія, колебанія и увлеченія всякою новизною. Напоминать ли, сколько вредныхъ явлений въ самое послѣднее время возникаетъ на почвѣ нашего народнаго духа отъ слѣпого повиновенія требованіямъ моды или современности. Дѣйствительное же обновленіе, ведущее къ истинному совершенству, добывается не такъ легко!.. Кромѣ простого желанія быть обновленнымъ, человѣкъ долженъ начать дѣятельность, сообразную съ этимъ желаніемъ; и эта дѣятельность есть многотрудный подвигъ. Она первѣе всего требуетъ отъ человѣка болѣзненной борьбы съ своими недостатками. Человѣку предлежитъ тяжелый трудъ выяснить и опредѣлить свои разнообразныя отношенія къ внѣшнему миру, постигнуть значеніе своихъ многосложныхъ чувствен-

ныхъ и душевныхъ потребностей, чтобы потомъ поднять еще тяжелѣйшій трудъ дѣятельного самоисправленія и усовершенствованія. Новый годъ не принесетъ самъ по себѣ ничего новаго, если человѣкъ не поставитъ новыхъ и лучшихъ задачъ для своей жизни и если онъ не пріобрѣтѣтъ новыхъ силъ для ихъ исполненія. Тутъ ждетъ насъ великое искушеніе. Задачу обновленія можно упростить, положивъ образецъ совершенства не слишкомъ высоко и при томъ въ такомъ мѣстѣ, которое почти одинаково было бы доступно для всѣхъ людей, каковы бы ни были ихъ душевныя состоянія. Такое не слишкомъ высокое и общедоступное мѣсто есть этотъ міръ, — какъ дворъ языковъ, для пребыванія въ которомъ еще не требуется чистота, совершенство и святость, открывающая входъ во *Святая Святыхъ Божія храма*, — этотъ міръ, изъ котораго мы можемъ извлекать средства для нашего довольства и благоденствія и который уже поэтому можетъ показаться достаточно великимъ и совершеннымъ для духа, ищущаго мѣстъ не священныхъ, а удобныхъ. Человѣку не стоитъ большихъ усилий сознать себя членомъ этого міра и дѣйствовать и усовершаться сообразно съ этимъ сознаніемъ. Такое ложное совершенствованіе дается довольно просто, безъ особаго подвига; человѣкъ посредствомъ знанія и дѣятельности овладѣваетъ тѣми частями міра, которыя стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ нему, и соответственно этому добываетъ себѣ удобства жизни и средства къ наслажденію, вносить порядокъ и правильность въ свои отношенія къ другимъ людямъ, развиваетъ въ себѣ способность соображенія и energію воли, потому что все это необходимо для достижения цѣлей благоденствія. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ и подобныхъ

отношенияхъ человѣкъ дѣйствительно можетъ усовершаться, обозначая это новыми открытиями и изобрѣтеніями. Но кто дѣйствуетъ по этому идеалу, т. е. по духу міра сего и по мѣрѣ временныхъ потребностей, тотъ не долженъ забывать, что онъ носитъ въ себѣ ограниченное и скучное начало жизни, которое мало-по-малу можетъ истощиться. Жить для этого міра и по его условіямъ и вмѣстѣ говорить о неисчерпаемыхъ источникахъ жизни и развитія, значитъ впадать въ крайнее самообольщеніе. Постоянная жажда новаго, постоянный запросъ на новыя знанія и открытия, слѣпое уваженіе къ современному — всѣ эти явленія показываютъ, что въ этой области человѣкъ менѣе всего способенъ къ дѣйствительному, правильному и непрерывному духовному обновленію. Здѣсь невольно припоминаются слова Екклезіаста, рисующія жизнь неблагодатствованнаго человѣка: „что было, можде есть, еже будетъ... и ничможе ново подъ солнцемъ (—1, 10)“. Т. е. всегда тѣ же потребности, тѣ же страсти, и то же стремленіе удовлетворить ихъ. Одинъ дѣлатель устаетъ, его мѣсто занимаетъ другой, чтобы начать ту-же старую работу. Каждый день предлагаєтъ намъ задачу для рѣшенія, но это рѣшеніе уже не годится для другого дня: „утренній до день собою печется“ (Мо. VI, 34), а между тѣмъ задача, которую предложитъ намъ этотъ утренній день, будетъ не новая: она была уже предлагаема и рѣшаема *въ вѣчнъхъ бывшихъ прежде насъ* (10). Различныя времена имѣютъ различные задачи, говорятъ. Говорятъ, и повторяютъ Екклезіаста, изрекшаго: *всѧмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ* (—III, 1). А мудрецъ хотѣлъ показать этимъ, что множество жизненныхъ задачъ, при единствѣ человѣческаго духа и назначенія, происходить оттого, что онъ касаются времен-

ныхъ, т. е. измѣнчивыхъ нуждъ и требованій человѣка. Очевидно, что рѣшеніе такихъ задачъ будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе опытовъ совершило человѣчество, чѣмъ болѣе оно прожило на свѣтѣ. Но въ существѣ эти задачи не новы, — надъ ними задумывались, ихъ рѣшали *въ вѣцѣхъ прежде насъ*, а дѣло, которымъ мы занимаемся не первые и не въ первый разъ, совершается нами только легче и удачнѣе. Но даже и тутъ въ жизни чисто земной, въ жизни ограниченной, человѣкъ не можетъ быть увереннымъ, что онъ твердо стоитъ на пути шествования впередъ. Человѣческія страсти нерѣдко прерываютъ нить исторіи (что едва было не случилось у насъ на нашихъ глазахъ), и не позволяютъ послѣдующему поколѣнію воспользоваться трудами и опытами поколѣній прежнихъ,—онъ нерѣдко разоряютъ драгоцѣнное наслѣдство, завѣщанное намъ предками, или же увлекаютъ силы новыхъ поколѣній на ложные и бесплодные пути. А когда мы вспомнимъ, что человѣкъ сынъ вѣчности, образъ и подобіе Бога, то для насъ будетъ несомнѣннымъ, что всѣ сокровища знанія и опыта прежнихъ временъ будутъ бесполезны для современного общества, если оно уже испорчено въ духовно-нравственномъ отношеніи. Христосъ Спаситель говоритъ: „*какая польза человѣку, аще міръ весь пріобрѣщетъ, душу же свою отищетъ, или что дастъ человѣку измѣну за душу свою*“ (Мѳ, XVI, 26). И въ самомъ дѣлѣ, понятно, что ничѣмъ на свѣтѣ нельзя замѣнить души, какъ и живого человѣка, обладающаго здоровыми и неиспорченными силами. Не правда ли, есть за что всецѣло отдаваться на подвигъ вѣры? Только подвигъ вѣры и любви христіанской поставить человѣка на твердое основаніе и откроетъ ему истинный путь къ радости неизреченной. Глав-
голосъ церкви.

ный же праздникъ христіанской вѣры и любви—видѣть въ человѣкѣ не одно тѣло, но и бессмертный духъ, живущій въ этомъ тѣлѣ. Надобно, если можно такъ выразиться, чтобы душа нашего ближняго выдвинулась впередъ и сдѣлалась видимѣе, осязательнѣе, нежели его тѣло. Наука признавать и уважать духовную природу человѣка важнѣе науки измѣрять землю или небо. Развивать эту науку въ своемъ сердцѣ значитъ болѣе, нежели строить города. Давать духовную жизнь тѣмъ, которые пали, значитъ тоже, что воздвигать мертвыхъ изъ могилы. Безъ этого все—суета, ибо великія средства исчезаютъ въ пустыхъ цѣляхъ, богатыя силы расточаются безплодно. Человѣкъ трудится, увеличиваетъ способы наслажденія, благополучія и счастія, и, однако, что-то мѣшаетъ ему наслаждаться, быть благополучнымъ и счастливымъ. Все испорчено, все отравлено тѣмъ зломъ, которое коренится въ немъ самомъ, въ его порочномъ сердцѣ, въ его растлѣнной душѣ: суета—его трудъ, суета—его наслажденіе, суета—его счастіе: *все суета и томленіе духа II, 11).* Глаголиши, яко богатъ есмъ и обогатихся, и ничтоже требую; и не вѣси, яко ты еси окамленъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ (Ап. III, 17).

Ищите же истинно новаго въ этомъ наступающемъ новомъ году не въ движеніи человѣческихъ страстей самолюбія и своекорыстія, не въ борьбѣ суетныхъ желаній и стремленій, но въ жизни бессмертнаго духа, спасаемаго и управляемаго Богомъ. Только здѣсь возможны не призраки новизны, обладающіе этимъ свойствомъ на одну минуту, а новое бытіе, новое рожденіе, новая тварь: „*аще кто во Христѣ, нова тварь*“ (II Кор. V, 17). И если искупленіе, просвѣщеніе и оправданіе человѣчества Іисусомъ Христомъ

было такъ вседѣятельно, что отселѣ, по апостолу, все стало новымъ, то исканіе въ области истины и добра еще чего либо новаго, только обличило бы насъ въ духовномъ ослѣплениі и подвергло бы насъ опасности вновь возвратиться „на немощныя и худыя стихіи“ (Гал. IV 9), вновь повторять старыя заблужденія въ новыхъ формахъ выраженія и съ новыми способами ихъ примѣненія къ дѣлу и къ жизни. Для всѣхъ нашихъ стремленій къ новому, если они суть вмѣстѣ стремленія къ истинному и добруму,— „основанія иного никто же можетъ положити, паче лежащаго, еже есть Иисусъ Христосъ“ (I Корин. III, 11). Кто сталъ бы скучать тѣмъ, что это необычайное основаніе положено не сегодня и не вчера, не открыто, какъ нѣчто современное, до настоящей минуты невѣдомое, а положено давно, отъ вѣчности, въ неизмѣняемыхъ совѣтахъ Божихъ, такой любитель новаго имѣль бы столько же права жаловаться и на то, что ему приходится образовывать свои понятія и сужденія по старымъ логическимъ законамъ, по которымъ мыслили его дѣды и прадѣды, и которые навсегда останутся неизмѣннымъ основаніемъ всякаго человѣческаго мышленія. Духъ, понимающій, какъ должно, свое назначеніе, ищетъ такого новаго, которое не будетъ завтра брошено, какъ несовершенное, но будетъ служить постояннымъ условіемъ для его духовной свѣжести, жизненности и для правильнаго, непрерывнаго обновленія. Твердо стоя на камнѣ вѣры, объ одномъ только долженъ помнить человѣкъ, что Богъ есть Альфа и Омега, начатокъ и конецъ всякой жизни и ея совершенствъ (Апок. I, 8). Послѣдняя, конечная цѣль человѣческаго развитія есть жизньъ съ Богомъ, потому что таково было и первоначальное состояніе человѣка.

Положимъ же въ новомъ году начало нашего истинного обновленія. Основаніемъ этого начала пусть будетъ самое сильное оружіе въ борьбѣ съ міродер-жителемъ вѣка сего и со всѣми искушеніями совре-менной жизни. Оружіе это—молитва. Особенно изуми-тельна сила молитвы общественной, церковной! Вспо-мните, что произвела она въ собраніи вѣрующихъ при апостолахъ: „и помолившимся имъ, подвигсѧ място, идѣже бяху собраны, и исполнишася вси Духа свята, глаголаху слово Божіе со дерзновеніемъ“ (Дѣян. IV, 31). Видите, сила церковной молитвы потрясла зданіе, где молились, низвела на молящихся новые дары Святаго Духа, облекла ихъ смѣлостю для проповѣди вселенской.

Господи Боже Спасителю нашъ, Владыко временъ и лѣтъ жизни нашей, научи насъ молитися тако... и довлѣеть намъ!

Синодальній ризничій архимандритъ **Димитрій**.

Духовный дневникъ *).

*«Всъ вы сыны сего и сыны дня...
Будучи сынами, да трезвимся, облек-
шись въ броню вѣры и любви и въ шлемъ
надежды спасенія» (Фессал. 5, 5. 8).*

Знаете-ли вы, по какимъ побужденіямъ св. Православная Церковь среди Великаго Поста творить память преп. Маріи Египетской?—Дабы намъ грѣшникамъ показать, что милосердный Господь ждетъ отъ всѣхъ настъ обращенія, какъ бы мы не были грѣшны, и Онъ наше покаяніе всегда готовъ принять съ любовью. Грѣшники! не отчаявайтесь въ спасеніи, какъ бы такъ намъ говорить Господь,—берите примѣръ покаянія съ преп. Маріи Египетской, и Я ваши грѣхи изглажду: «долготерпитъ Господь на насъ, не хотя, да кто погибнетъ, но да все въ покаяніе приидутъ» (2 Птр. 3, 9).

Въ монастыряхъ, и особенно городскихъ, когда оскудѣваетъ духовная жизнь, можно наблюдать такое явленіе. Сегодня все благопристойно и чинно, а завтра уже все безчинно: и служба, и пѣніе, и чтеніе, и поведеніе. А отчего? Сегодня искусственно заставили братію быть исправными—присутствіе начальника, угроза; завтра же этого нѣтъ и—все плохо. При вни-

*) Продолженіе.—См. Янв. и. 1912 г., стр. 52—60.

маніи же братіи къ себѣ, при духовномъ бодрствованіи—этого не можетъ быть. Доброе поведеніе братіи, исправность послушаній будутъ тогда поддерживаться внутреннимъ стремленіемъ къ духовнымъ подвигамъ.

Какое наше отношеніе должно быть ко всѣмъ, такъ называемымъ, падшимъ людямъ? Всѣмъ намъ приходится сталкиваться съ ними въ жизни и многимъ изъ насъ даже жить въ семье. Не отвращаться отъ нихъ мы должны, не презирать и осуждать, а жалѣть и молиться о нихъ. Если благодать Божія не оставляетъ падшихъ, то намъ ли, подобострастнымъ имъ и грѣшнымъ людямъ, отъ нихъ отвращаться? Мы такъ о нихъ должны думать: человѣческое несовершенство довело ихъ до паденія, врагъ рода человѣческаго ихъ запнулъ и полонилъ, самъ же по себѣ человѣкъ, какъ носитель образа Божія, достоинъ одного только сожалѣнія, какъ и говоритъ св. апостолъ Павелъ: «*бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти*» (Рим. 7. 4). Такое непрезрительное, обходительное, доброе, мягкое, смиренное, ласковое обращеніе съ грѣшными людьми способно умягчить ихъ зѣгрубѣлое, черствое сердце, и, кто знаетъ, быть можетъ чрезъ это мы заставимъ ихъ подумать, что такое добро, любовь, и наведемъ ихъ мысль и сердце на путь восхожденія къ Богу.

Первородный грѣхъ все въ насъ повредилъ, все перепортилъ; онъ и любовь—это божественное свойство въ насъ—оземленилъ, исказилъ, нарушилъ ея гармоничность. Сама по себѣ любовь—это есть приятное влеченіе одного лица къ другому и, такъ какъ наша душа, наше сердце заключены въ грѣховное тѣло, свойство котораго также имѣть влеченіе къ по-

добнымъ намъ существамъ, то здѣсь духовному нашему чувству любви постоянно грозитъ опасность быть подавленнымъ, полоненнымъ плотскимъ нашимъ влечениемъ. Отсюда и можетъ быть такое явленіе у насъ: начнется любовь чистая, духовная, а окончится съ плотскимъ оттѣнкомъ, а то и прямо—плотскою, низменною. Поэтому-то намъ нужно быть весьма зоркими, весьма осмотрительными, весьма тонкими въ различеніи любовныхъ движений нашего сердца. Любятъ родители своихъ дѣтей, любятъ супруги другъ друга, любятъ духовныя дѣти своего пастыря и т. п., и во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ проявленія любви нужно бояться, нужно остерегаться плотской стороны. Напр., высоко, свято, духовно любятъ родители своихъ дѣтей, когда они смотрятъ на нихъ, какъ на Божіе благословеніе, какъ на новыхъ членовъ, долженствующихъ вступить въ царство Божіе, а потому и стараются воспитывать ихъ въ страхѣ Божіемъ, благонравіи и благочестіи; но могутъ родители любить своихъ дѣтей, какъ лишь продолжателей ихъ рода, могутъ гордиться ихъ дородностью, званіемъ, красотою; въ такой родительской любви много уже плотского, низменного. Свято любятъ супруги другъ друга, когда уважаютъ достоинство каждого, когда нисходятъ къ немощамъ, недостаткамъ одинъ другого и стараются ихъ взаимно исправлять, когда супруги живутъ въ мирѣ и согласіи, въ духовномъ единеніи, во образъ единенія Христа съ Церковію; не можетъ супружеская жизнь имѣть подкладку только страстную, плотскую. Высоко любятъ духовныя чада своего пастыря, когда они смотрятъ на него, какъ на служителя Божія, какъ на руководителя ихъ въ духовной жизни, помогающаго имъ шествовать ко Христу. Но можетъ быть въ любви духовныхъ чадъ къ пастырю и доля при-

страстности,—это когда привязанность къ пастырю отвлекаетъ отъ молитвы, занимаетъ нашу мысль воспоминаніемъ и представлениемъ о немъ, а наше сердце томится желаніемъ чаще его видѣть, услаждаться его голосомъ, рѣчью и т. п., и бываетъ тогда, что пастырь какъ бы заслоняетъ собою нашъ путь къ Господу... Словомъ, къ высокому, небесному чувству любви можетъ всегда примѣшиваться низменная сторона и при этомъ весьма тонко и хитро, такъ что иной разъ мы думаемъ, что любимъ чисто, свято, а провѣримъ себя, найдемъ долю пристрастности. Наша задача — небесное чувство любви всячески хранить, оберегать, очищать отъ всякихъ дурныхъ наслоеній и къ этому есть вѣрнѣйшее средство,—это любовь къ нашему Господу Спасителю. Мы должны всѣми силами нашего ума и сердца прилѣпиться къ Господу, такъ сказать, схватиться за Него,—тогда мы сумѣемъ правильно проявить свою любовь и къ ближнимъ. Возлюби, сказано, сначала Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, а потомъ и ближняго, какъ самого себя.

Когда грѣшникъ чистосердечно, со слезами кается духовнику, то у послѣдняго невольно въ сердцѣ возникаетъ чувство отрады и утѣшенія, а вмѣстѣ и чувство любви и уваженія къ кающемуся. Открывшему же грѣхи можетъ, пожалуй, показаться, что пастырь и не посмотритъ теперь на него, такъ какъ онъ знаетъ его скверны и презрительно отнесется. О, нѣтъ! Милъ, дорогъ и какъ бы родной дѣлается пастырю искренно кающейся грѣшникъ. Это надо помнить всѣмъ намъ и безъ всякаго смущенія и боязни открываться на исповѣди, ибо благой результатъ сего несомнѣненъ.

Подавая соблазнъ, мы сугубо грѣшимъ, сквернимъ себя грѣхомъ и развращаемъ нашихъ ближнихъ. И если всякий грѣхъ можно очистить, загладить покаяніемъ, то произведенный соблазнъ не такъ легко истребить. Соблазнъ, мы сказали, развращаетъ другихъ, которые ускользаютъ отъ нашего вниманія, такъ что мы бываемъ лишены возможности въ нихъ уничтожить послѣдствія соблазна. Поэтому-то такое грозное слово и произносится во св. Евангелии на соблазняющихъ: «*Горе человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ.*»

Какъ избавиться отъ пьянства?—Существуютъ медицинскія средства, объявляются врачи, отучивающіе отъ пьянства, есть больницы для алкоголиковъ, дѣлаютъ какія-то прививки. Самое сильное средство въ борьбѣ съ пьянствомъ—это, конечно, нравственное возрожденіе. Надо страдающему порокомъ винопитія духовно переродиться. Надо сознать свой недостатокъ, надо раскаяться въ немъ, надо пролить слезу сокрушенія, надо припасть къ стопамъ Господа, все исцѣляющаго, какъ припала кровоточивая, надо сдѣлаться религіознымъ, прилежнымъ къ храму Божію, надо всѣми силами своего сердца ухватиться за Господа, надо Ему молиться, надо въ корнѣ измѣнить прежнюю мірскую жизнь, разгульную, на тихую, трудовую,—словомъ надо духовно воспрянуть. Трудно намъ самимъ, слабымъ и немощнымъ, бороться съ пороками, но припавшему ко Господу готова и всесильная благодатная помощь. Возьми въ руки святыню и пользуйся ёю: пей святую воду, припадай почаще къ мощамъ угодниковъ Божіихъ, призывай ихъ постоянно на помощь и особенно мученика Вениифатія, цѣлителя отъ сего недуга, положи себѣ за

правило ежедневно читать св. Евангеліе, класть утромъ и вечеромъ по нѣсколько поклоновъ, посѣщать въ свободное время храмъ Божій, говѣть, принимать Св. Тайны,—и ты духовно возродишься и у тебя само собою отпадетъ пьянство. Отчего же ты не хочешь заняться этимъ? Отчего ты не идешь ко Господу за исцѣленiemъ, а ищешь его въ міру? И ты не найдешь, потому что тамъ сильно дѣйствуетъ врагъ рода человѣческаго, въ вѣдѣніи котораго находится пьянство. Гдѣ же Господь,—тамъ врагъ отступаетъ, а потому только въ Господѣ ты найдешь себѣ благодатную помощь въ борьбѣ съ пьянствомъ.

Архимандритъ **Арсеній.**

Психологическое оправдание христианства.

(Противоречия въ природѣ человѣка по свидѣтельству древняго и новаго міра и разрешеніе ихъ въ христианствѣ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

Больше 1900 лѣтъ тому назадъ, въ заброшенномъ городкѣ Галилеи, чистѣйшая изъ Дѣвъ была смущена необычайнымъ привѣтствіемъ небеснаго посланника: „радуйся, благодатная, Господь съ тобою; благословенна ты между женами“. „Не бойся, Марія“, успокоилъ смущенную Дѣву Ангелъ, „ибо Ты обрѣла благодать у Бога... Ты родишь Сына и наречешь Ему имя Іисусъ (что значитъ Спаситель). Онъ будетъ великъ и наречется Сыномъ Всевышняго, и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, отца Его; и будетъ царствовать надъ домомъ Іакова во вѣки, и царству Его не будетъ конца“.

Когда Та же скромная Назаретская Дѣва посѣтила свою родственницу Елисавету и услышала отъ послѣдней пророческое привѣтствіе, обращенное къ Ней и Ея будущему Младенцу, Она уже безъ смущенія, а радостно и твердо исповѣдала свою вѣру въ величайшее грядущее чудо, которое благовѣстилъ Ей Ангелъ, повторившій это благовѣстіе и Ея обручнику Іосифу, а именно, что „Она родитъ Сына, Іисуса, т. е.

*) Окончаніе.—См. м. янв. 1912 г., стр. 71—98.

Спасителя, ибо (пояснилъ Ангелъ) Онъ спасетъ людей Своихъ отъ грѣховъ ихъ".

Когда такъ чудесно предвозвѣщенный Младенецъ родился въ Виолеемъ Іудейскомъ, свѣтоносный посланникъ неба предсталъ передъ испуганными пастырями и сказалъ: „не бойтесь; я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ: ибо нынѣ родился вамъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, Который есть Христосъ-Господь“,—а затѣмъ и цѣлый сонмъ Ангеловъ огласилъ ночную тишину радостной пѣснью: „Слава въ вышихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“

Когда, по обычаю, принесли Младенца въ Іерусалимскій храмъ, Его встрѣтилъ тамъ, какъ повѣствуетъ Евангеліе, Симеонъ, „мужъ праведный и благочестивый, чающій утѣшенія Израилева“. Таинственнымъ внущеніемъ свыше онъ привлеченъ былъ въ храмъ какъ разъ въ то время, когда родители принесли туда Младенца-Іисуса. Держа на своихъ ослабѣвшихъ, отъ глубокой старости, рукахъ Божественнаго Младенца, этотъ ветхозавѣтный праведникъ привѣтствовалъ Его словами, заключавшими въ себѣ величайшее пророчество о всемъ человѣчествѣ и обѣ отдельныхъ лицахъ, въ ихъ отношеніяхъ къ Новорожденному Отроку: „Нынѣ“, исповѣдуется праведный старецъ, обращаясь къ Младенцу,— „нынѣ отпушаєши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ; ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ народовъ, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ, и славу народа Твоего, Израїля“. И, обращаясь къ Матери Іисуса, добавилъ: „се, лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ во Израилѣ и въ предметѣ пререканій... да откроются помышленія многихъ сердецъ.“

Вскорѣ за этимъ пророчественнымъ исповѣданіемъ Израиля и языческій міръ воздаль честь Младенцу-Христу. Путеводимые чудеснымъ небеснымъ явленіемъ и наученные внутреннимъ откровеніемъ того же Духа, Который просвѣтилъ сердце и умъ праведнаго старца израильскаго, мудрецы востока пришли поклониться „родившемуся Царю Іудейскому, звѣзду Котораго они видѣли на востокѣ“, — не царю тогдашней Іудеи, а Царю Вѣчнаго духовнаго Царства, наступленіе котораго предуказывали въ теченіе многихъ вѣковъ пророки израильскіе, и котораго ожидали народы всего міра, и съ особенной напряженностью, именно, передъ временемъ Рождества Христова, послѣ котораго такія ожиданія всюду прекратились.

Итакъ, идя какъ за путеводной звѣздой, по слѣдамъ за этими чаяніями и ожиданіями народовъ, волновавшими въ свое время ихъ сердца, мы вмѣстѣ съ восточными волхвами остановились надъ колыбелью Того, Кого старецъ Симеонъ наименовалъ спасеніемъ всѣхъ народовъ, свѣтомъ къ просвѣщенію язычниковъ и славою Израиля.

Но не заблудились ли мы? Точно ли къ искомому и желанному источнику свѣта, силы и жизни привела насъ звѣзда? Правъ ли старецъ, какъ бы отъ всего міра привѣтствовавшій въ Младенцѣ-Іисусѣ Спасителя этого міра? Если да,—то этотъ Чаемый всѣми народами дѣйствительно долженъ имѣть силу снять съ человѣка тяготѣющее надъ всѣмъ существомъ его проклятие: долженъ просвѣтить умъ его вѣчной истиной, укрѣпить волю въ борьбѣ съ грѣхомъ для победы надъ нимъ, исполнить сердце вѣчной жизнью,—словомъ: возстановить разбитый образъ Божій въ человѣкѣ и возвратить ему его Богоподобіе.

Върные принятому методу, мы обратимся и теперь, главнымъ образомъ, къ живымъ свидѣтелямъ, а не къ отвлеченнымъ разсужденіямъ.

Но прежде прислушаемся къ словамъ Того, на Кого, какъ на спасеніе міра, указали свидѣтели первыхъ дней Его жизни. Каково Его собственное самочувствіе и самосознаніе? Отлично ли отъ чувствъ и помышленій тѣхъ людей, согласныя свидѣтельства которыхъ о себѣ мы слышали въ первой части нашего изслѣдованія.

Вотъ немногія изъ безчисленныхъ Его свидѣтельствъ о Себѣ, имѣющія ближайшее отношеніе къ занимающимъ насъ противорѣчіямъ въ бытіи человѣка.

„Я есмь путь, и истина, и жизнь“ (Іоан. XIV, 6).

„Я свѣтъ міру; кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“ (Іоан. VIII, 12).

„Я есмь хлѣбъ жизни“ (Іоан. VI, 48).

„Я хлѣбъ живый, сшедшій съ небесъ; ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ же, который Я дамъ, есть Плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра“ (Іоан. VI, 51).

„Я и Отецъ—одно (Іоан. X, 30).

„Воля пославшаго Меня Отца есть та, чтобы всякий, видящій Сына и вѣрующій въ Него, имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. VI, 40).

„Если пребудете въ словѣ Моемъ... то познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными (отъ грѣха)—(Іоан. VIII, 31—32).

„Если не увѣрюете, что это Я, то умрете въ грѣхахъ вашихъ“ (Іоан. VIII, 24).

„Истинно, истинно говорю вамъ: кто соблюдетъ слово Мое, тотъ не увидитъ смерти во вѣкъ“ (Іоан. VIII, 51).

„Кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ; но вода, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную“ (Иоан. IV, 14).

„Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое, и Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы приидемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ“ (Иоан. XIV, 23).

„Когда приидетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ Истины, Который отъ Отца исходитъ, Онъ будетъ свидѣтельствовать о Mnѣ“ (Иоан. XV, 26).

„Дана Mnѣ всякая власть на небѣ и на землѣ“ (Мате. XXVIII, 18).

„Пріидите ко Mnѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“ (Мате. XI, 28).

„Безъ Меня не можете дѣлать ничего“ (Иоан. XV, 5).

„Я пришелъ не судить міръ, но спасти міръ“ (Иоан. XII, 47).

„Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ“ (Иоан. XI, 25).

„И всякий живущій и вѣрующій въ Меня не умретъ во вѣкъ“ (Иоан. XI, 26).

„Какія странныя слова! Кто можетъ это слушать!“ — недоумѣвала и негодовала толпа окружавшихъ Іисуса юдеевъ.

Да, странныя слова! Такихъ ни раньше, ни послѣ не приходилось слышать дѣтямъ земли отъ кого-либо, носящаго образъ человѣческій. Какъ не похожи они на тѣ признанія, что мы слышали отъ малыхъ и великихъ представителей человѣчества! Какъ повѣрить этимъ словамъ?! Или,—какъ это открывалось нравственному созерцанію Н. В. Гоголя,—однихъ спокойныхъ и непоколебимо твердыхъ самосвидѣтельствъ голосъ церкви.

Сына Человѣческаго достаточно, чтобы признать ихъ истиной, а Его Сыномъ Божіимъ, равнымъ Отцу? Можетъ быть, — но намъ нельзя ограничиться ими уже по одному тому, что мы стали на почву психологического опыта въ первой половинѣ нашего изслѣдованія, когда приводили многочисленныя свидѣтельства человѣка о противорѣчіяхъ въ его бытіи, противорѣчіяхъ, отравляющихъ его жизнь и дающихъ себя знать самыми реальными душевными муками на протяженіи всей его исторіи. Этой почвы необходимо намъ держаться и при указаніи пути къ разрѣшенію названныхъ противорѣчій.

Вѣдь если самосвидѣтельства распятаго при Понтийскомъ Пилатѣ Назаретскаго Плотника истинны, если Онъ дѣйствительно силенъ дать человѣку познаніе истины, свободу отъ грѣха и жизнь вѣчную — такъ, чтобы человѣкъ не видѣлъ смерти во вѣкъ, то, конечно, должны же быть за 2.000 лѣтъ существованія христіанства свидѣтели исполнившихся обѣтованій Сына Человѣческаго.

Какъ все природное человѣчество по глубокому и горькому опыту говорило намъ о мучительныхъ противорѣчіяхъ, лежащихъ въ глубинѣ его бытія, такъ эти свидѣтели должны по опыту же своей жизни сказать намъ, что вѣренъ и истиненъ Обѣщавшій миръ и покой приходящимъ къ Нему — труждающимся и обремененнымъ.

Итакъ, обратимся опять къ свидѣтельству человѣка о самомъ себѣ.

Естественно, свидѣтелями на этотъ разъ будуть только тѣ, кто ходилъ по стопамъ Христа и кто, слѣдовательно, могъ опытно извѣдать силу Его. Посмотримъ, будетъ ли, говоря языкомъ Евангелія, оправдана Премудрость (Христосъ) чадами ея...

Мы будемъ вызывать свидѣтелей послѣдовательно, держась хронологического порядка, т. е. начиная съ тѣхъ, кто впервые, вдали вѣковъ, были оглашены Евангельскою проповѣдью, и кончая свидѣтелями нашихъ дней. Сойдутся ли раскинутыя на 2.000 лѣтъ свидѣтельства ихъ съ самосвидѣтельствомъ Іисуса Назаринина? Оправдаются ли они сверхчеловѣческія притязанія Его быть Спасителемъ рода человѣческаго.

„Сей есть Сынъ Божій; се Агнецъ Божій, Который беретъ на себя грѣхъ міра“,—свидѣтельствуетъ Іоаннъ Креститель.

„Равви! Ты Сынъ Божій, Ты Царь Израилевъ“,—восклицаетъ изумленный и восхищенный Нафаниль—„Израильянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства“.

„Истинно Ты Сынъ Божій“,—исповѣдуютъ ученики, склоняясь передъ Нимъ на озерѣ Геннисаретскомъ.

„Ты Христосъ Сынъ Бога Живаго“,—твердо отвѣчаетъ Ап. Петръ на вопросъ Іисуса, за кого они—ученики почитаютъ Его.

„Господи! къ кому намъ итти?“—слышимъ мы отъ того же Петра. „Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной, и мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога Живаго“.

„Такъ, Господи! я вѣрю, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, грядущій въ міръ“,—робко откликается Марѳа на призывъ Іисуса къ вѣрѣ.

„Господь мой и Богъ мой“,—раздается радостный крикъ юноши.

„Никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человѣкъ“,—признаются служители фарисейскіе, на вопросъ своихъ господъ, почему они не привели Іисуса.

„Воистину Онъ былъ Сынъ Божій!—съ болью вырывается изъ груди сотника, стоявшаго при крестѣ „Царя Іудейскаго“.

— Не чудесны ли эти свидѣтельства, такъ согласно и твердо устанавливающія фактъ необычайности Существа, носящаго образъ человѣка?

Этимъ людямъ—въ тайникахъ ихъ души—открывается великая, страшная и радостная истина, что такъ долго всѣми Ожидаемый Посланникъ неба здѣсь, съ ними,—что это точно Онъ, Избавитель, имѣющій ключи ада и рая, Которому дана всякая власть на небѣ и на землѣ.

Да и какъ не дивиться, какъ не устрашаться, какъ не радоваться, какъ, наконецъ, не вѣрить Ему, когда на ихъ глазахъ, по Его благой волѣ, слѣпые прозрѣваютъ, и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ!

Какъ свидѣтелямъ этихъ чудесъ не воскликнуть: Ты Сынъ Божій?

Да, но мы слышимъ пока, только какъ Онъ исцѣляетъ больныхъ, воскрешаетъ мертвыхъ, сообщаетъ чудотворную силу Своимъ ученикамъ, учить тайнамъ Царствія Божія; слышимъ и то, какъ Онъ отпускаетъ грѣхи... Но мы мало примѣчаемъ перемѣны во внутреннемъ состояніи даже самыхъ вѣрныхъ и близкихъ Его послѣдователей, которые по-прежнему продолжаютъ мыслить не о томъ, что Божіе, а о томъ, что человѣческое (Мате. XVI). Мы не видимъ и не слышимъ отъ нихъ, чтобы разладъ ихъ человѣческой природы былъ исцѣленъ; чтобы вѣчната истинна, вѣчная правда и вѣчната жизнь стали ихъ внутреннимъ достояніемъ. Это произойдетъ только тогда, когда черезъ таинство Креста прославленный Іисусъ пошлетъ Духа Своего въ сердца вѣрующихихъ во имя Его.

И точно—посмотрите, что происходитъ съ учениками Его послѣ Пятидесятницы: какъ очищается и

возвышается разумъніе ихъ, какъ отъ восторга передъ внѣшними знаменіями своего Учителя, передъ нравственной красотой Его человѣческаго Образа, и отъ чрезвычайныхъ внѣшнихъ откровеній Небесной Истины они переходятъ къ глубокому проникновенію въ тайны новой, благодатной жизни, открывающейся въ ихъ собственныхъ сердцахъ и сердцахъ единовѣрныхъ собратій... Ихъ Божественный Учитель уже не внѣшнее для нихъ Существо, а внутреннее достояніе, сокровенная жизнь ихъ души.

Просвѣтленные и очищенные огненнымъ прикосновеніемъ Всесвятаго и всеосвящающаго Духа Истины, они становятся въ собственномъ смыслѣ живой обителью Вѣчнаго Царя, Который, еще имѣя зракъ раба, обѣщалъ любящимъ Его прійти съ Отцомъ и обитель у нихъ сотворить. Но вотъ сами живые свидѣтели этихъ чудесныхъ событий, совершающихся не въ человѣка, а въ нѣдрахъ и тайникахъ его собственной души.

„Помазаніе (Духа), которое вы получили отъ Сына Божія, въ васъ пребываетъ, и вы не имѣете нужды, чтобы кто училъ васъ; но какъ самое сіе помазаніе учитъ васъ всему, и оно истинно и не ложно, то чему оно научило васъ, въ томъ пребывайте“ (1 Іоан. II, 27),—увѣщаваетъ братьевъ по вѣрѣ возлюбленный ученикъ Христовъ, констатируя фактъ непосредственнаго воспріятія Божественной истины чрезъ помазаніе, или изліяніе Духа, предуказаніе чего находимъ еще у ветхозавѣтнаго Евангелиста: „И будутъ всѣ научены Богомъ“,—говорить пророкъ Исаія, въ соглаſіи съ другимъ пророкомъ, изрекшимъ отъ лица Божія: „И будетъ въ послѣдніе дни, излію отъ Духа Моего на всякую плоть“.

Это изліяніе Духа Святаго, Духа Истины, Духа

Христова въ сердца вѣрующихъ рождаетъ живое чувство Богосыновства.

„Возлюбленные“,—пишетъ тотъ же Апостолъ:—„Мы теперь дѣти Божіи. Смотрите, какую любовь далъ намъ Отецъ, чтобы намъ называться и бытъ дѣтьми Божіими“.

„Всякій, рожденный отъ Бога, не дѣлаетъ грѣха, потому что съмъ Его (Божіе) пребываетъ въ немъ; и онъ не можетъ грѣшить, потому что рожденъ отъ Бога“ (1 Іоан. III, 9).

„Рожденный отъ Бога хранитъ себя; и лукавый не прикасается къ нему“ (1 Іоан. V, 18).

„Мы перешли отъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ..., всякій ненавидящій брата не имѣетъ жизни вѣчной, въ немъ пребывающей“ (1 Іоан. III, 14—15).

„Вѣрующій въ Сына Божія имѣетъ свидѣтельство въ себѣ самомъ... свидѣтельство это состоить въ томъ, что Богъ даровалъ намъ жизнь вѣчную, и сія жизнь въ Сынѣ Его“ (1 Іоан. V, 10—11).

„Имѣющій Сына Божія имѣетъ жизнь; не имѣющій Сына Божія не имѣетъ жизни“ (— 12).

Какъ бы подтверждая, продолжая и развивая свидѣтельства Іоанна, апостолъ Павелъ пишетъ Римлянамъ, говоря, отъ лица, возрожденного вѣрою:

„Законъ духа жизни во Христѣ Іисусѣ освободилъ меня отъ закона грѣха и смерти“ (Рим. VIII, 2).

„Если Христосъ въ васъ, то тѣло мертвое для грѣха, но духъ живъ для праведности. Если же Духъ Того, Кто воскресилъ изъ мертвыхъ Іисуса, живеть въ васъ: то Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ Своимъ, живущимъ въ васъ“ (Рим. VIII, 10—11).

„Нынѣ“,—читаемъ въ томъ же посланіи къ Римля-

намъ, — „когда вы освободились отъ грѣха и стали рабами Богу, плодъ вашъ есть святость, а конецъ—жизнь вѣчная; ибо возмездіе за грѣхъ—смерть, а даръ Божій—жизнь вѣчная во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ“ (Рим. VI. 22—23).

Если таково было внутреннее обновленіе учениковъ Апостольскихъ, то въ самихъ Апостолахъ мы видимъ уже восполнившееся торжество Христовой силы и жизни.

„Все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ“,— исповѣдуетъ вселившуюся въ него силу Христову тотъ же Апостолъ языковъ (Фил. IV. 13).

„Уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. II. 20),— исповѣдуетъ онъ же чудную истину глубочайшаго сліянія съ его существомъ Существа Сына Божія—этой вѣчной жизни, дарованной Отцомъ Небеснымъ.

Грань между тамошнимъ и здѣшнимъ, небеснымъ и земнымъ, трансцендентнымъ и феномenalнымъ, вѣчнымъ и временнымъ—рушилась, противорѣчія бытія исчезли:

„Для меня жизнь — Христосъ“, слышимъ мы отъ великаго Апостола,— „а смерть—пріобрѣтеніе“.

„Смерть! гдѣ твое жало? адъ! гдѣ твоя побѣда?“— торжествующе восклицаетъ онъ въ посланіи къ Коринтюнямъ.

Оставимъ вѣкъ Апостольскій и переступимъ въ призывающій къ нему по времени и отчасти подобный ему по напряженности борьбы вѣкъ мученичества, когда сила Христовой вѣры сказывалась въ сверхъ-естественномъ, нерѣдко восторженномъ терпѣніи жертвъ и въ чудесныхъ знаменіяхъ небесной помощи, сопровождавшихъ ихъ мученические подвиги. Нашъ взоръ невольно приковывается въ величавому образу антіо-

хійского епископа, Игнатія Богоносца. Приговоренный въ 107 году Императоромъ Траяномъ къ смертной казни, великий преемникъ Апостоловъ воскликнулъ, услышавъ смертный приговоръ: „Благодарю Тебя, Господи, что Ты удостоилъ меня засвидѣтельствовать совершенную любовь къ Тебѣ и благоизволилъ связать меня желѣзными узами, подобно какъ Апостола Твоего Павла“.—Его отправляютъ въ Римъ на съдѣніе звѣрямъ. Опасаясь, чтобы римскіе христіане вмѣстѣ съ другими не возымѣли малодушнаго намѣренія отклонить казнь его, еп. Игнатій съ необычайной силой и трогательностью увѣщаваетъ ихъ не препятствовать ему соединиться тѣснѣйшимъ союзомъ съ Христомъ черезъ мученическій подвигъ. „Не дѣлайте для меня ничего болѣе, какъ чтобы я былъ закланъ Богу теперь, когда жертвенникъ уже готовъ,—и тогда составьте любовію хоръ, и воспойте хвалебную пѣснь Отцу во Христѣ Іисусѣ, что Богъ удостоилъ епископа Сиріи призвать съ востока на западъ. Прекрасно мнѣ закатиться отъ міра къ Богу, чтобы въ Немъ мнѣ возсіять... „Умоляю васъ“,—продолжаетъ священномученикъ,—„не оказывайте мнѣ неблаговременной любви. Оставьте меня быть пищею звѣрей и посредствомъ ихъ достичнуть Бога. Я пшеница Божія; пусть измелютъ меня зубы звѣрей, чтобы я сдѣлался чистымъ хлѣбомъ Христовымъ... Лучше мнѣ умереть за Іисуса Христа, нежели царствовать надъ всею землею Его ищу, за насъ умершаго, Его желаю, за насъ воскресшаго... Хочу быть Божіимъ: не отдавайте меня міру. Пустите меня къ чистому свѣту: явившись туда, буду человѣкомъ Божіимъ. Дайте мнѣ быть подражателемъ страданій Бога моего. Кто самъ имѣетъ Его въ себѣ, тотъ пусть пойметъ, чего желаю... Моя любовь распялась, и нѣтъ во мнѣ огня,

любящаго вещество, но вода живая (т.-е. Духъ Святый, возбуждающій и укрѣпляющій къ мученической смерти. См. Иоан. IV. 10; VII, 38), говоряшая во мнѣ, взыываетъ мнѣ извнутри: „иди къ Отцу“. Нѣть для меня сладости въ пищѣ тлѣнной, ни въ удовольствіяхъ этой жизни. Хлѣба Божія желаю, хлѣба небеснаго, хлѣба жизни, который есть плоть Иисуса Христа, Сына Божія... И питія Божія желаю, крови Его, которая есть любовь нетлѣнная и жизнь вѣчная“.

Вотъ какой вѣрой, обличающей невидимое, какой надеждой, предвкушающей грядущую славу воскресенія, какимъ жаромъ небесной, смерть побѣждающей любви, какой жаждой „разрѣшиться и быть со Христомъ“—преисполнено отрѣшившееся отъ міра сердце богоноснаго мужа апостольскаго!

Изъ залитыхъ христіанской кровью вѣковъ мученичества перенесемся въ смѣнившіе ихъ, сравнительно спокойные, вѣка подвижничества, когда не за исповѣданіе Христа умирали подъ мечомъ гонителей, а за „исполненіе заповѣдей“ проливали кровь въ борьбѣ съ „духами злобы поднебесной“, когда не форумы и темницы были свидѣтелями великихъ скорбей и вмѣсть великой славы мучениковъ Христовыхъ, а пустыни востока, стянувшія въ свое безмолвіе сонмы подвижниковъ и утучненные потомъ трудовъ ихъ, процвѣли „яко крины сельные“ и, исполнившись благоуханія Христова, облагоухали собою весь міръ, когда воистину небо приникло къ землѣ—и ангелы Божіи не только сходили на землю, но, можно сказать, возворялись на ней, какъ постоянные обитатели, сожительствуя съ „небесными человѣками“ пустынь. Вызовемъ свидѣтелей изъ глуби этихъ пустынь и послушаемъ, что скажутъ они намъ о своей внутренней

жизни, о тайнахъ Царствія Божія, въ ихъ душахъ открывающихся.

„Духъ Утѣшитель, пріемлемый въ крещеніи, даетъ намъ“,—свидѣтельствуетъ, по собственному изобильнѣйшему духовному опыту, знаменитый основатель пустынножительственного подвижничества, славный поборникъ православія противъ аріанства, Антоній Великій (жившій съ половины 3-го до половины 4-го вѣка),—„даетъ намъ силу дѣйствовать свято, чтобы опять возвести насъ въ первое славное состояніе и сдѣлать достойными получить вѣчнопребывающее наслѣдіе. Вѣдайте, что которые во Христа крестятся, во Христа облекаются (Гал. III. 27, 28), получая благодать Св. Духа... И Св. Духъ, въ то же время, какъ становится для нихъ залогомъ наслѣдія вѣчнаго царства небеснаго, научаетъ ихъ тому, какъ должно поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ“ (Іоан. IV. 23).—„Я молился о васъ“,—обнадеживаетъ и наставляетъ своихъ возлюбленныхъ чадъ духовныхъ великій учитель,—„да сподобитесь и вы получить Того великаго огненнаго Духа, Котораго получилъ я... Онъ, когда принять будетъ, откроетъ вамъ высшія тайны, отгонить отъ васъ страхъ людей и звѣрей, — и будетъ у васъ небесная радость день и ночь; и будете въ этомъ тѣлѣ, какъ тѣ, кои уже находятся въ царствіи (небесномъ“).—(Добротолюбіе, изд. 4-ое, т. I, стр. 34—35).

Вотъ передъ нами достойный ученикъ Великаго Антонія, одинъ изъ знаменитѣйшихъ преподобныхъ мужей 4-го вѣка, Макарій Египетскій, оставилъ намъ въ наслѣдство превосходное изображеніе внутренней исторіи души, путемъ вѣры выходящей изъ состоянія рабства грѣху въ свободу славы дѣтей Божіихъ. Святой подвижникъ, опытно прошедшій этотъ

путь до конца, такъ изображаетъ нравственное состояніе души, пріявшой свободу Христову:

„Когда душа взойдетъ къ совершенству Духа, соверенно очистившись отъ всѣхъ страстей, и въ неизреченномъ общеніи, пришедши въ единеніе и сраствореніе съ Духомъ Утѣшителемъ, и срастворяемая Духомъ, сама сподобится стать духомъ,— тогда дѣлается она вся свѣтомъ, вся окомъ, вся радостью, вся упокоеніемъ, вся ликованіемъ, вся любовью, вся милосердіемъ, вся благостью и добротою (Доброт. I, 260).

Въ другомъ мѣстѣ преп. Макарій говоритъ объ усыновленіи Богу и воспріятіи здѣсь, на землѣ, залога вѣчной жизни:

„Помазуемые елеемъ небеснаго насажденія, древа жизни—Іисуса Христа, бывають удостоены войти въ мѣру совершенства, т.-е. царствія и усыновленія, такъ какъ, находясь еще въ этомъ мірѣ, они уже сотаинники небеснаго Царя, имѣютъ дерзновеніе предъ Вседержителемъ, входятъ въ чертогъ Его, гдѣ Ангелы и духи Святыхъ. Ибо, и не получивъ еще совершенного наслѣдія, уготованного имъ въ ономъ вѣкѣ,—тѣмъ залогомъ, какой пріяли нынѣ, обезопасили себя, какъ уже вѣнчанные и царствующіе, и, при обиліи и дерзновеніи Духа, не находятъ они для себя удивительнымъ, что будутъ царствовать со Христомъ. Почему же? Потому что, будучи еще во плоти, имѣли уже въ себѣ оное ощущеніе сладости и оное дѣйствіе силы“ (Тамъ же, 273).

Не трудно видѣть, что это съ натуры снятое изображеніе внутренней жизни души, озаренной черезъ вѣру благодатнымъ свѣтомъ Христовымъ, представляеть ту же картину таинственнаго, но реальнѣйшаго обновленія души и дѣйствительнаго, ощутимаго про-

никновенія ея въ мірѣ потусторонній, которую мы со-
зерали въ писаніяхъ Апостольскихъ. Преп. Макарій
спустя три вѣка является свидѣтелемъ тѣхъ же чуд-
ныхъ тайнъ претворенія „ветхаго человѣка“ въ „но-
вую тварь“, о которомъ вдохновенно возвѣщали міру
первые строители этихъ тайнъ: Сынъ Громовъ и Апо-
столъ языковъ.

„Безстрастіе“, — слышимъ мы въ 6-мъ вѣкѣ отъ
славнаго списателя „Лѣстицы“, преп. Іоанна, до-
стигшаго горнихъ высотъ духовной жизни во Хри-
стѣ,— „безстрастіе есть сердечное небо ума, которое
всѣ коварства бѣсовъ считаетъ за дѣтскія игрушки...
Оно есть воскресеніе души прежде воскресенія тѣла...
Истинно безстрастнымъ называется и есть тотъ, кто
тѣло свое содѣлалъ нетлѣннымъ, умъ возвысилъ пре-
выше всякой твари, всѣ же чувства покорилъ уму, а
душу свою представилъ лицу Господню“... И „сie со-
вершенное совершенныхъ несовершаемое совершен-
ство (по слову вкушившаго оное) такъ освящаетъ умъ
и исхищаетъ его отъ вещественнаго, что часто отъ
жизни въ тѣлѣ восхищеніемъ на небо возносить къ
видѣнію“... „Кто сподобился быть въ семъ устроеніи,
тотъ еще во плоти имѣеть живущаго въ себѣ Самого
Бога, Который руководитъ его во всѣхъ словахъ, дѣ-
лахъ и помышленіяхъ. Посему таковой черезъ вну-
треннее просвѣщеніе познаетъ волю Господню, какъ
бы слыша нѣкоторый гласъ, и, будучи выше всякаго
человѣческаго ученія, говоритъ: *когда прииду и явлюся
лицу Божію?* (Пс. 41, 3)— „Но что много говорить?“ —
вопрошаетъ Преподобный. „Безстрастный не кому жи-
веть себѣ, но живетъ въ немъ Христосъ“ (Гал. II, 20), —
заключаетъ онъ словами великаго Апостола.

Съ какой ясностью и непоколебимостью засвидѣ-
тельствованы здѣсь въ этихъ немногихъ, но могучихъ

словахъ: полная побѣда надъ грѣхомъ и, что поэтому естественно, побѣда надъ „міродержителями тьмы вѣка сего“, преображеніе плоти,—реальное, а не мысленное только, возвышеніе ума надъ тварнымъ бытіемъ, непосредственное, глубочайшее соединеніе и взаимопроникновеніе съ Господиномъ жизни, внутренно просвѣщающимъ и научающимъ предавшуюся Ему душу, и, наконецъ, жажда „разрѣшиться и быть со Христомъ“, уже теперь творящимъ Свою обитель въ этой душѣ!

„Богъ на то создалъ насъ, чтобы мы содѣлывались общниками Божескаго естества (2 Петр. I, 4) и причастниками Его присносущности, и подобными Ему являлись (1 Ioан. III, 2) по благодатному обоженію, ради коего все сущее устроено и пребываетъ, и не сущее еще приводится въ бытіе и порождается“ (Умозр. и дѣят. гл.; § 99), — такъ опредѣляетъ цѣль человѣческой жизни великій христіанскій мудрецъ половины 7 вѣка, преп. Максимъ Исповѣдникъ.

На чёмъ же покоится надежда на достиженіе этой цѣли?

„Твердое и вѣрное основаніе надежды на обоженіе для естества человѣческаго есть вочековѣченіе Бога, въ такой мѣрѣ дѣлающее человѣка богомъ, въ какой Самъ Богъ содѣлался человѣкомъ. Ибо явно, что Содѣлавшійся безъ грѣха человѣкомъ можетъ обожить и естество безъ преложенія его въ Божество, въ такой мѣрѣ возвысивъ его до Себя, въ какой Самъ смирилъ Себя человѣка ради (§ 113).“

А вотъ путь къ этой блаженной цѣли, начертываемый богомудрымъ Отцомъ:

„Надлежитъ“, — говоритъ онъ, — „разумомъ вмѣсто невѣдѣнія, къ Богу возноситься черезъ познаніе Его взысканіемъ; вожделѣніемъ, очистивъ его отъ страсти

самолюбія, только къ Богу устремляться всѣмъ желаніемъ; энергіею, отрѣшивъ ее отъ ненависти, усиливаться улучить единаго Бога и создать въ себѣ Божественную и блаженную любовь, съ Богомъ соединяющую и богомъ являющую Боголюбца,—любовь, которая—изъ нихъ (т.-е. изъ Боговѣдѣнія и Богожеланія) и ради которой—они (§ 93).

Любовь—„вотъ дверь, коею входящій вступаетъ во Святая Святыхъ и сподобляется быть достойнымъ зрителемъ неприступной красоты Святыя и царственные Троицы“ (§ 97).

Знакомый съ христообразной жизнью святаго Исповѣдника и непобѣдимаго борца за православіе противъ моноѳелитства, а также съ воистину богодохновенными и полными неотразимой силы писаніями его, не усомнится въ томъ, что сказанное имъ о тайнѣ обоженія и пути къ нему — не результатъ философскаго умозрѣнія, а живой плодъ благодатнаго опыта Богопознанія.

Ступимъ еще немного впередъ. Изъ Сирійской пустыни конца 7-го и начала 8-го вѣка раздается голосъ великаго подвижника, глубочайшаго философа и удивительно тонкаго психолога. Прислушаемся внимательно къ его откликамъ на наши вопросы о грѣхѣ и правдѣ, жизни и смерти, истинѣ и безсмертіи.

Этотъ новый свидѣтель — преп. Исаакъ Сиринъ — такъ характеризуетъ три послѣдовательныя ступени, которыя проходитъ человѣкъ во внутреннемъ своемъ отношеніи къ указаннымъ вопросамъ.

„Человѣкъ пока въ нерадѣніи (т.-е. не идетъ по темъ живой вѣры и не стремится къ Богу Живому), боится часа смертнаго; а когда приблизится къ Богу, боится срѣтенія суда; когда же всецѣло подвинется впередъ (т.-е. войдетъ въ область чистой любви къ

Богу), тогда любовью поглощается тотъ и другой страхъ“.

„Почему же это?“—спрашиваетъ преп. Исаакъ—и отвѣчаетъ: „Потому, что, когда остается кто въ вѣдѣніи и житіи тѣлесномъ (т.-е. мудрствуетъ и живеть по плоти), ужасается онъ смерти (разрушающей тѣлесное); когда же бываетъ въ вѣдѣніи душевномъ и въ житіи добромъ, умъ его всякий часъ бываетъ занятъ памятованіемъ будущаго суда... Но когда достигнетъ онаго вѣдѣнія истины, вслѣдствіе движенія въ немъ уразумѣнія тайнъ Божіихъ и вслѣдствіе утвержденія надежды будущаго, тогда любовью поглощается и оный тѣлесный человѣкъ, подобно животному боящійся закланія, и человѣкъ разумный, боящійся суда Божія; содѣлавшій же сыномъ (Богу) украшается любовю, а не устрашающимъ вразумляется жезломъ“.

„Кто достигъ любви Божіей, тотъ не желаетъ уже снова пребывать здѣсь; потому что любовь сія уничтожаетъ страхъ“,—утверждаетъ какъ фактъ внутренняго опыта Исаакъ Сиринъ, въ полномъ согласіи съ Іоанномъ Богословомъ, свидѣтельствующимъ, что „совершенная любовь изгоняетъ страхъ“ (Іоан. I, 1) и Ап. Павломъ, сознающимся, что для него „смерть—пріобрѣтеніе“.

Любовь эта, сладостнѣе жизни и торжествующая надъ смертью, рождается, по словамъ св. Исаака, отъ истиннаго познанія Бога, а истинное познаніе есть „ощущеніе безсмертной жизни, которая сама есть ощущеніе Бога“.

„Исполни, Господи, сердце мое жизни вѣчной!“—молится преп. Исаакъ, показывая этой молитвой, что жизнь вѣчная доступна человѣку и на этой грѣшной землѣ (юдоли скорби и печали), что она не только

предметъ чаянія въ будущемъ, но и ощущенія въ настоящемъ, что она не мыслится только, но и вкушается духовно.

Говоря въ другомъ мѣстѣ о сладости и многоплодности ночного молитвенного бдѣнія, во время кото-раго ревностные подвижники совлекаются ветхаго человѣка и удостоиваются обновленія ума, Сирскій философъ свидѣтельствуетъ, что „въ эти часы душа ощущаетъ онуу безсмертную жизнь, и ощущеніемъ ея совлекается одѣянія тьмы, и пріемлетъ въ себя Духа Святаго“ (сл. 42).

Эта мысль о нравственной побѣдѣ надъ тяжестью грѣховнаго бытія и опытномъ опознаніи, пріобщеніи Святой Вѣчности проходитъ красной нитью по всѣмъ писаніямъ святого отшельника. Въ словѣ 83-мъ мы читаемъ у него:

„Кто обрѣлъ любовь (Божію), тотъ каждый день и часъ вкушаетъ Христа, и дѣлается отъ этого безсмертнымъ, какъ сказано: *кто сиѣсть отъ хлѣба сего, егоже Азъ дамъ ему, смерти не узритъ во вѣки* (Іоан. VI. 51, 58). Блаженъ, кто вкушаетъ отъ хлѣба любви, который есть Іисусъ... Онъ въ этомъ еще мірѣ, въ ощущаемомъ здѣсь, обоняетъ оный воздухъ воскресенія“.

На смѣну свидѣтелю VII вѣка выступаетъ свидѣтель вѣка XI-го.

Посмотримъ, такъ же ли въ XI-мъ вѣкѣ Вѣчное сказывается во временномъ, давая ощутить себя душѣ, предавшейся Іисусу—Сыну Божію? Такъ же ли тайны неба открываются въ житель земли и возводятъ его въ рай сладости, давая вкушать здѣсь, на землѣ, сокровенную духовную манну?

„Кто какъ должно вѣруетъ во Христа, тотъ имѣеть жизнь вѣчную въ себѣ, которая есть благодать Го-

спода нашего Иисуса Христа. Кто же върнетъ во Христа, а жизни вѣчной въ себѣ не имѣетъ, того тщетна и бесполезна вѣра“,—слышимъ мы отъ преп. Симеона Нового Богослова.

„Таковъ законъ новой жизни о Христѣ Иисусѣ“,—говорить Симеонъ,— „что Христосъ Господь благодатію Св. Духа приходитъ къ намъ и воскрешаетъ умерщвленныя (грѣхомъ) души наши, и даетъ имъ жизнь, и даруетъ очи видѣть Его Самого—бессмертнаго и нетлѣннаго—живущимъ въ насъ“.

„Постараемся же“,—увѣщаваетъ подвижникъ,— „сохранить Божественныя заповѣди и очистить сердца свои слезами и покаяніемъ, да узримъ Самого Христа, этотъ Божественный свѣтъ, и да стяжемъ Его еще здѣсь, въ настоящей жизни, въ Обитателя въ насъ, да животворитъ Онъ души наши благодатію Всесвятаго Духа, и да питаетъ ихъ сладостью чаемыхъ благъ царствія Своего“.

Минуемъ три вѣка — и обратимъ нашъ взоръ и слухъ къ изобиловавшему благодатными дарованіями архіепископу Солунскому св. Григорію Паламѣ (простлавившемуся какъ своей подвижнической жизнью, такъ и упорной и успѣшной борьбой противъ гносеологической ереси облатинившагося монаха Варлаама, который производилъ своимъ лжеученіемъ большое смущеніе въ Византіи 14-го вѣка). Вотъ что возвѣщаетъ намъ сей богоносный мужъ, осіянный свѣтомъ Христовымъ:

„Когда единичный умъ бываетъ тройственнымъ, пребывая единичнымъ, тогда онъ соединяется съ Богоначальною Тройческою Единицею, затворяетъ всякий входъ прелести, погрѣшенію и заблужденію, и становится выше плоти, міра и міродержателя. Избѣгши такимъ образомъ сѣтей ихъ, всецѣло пребываетъ онъ голосъ церкви.

въ себѣ и въ Богѣ, вкушая источающееся извнутрь духовное радованіе... Когда кто пребудетъ въ сей собранности ума и въ такомъ простертіи къ Богу, тогда, сильнымъ самопринужденіемъ утѣсняя быстротечность своихъ мыслей, мысленно приближается онъ къ Богу, встрѣчаетъ неизреченное, вкушаетъ будущаго вѣка и духовнымъ чувствомъ познаетъ, сколь благъ Господь" (Доброт. изд. 2; т. 5, стр. 300 - 301).

Здѣсь тотъ же побѣдный гласъ воина Христова, торжествующаго надъ разстройствомъ человѣческой природы и силою благодати преодолѣвающаго ея грѣховную немощь; здѣсь то же исцѣленіе природныхъ недуговъ и спасеніе отъ многообразныхъ сѣтей вражіихъ чрезъ живое и животворящее сочетаніе человѣка съ Богомъ; отсюда радость духовная, отсюда вкушеніе благъ онаго, непреходящаго вѣка, отсюда славословіе Подателю сихъ неизреченныхъ благъ...

Изъ далекой Византіи 14-го вѣка, отъ стойкаго и проницательнаго борца за правду духовнаго, благодатнаго, спасительнаго Богопознанія, завѣщаннаго Церковью и въ Церкви хранимаго (въ противоположность схоластически-разсудочному и естественно-мистическому пути латинского раскола), продвинемся по тому же православному руслу, пролагаемому Духомъ Святымъ, въ родную намъ „Святую Русь“ конца 18-го вѣка—и вызовемъ послѣдняго свидѣтеля, несущаго въ себѣ и съ собою разительное свидѣтельство силы Іисусъ—Христовой и достойнѣйшее оправданіе Премудрости—Христа (Мѳ. XI. 19; Лк. VII. 35). Этотъ свидѣтель такъ близокъ къ намъ по времени, что и нынѣ еще есть въ живыхъ люди, которые утѣшились его лицезрѣніемъ, назидались словомъ, воскрешались молитвою; еще ближе онъ намъ по духу, ибо воистину изъ живущихъ теперь на Руси чадъ

Церкви Христовой едва ли найдется кто, не прите-кающей къ нему съ уповательной молитвой и не пи-тающейся его спасающею любовью. Да утвердится же еще разъ авторитетнымъ свидѣтельствомъ „богонос-наго отца нашего Серафима Саровского и всея Рос-сіи чудотворца“ та непреложная истина, что „побѣда, побѣждающая міръ“ многообразныхъ противорѣчій, проницающихъ естество человѣка, есть вѣра Христо-ва, содержимая и изъ вѣка въ вѣкъ переносимая Единою, Святою, Соборною и Апостольскою Цер-ковью.

Многое въ жизни и словахъ преп. Серафима сви-дѣтельствуетъ обѣ этой истинѣ, но мы воспользуемся однимъ свидѣтельствомъ, которое находимъ въ зна-менательнѣйшей бесѣдѣ великаго угодника Божія съ его другомъ духовнымъ, Н. А. Мотовиловымъ. Бесѣда эта—цѣлое событие, огромное по своему религіозному смыслу. Простота и вмѣстѣ мудрость словъ череду-ются въ ней съ „явленіями силы и духа“. Очень ре-комендуя каждому прочесть эту бесѣду цѣликомъ, мы по необходимости ограничиваемся здѣсь лишь немно-гими мѣстами ея.

„Истинная цѣль жизни нашей христіанской состо-ить въ стяжаніи Духа Святаго Божіяго“,—разъясня-етъ недоумѣнія своего собесѣдника преп. Серафимъ. „Постъ же и бдѣніе, и молитва, и милостины, и вся-кое Христа ради дѣлаемое доброе дѣло суть средства для стяжанія Святаго Духа Божіяго“... „Духъ Свя-тый вселяется въ души наши, и это-то самое вселе-ніе въ души наши Его, Вседержителя, и сопребываніе съ духомъ нашимъ Его Троическаго Единства да-руется намъ лишь черезъ всемѣрное съ нашей сто-роны стяжаніе Духа Святаго, которое и предугото-вляетъ въ душѣ и плоти нашей престолъ Божіему

Всетворческому съ духомъ нашимъ сопребыванію, по непреложному слову Божiemу: „вслюся въ нихъ и похожду, и буду имъ въ Бога, и тіи будутъ Мнѣ людіе“. — „Это и есть тотъ елей въ свѣтильникахъ мудрыхъ дѣвъ“, — истолковываетъ притчу о десяти дѣвахъ великій старецъ, — „который могъ свѣтло и продолжительно горѣть, и дѣвы тѣ съ этими горящими свѣтильниками могли дождаться и Жениха, пришедшаго въ полунощи, и войти съ Нимъ въ чертогъ радости“. По слову святого отца, этотъ елей и есть „получаемая внутрь естества нашего благодать Все-святаго Духа Божія, претворяющая это естество отъ тлѣнія въ нетлѣніе, отъ смерти душевной въ жизнь духовную, отъ тьмы въ свѣтъ“...

За этими словесными разъясненіями цѣли и сущности христіанской жизни и раскрытиемъ побѣдныхъ и спасительныхъ дѣйствій благодати Св. Духа (разъясненія эти мы приводимъ въ очень краткомъ извлеченіи), великій таинникъ Христовъ и сотаинникъ своего благочестиваго друга-мірянина силою молитвы поставляетъ себя и своего собесѣдника подъ изумительное дѣйствіе Св. Духа, молніеноносно раскрывающаго въ нихъ царствіе Божіе и водворяющаго ихъ въ этомъ царствѣ. Самъ святый старецъ озаряется такимъ свѣтомъ, что духовный другъ его приходитъ въ „благоговѣйный ужасъ“.

„Представьте себѣ“, — повѣствуетъ онъ объ этомъ чудесномъ событии, — „въ серединѣ солнца, въ самой блистательной яркости его полуденныхъ лучей лицо человѣка, съ вами разговаривающаго. Вы видите движение устъ его, мѣняющееся выраженіе его глазъ, слышите его голосъ, чувствуете, что кто-то васъ руками держитъ за плечи, но не только руки этихъ не видите, не видите ни самихъ себя, ни фигуры его, а

только одинъ свѣтъ ослѣпительный, простирающійся далеко на нѣсколько саженъ кругомъ, и озаряющій яркимъ блескомъ своимъ и снѣжную пелену, покрывающую поляну, и снѣжную крупу, осыпающую сверху и меня и великаго старца“.

Просвѣтлѣніе, миръ Божій, сладость, радованіе, теплота, благоуханіе—такъ изобильно излились свыше на старца и ученика его, что описаніе этого явнаго и вседѣйственнаго почитія Святаго Духа на избранныхъ чадъ Божіихъ приводить и въ трепетъ, и въ изумленіе благоговѣйнаго читателя, который воистину зритъ здѣсь царствіе Божіе, пришедшее почти въ той же силѣ, въ какой зрели его пришедшимъ на Ѣаворѣ и ученики Христовы. И какъ просто принимаетъ и разъясняетъ своему другу это явленіе „милости Божіей“ преп. Серафимъ!— „Такъ, вѣдь, и должно быть на самомъ дѣлѣ“, — говоритъ старецъ, указавъ, въ объясненіе объявившой ихъ благодатной теплоты, на то, какъ „теплотою Духа Святаго согрѣваемые пустынники не боялись зимняго мороза, будучи одѣваемы, какъ въ теплыя шубы, въ благодатную одежду, отъ Св. Духа истканную“, — „такъ и должно быть, потому что благодать Божія должна обитать внутри насъ, въ сердцѣ нашемъ, ибо Господь сказалъ: „Царствіе Божіе внутрь васъ есть“. Подъ царствіемъ же Божіимъ Господь разумѣлъ благодать Духа Святаго“. — „Вотъ это царствіе Божіе теперь внутри насъ и находится“, — поучаетъ своего блаженнаго друга богоносецъ, — „а благодать Духа Святаго и отвнѣ осіяаетъ и согрѣваетъ насъ и, преисполняя многоразличнымъ благоуханіемъ окружающей насъ воздухъ, услаждаетъ наши чувства пренебеснымъ услажденіемъ, напояя сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положеніе есть то самое, про которое апостолъ гово-

ритъ: „царствіе Божіє нѣсть пища и питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ. Вѣра наша состоитъ „не въ препрѣтельныхъ земныя мудрости словесъхъ, но въ явленіи силы и Духа“. „Въ этомъ-то состояніи мы съ вами и находимся“,—повторяетъ старецъ. „Про это состояніе именно и сказалъ Господь: „суть нѣцы отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ“.

Духъ захватываетъ, когда, внимая сердцемъ таинственной бесѣдѣ великаго раба Божія, мысленно представляешьъ эту чудную и чудесную картину сошествія Св. Духа на „убогаго“ Серафима и воистину преблаженнаго друга его—на тихой снѣжной полянѣ уединеннаго Сарова. Какъ просто и вмѣстѣ—какъ необычайно; какъ естественно и вмѣстѣ—какъ чудесно! Рушится грань не только между мыслимымъ и являемымъ, но и между духомъ и плотью, ибо послѣдняя, озаряемая и проницаемая Духомъ Божіимъ, какъ бы возводится въ первоначальную свѣтлость и красоту, въ достойное жилище осіяаемыхъ благодатію душъ.

Мы окончили вызовъ и опросъ свидѣтелей, хотя число таковыхъ можно было бы увеличить до неопределенной степени. Полагаемъ, что и выслушанныхъ достаточно для намѣченной нами цѣли. Вдумаемся же въ ихъ свидѣтельства!

Не правда ли, какое поразительное сходство скаживается въ столь таинственныхъ и въ то же время столь дѣйствительныхъ душевныхъ переживаніяхъ людей на протяженіи почти двухъ тысячелѣтій?! Иоаннъ, Павель, Игнатій, Антоній, Макарій, Іоаннъ, Максимъ, Исаакъ, Симеонъ, Григорій, Серафимъ,—апостолы, мученики, пустынники, епископы, священноиноки,—

іудеи и греки, сирійцы и славяне, — и многіе другіе, опрошенные нами, но не вызванные, свидѣтели,—всѣ они, претворенные благодатю Христовою въ нѣдрахъ Церкви, повѣствуютъ объ однѣхъ и тѣхъ же тайнахъ царствія Божія, раскрывающихихся въ глубинѣ сердца человѣческаго и разрѣшающихихъ безъ остатка тѣ природныя противорѣчія, которыя тяжелымъ гнетомъ лежали на человѣкѣ до пришествія Іисуса Христа и лежать, какъ мы видѣли, и теперь на тѣхъ, кто не покоряются Сыну Божію вѣрою въ Него.

И развѣ возможно было бы это дивное, въ вѣкахъ идущее и изъ вѣка въ вѣкъ переходящее, единство въ такой сокровенной, подвижной и ирраціональной области, какъ душа человѣческая въ ея отношеніяхъ къ Вѣчности, если бы у всѣхъ этихъ служителей Истины не было единой объективной Опоры въ мірѣ самой Вѣчности? Возможно ли было бы такое единство стиля, при сохраненіи индивидуальныхъ чертъ, въ духовныхъ храмахъ людскихъ сердецъ, если бы не было Единаго Основанія, ихъ опредѣляющаго, и Единаго Архитектора, ихъ возводящаго?

Это не лже-мистическое „подражаніе Христу“, Который остается внѣшнимъ для подражателя, безсильно тянущагося къ предмету подражанія, хотя бы разгоряченное воображеніе живописало передъ нимъ, съ мельчайшими подробностями и съ яркостью и силою дѣйствительности, картину духовнаго неба съ его обителями и обитателями, и хотя бы „кровянной“ экстазъ отпечатлѣвалъ на его тѣлѣ всѣ язвы Господа Христа.

Это и не „многообразіе религіознаго опыта“, гдѣ дается безграничный просторъ ничѣмъ не сдерживающему и ничѣмъ не направляемому субъективизму, гдѣ утраченъ или отвергнутъ Образъ истины, и гдѣ

поэтому „всякій молодецъ на свой образецъ“, гдѣ все смѣшано и ничто не раздѣлено, гдѣ „истина вещей“ не отличена отъ „прелести“ призраковъ.

И тутъ, и тамъ неясное Божественное окутывается сумракомъ „стихій падшаго міра“, или подавляется полнымъ мракомъ „міродержителей тьмы вѣка сего, духовъ злобы поднебесныхъ“.

Нѣтъ, здѣсь, у истинныхъ чадъ Премудрости, все-душно держащихся за „столпъ и утвержденіе Истины“,—внутреннее, существенное соединеніе со Христомъ въ Богѣ благодатю Святаго Духа; здѣсь не просто „многообразіе“, а многообразіе въ единствѣ, обрѣтаемое въ Православной Церкви—и въ ней одной, хранящей и сообщающей своимъ чадамъ живое преданіе Единаго Духа, излучающагося въ *различныхъ* плодахъ и дарахъ духовныхъ.

Не мечтательно и не воображаемо становились великие православные боголюбцы „причастниками Божескаго естества“: живое, дѣйствительное разрѣшеніе природныхъ человѣческихъ антиномій въ благодатномъ богочеловѣческомъ синтезѣ являлось непреложнымъ свидѣтельствомъ ихъ подлиннаго единенія съ Богомъ. Эти души, воспитывавшіяся во вселенскомъ училищѣ Единої, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, питавшіяся „сокровенной манной“ въ ея таинственныхъ нѣдрахъ и пившія „воду живую“ изъ Ея живоноснаго источника, воистину „Духомъ Святымъ живились, чистотою возвышались—и свѣтлѣлись Троицкимъ Единствомъ священномтайнѣ“.

М. Новоселовъ.

Блаженной памяти высокопреосвященного Николая, архієпископа Японскаго.

Его не стало!.. Не стало великаго апостола христианства въ языческой „странѣ восходящаго солнца“— Японіи. 3 февраля с. г. въ 12 ч. дня,— по-японски въ 7 ч. веч.,—въ Токіо, столицѣ Японіи, подъ сѣнью зданій русской православной миссіи, тихо опочилъ 75-ти-лѣтній старець-первосяятитель и, воистину, апостолъ Японской Православной Церкви, архієпископъ Николай. Почти полвѣка святая Русь любовно твердила имя святителя Николая,— почти полвѣка она съ духовною радостью взирала на него, какъ на ярко-свѣтлящійся маякъ, возженный Православною Церковью на дальне-восточныхъ островахъ, среди океана и морей, среди тьмы языческихъ блужданій по распутьямъ буддизма, синтоизма и др!..

Родомъ изъ Смоленской губ., архієпископъ Николай, въ мірѣ Иванъ Димитріевичъ Касаткинъ, прошелъ чрезъ всю духовную школу, начиная съ низшей. На академической скамье въ Петербургѣ онъ поражалъ всѣхъ своею жизнерадостностью и незлобиемъ. По природѣ сангвиникъ, онъ быстро и горячо откликался на все доброе и идейное. Когда въ маѣ 1860 г. въ

Петербургскую академію пришло приглашеніе, --- не желаетъ ли кто изъ оканчивающихъ курсъ немедленно отправиться въ Японію настоятелемъ церкви при русскомъ консульствѣ въ Хакодате и приступить къ проповѣди православія въ этой странѣ,—Иванъ Димитріевичъ, помолившись въ академическомъ храмѣ, быстро принялъ это предложеніе и, въ санѣ іеромонаха, уже въ м. іюлѣ 1860 г. отправился въ далекій путь. Проѣздомъ чрезъ Сибирь, въ г. Николаевскѣ онъ встрѣтился съ знаменитымъ міссіонеромъ Сибири, впослѣдствіи Московскімъ митрополитомъ Иннокентіемъ, отъ которого получилъ духовное подкрепленіе и цѣнныя совѣты на предлежащей подвигъ христіанского просвѣщенія японцевъ. 2 іюня 1861 г. іеромонахъ Николай прибылъ въ г. Хакодате, къ мѣсту своего служенія.

Чтѣ ожидалъ найти здѣсь и что нашелъ молодой и пылкій іеромонахъ Николай?—Но пусть лучше онъ самъ скажетъ намъ объ этомъ. „Когда я ѿхалъ туда,—говорилъ онъ своимъ друзьямъ,—я много мечталъ о своей Японіи. Она рисовалась въ моемъ воображеніи, какъ невѣста, поджидавшая моего прихода съ букетомъ въ рукахъ. Вотъ пронесется въ ея тьмѣ вѣсть о Христѣ и все обновится. Пріѣхалъ, смотрю—моя невѣста спитъ самимъ прозаическимъ образомъ и даже не думаетъ обо мнѣ... Молодъ я былъ тогда и не лишенъ воображенія, которое рисовало мнѣ толпы отовсюду стекающихся слушателей, а затѣмъ и послѣдователей слова Божія—разъ это послѣднее раздастся въ японской странѣ. Какое же было мое разочарованіе, когда я, по прибытіи въ Японію, встрѣтилъ совершенно противоположное тому, о чёмъ мечталъ! Тогдашніе японцы смотрѣли на иностранцевъ, какъ на звѣрей, а на христіанство, какъ на

злодѣйскую секту, къ которой могутъ принадлежать только отъявленные злодѣи и чародѣи”!..

Вотъ съ какими трудностями встрѣтился молодой іеромонахъ Николай!.. И если бы его порывъ къ просвѣщенію японцевъ былъ не глубокій, лишенный корней въ сокровенныхъ нѣдрахъ сердца,—онъ, навѣрное, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, вернулся бы въ Россію, или, въ лучшемъ случаѣ, окаменѣлъ бы при своемъ консульскомъ мѣстѣ. Но, что же мы видимъ?

Молодой монахъ съ поразительной энергіей въ теченіе 8 лѣтъ блестяще изучаетъ господствующія въ Японіи религіи, исторію и литературу японскаго народа, народные обычай... Онъ становится самъ какъ бы японцемъ, по слову Апостола: „для іудеевъ я былъ какъ іудей; для чуждыихъ закона—какъ чуждый закона; для немощныхъ былъ какъ немощный... Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ. Сie же дѣлаю для Евангелія, чтобы быть соучастникомъ его”... И вотъ, съ виду якобы японецъ, молодой іеромонахъ овладѣваетъ душами японцевъ и ведетъ ихъ ко Христу. А во Христѣ уже нѣтъ ни еллина, ни іудея..., но все и во всемъ Христосъ. Это ли не апостольскій подвигъ?!

Не прошло и десяти лѣтъ, какъ не только не вспаханная, но и засоренная враждою къ христіанамъ японская нива стала впитывать живительную влагу православнаго благовѣстія. Уже въ 1869 г., по ходатайству іеромонаха Николая, во вниманіе къ успѣхамъ его миссіи среди японцевъ, учреждается японская миссія, во главѣ съ Николаемъ, возведеннымъ въ санъ архимандрита. Затѣмъ, быстрый ростъ православія среди японцевъ даетъ Св. Синоду основаніе окормлять ихъ духовно полнотою мѣстной іерархіи,

сь каковою цѣлью въ 1880 г. архимандритъ Николай возводится въ санъ епископа Ревельского, а въ 1906 г. за особые миссионерскіе подвиги онъ удостоивается званія архіепископа Японскаго. Такъ японская православная миссія получила и своего японскаго перво-святителя.

Что же оставилъ въ наслѣдіе своимъ преемникамъ архіепископъ Николай? Онъ оставилъ специальную духовную семинарію, много катихизаторскихъ школъ, низшія и среднія, по приходамъ, училища, много мѣстныхъ духовныхъ журналовъ, издаваемыхъ на мѣстные средства, прекрасныя миссіонныя зданія, храмы: въ Нагасаки, Оосакѣ и въ Мацуяме, около могилы русскихъ воиновъ (сооруженъ на средства московской храмоздательницы К. Ф. Колесниковой), — но особенную заслугу его составляетъ сооруженіе въ центрѣ Токіо, японской столицы, на высокомъ Суругадайскомъ холмѣ величественнаго собора Воскресенія Христова, стоявшаго огромныхъ средствъ, — болѣе 300 тыс. руб., — и долгихъ трудовъ, — съ 1884 г. и по 24 февраля 1891 г., — при несочувствіи нашего консула, который нашу японскую миссію считалъ „вредной забавой“!.. Самъ архіепископъ Николай въ восхищеніи своимъ дѣтищемъ писалъ: „Соборъ этотъ будетъ памятенъ, будетъ изучаемъ, подражаемъ многіе, не десятки, а смѣло говорю, — сотни лѣтъ, ибо храмъ, дѣйствительно, замѣчательнѣйшее зданіе въ столицѣ Японіи, — зданіе, о которомъ слава разнеслась по Европѣ и Америкѣ еще прежде его окончанія и которое нынѣ, будучи окончено, по справедливости, вызываетъ вниманіе, любопытство и удивленіе всѣхъ, кто бываетъ въ Токіо“. Не славолюбіе исторгло эти строки изъ подъ пера святителя Николая, а священный восторгъ, какимъ исполнилось, было, и сердце

Соломона, когда онъ увидѣлъ все великолѣпіе построенного имъ храма и вліяніе этого величія даже на „иноплеменниковъ“, — священный восторгъ отъ славы и величія имени, коимъ называется соборъ и коему соотвѣтствовало и величіе собора,—это Воскресеніе Христово!

Но не этимъ только славенъ архіеп. Николай. Съ поразительною трудоспособностью онъ перевелъ на Японскій языкъ книги Св. Писанія и почти всѣ богослужебныя книги, а равно и нѣкоторыя изъ твореній св. отцовъ. Онъ перевелъ на Японскій языкъ и лучшіе учебники для своихъ школъ, самъ преподавая по нимъ и въ семинаріи, и въ катихизаторскихъ школахъ. И за всею этою громадою зданій и труда стоитъ, какъ живой ихъ фундаментъ,—это сорокатысячная паства, рожденная во Христѣ благовѣстіемъ архіепископа Николая!.. И среди этой паства не только рядовые японцы,—ярко выдѣляется первенецъ Православной Церкви въ Японіи бывшій синтоистскій жрецъ Савабе изъ гордаго племени самураевъ, который по фанатизму сперва искалъ убить святителя Николая, но былъ побѣжденъ его духовнымъ величіемъ и принялъ отъ него крещеніе съ именемъ Павла, а затѣмъ въ 1875 г. былъ рукоположенъ во священника.

Такъ святитель Николай съялъ съмѧ Божіе на нивѣ Японской, поливалъ его денно и нощно трудами, слезами и молитвою... И Богъ обильно возрастилъ святое съмѧ во славу Своего Имени въ странѣ языческой тьмы и смерти!..

Замѣчательно, что апостольськіе труды архіепископа Николая оцѣнены не только православными японцами, но и язычниками. Даже послѣдніе и то называютъ архіеп. Николая не иначе, какъ: „Сей-да-си-кео“ (святой архіепископъ), или: „Дай-си-кео Никорай“ (ве-

ликій отецъ Николай). И старъ. и младъ, и христіанинъ, и язычникъ изъ японцевъ встрѣчали архіеп. Николая даже на улицахъ шумнымъ привѣтомъ: „банзай Никорай!“—и даже японская пресса помѣщала его портреты съ сіяніемъ или нимбомъ!..

Отсюда понятна та умилительная картина, которая развернулась предъ гробомъ святителя Николая. На погребеніе прибыли не только православные японцы изъ разныхъ мѣстъ Японіи, не только толпы язычниковъ-японцевъ, но и японская знать, въ лицѣ: маркиза Сайсида, принца Канинъ-Сайондзи-Уцида-Сайто-Іай, министровъ двора и иностранныхъ дѣлъ, представителей разныхъ обществъ и др.—всѣ они возложили вѣнки на гробъ первосвятителя Японской Православной Церкви, а во время самаго отпѣванія былъ возложенъ великолѣпный вѣнокъ отъ Микадо!..

Таково „свидѣтельство отъ вѣнчнихъ“ о святителѣ Николаѣ!..

И невольно какъ-бы созерцаешь картину изъ первыхъ вѣковъ христіанства, на фонѣ которой центральной фигурой стоитъ престарѣлый старецъ Николай и говоритъ: „старцы, иже въ васъ, молю, яко старецъ сый,— пасите еже въ васъ стадо Божie, поспѣщающе не нужден, но волею, и по Бозѣ: ниже неправедными прибытки, но усердно: ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду. И явльшуся Пастыреначальнику, прійметe неувядаемый славы вѣнецъ!..

Такимъ вѣнцомъ Христосъ уже предназначалъ вѣнчаніе архіеп. Николая здѣсь на землѣ!.. Не только Японія, но не менѣе и даже болѣе почтила доброго пастыря церкви Японской и Россія.

Еще при жизни архіеп. Николая Русскій Царь въ Высочайшемъ рескриптѣ на его имя отъ 9 октября 1905 г. заявилъ: „Вы явили предъ всѣми, что Право-

славная Церковь Христова чуждая мірского владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлетъ любовию всѣ племена и всѣ языки. Въ тяжкое же время войны вы, по завѣту Христову, не оставили вѣреннаго вамъ стада, и благодать любви и вѣры дала вамъ силу выдержать огненное испытаніе браны, и посреди вражды бранной удержать миръ вѣры и молитвы въ созданной вашиими трудами Церкви". И снова въ рескрипѣ 6 мая 1908 г. Русскій Монархъ оповѣстилъ: „достойное святительское служеніе ваше, выполненное горячей ревности о славѣ Церкви Православной и неутомимыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ трудовъ по озаренію свѣтомъ Христова Евангелія жителей страны Японской, являетъ собою высоконазидательный примѣръ апостольского подвига".

И вслѣдъ за монархомъ многомилліонная Православная Русь воздала должное святителю Николаю, упрочивъ за нимъ званіе Свѣтоcha и Апостола Православія въ „странѣ восходящаго солнца". И это тѣмъ душевнѣе воздала Россія въ Бозѣ почившему іерарху, что онъ до конца дней своихъ остался съ русскимъ сердцемъ, съ пламенной любовью къ Россіи: онъ радовался ея радостями и скорбѣль ея печалями. Вспомнимъ только, какой любовью онъ окружилъ русскихъ плѣнниковъ въ Японіи,—какъ онъ отъ скорби за войну съ Россіей прекратилъ на время войны богослуженія въ православныхъ храмахъ, дабы, по установившемуся чиноположенію, не молиться о дарованіи побѣды микадо надъ врагами,—въ данномъ случаѣ надъ Россіей!.. Это удивительное умѣнье „выдержать огненное испытаніе браны", оставаться вѣрнымъ любви къ родинѣ и завѣтамъ Христа, сохранить „посреди вражды бранной" свою японскую православную паству,—въ высшей степени ярко отмѣчено было въ приведенномъ нами Высочайшемъ рескрипѣ отъ 9 окт. 1905 г.!.

Предъ духовнымъ величіемъ почившаго Апостола православія склонилось и у насъ, какъ въ Японіи, все! Едва ли не впервые у насъ и враждебная православію пресса заговорила языкомъ доброй совѣсти. Даже раскольническое „Утро Россіи“ (№ 33) и то оповѣстило:

„Умеръ достойный пастырь, апостолъ христіанства въ Японіи, православный архіепископъ Николай. Всю жизнь свою, свыше 50 лѣтъ, посвятилъ онъ своеї, имъ же самимъ вызванной къ духовной жизни японской паствѣ. Одинъ, вооруженный лишь духовнымъ оружіемъ, силой побѣдоноснаго слова, насаждалъ еп. Николай православіе въ чуждой, враждебно настроенной ко всему иноземному странѣ. Онъ явился въ Японію полвѣка тому назадъ, когда въ глазахъ японцевъ христіанство было дискредитировано міссіонерами-іезуитами, вмѣшивавшимися въ политическую жизнь страны, когда на малочисленныхъ христіанъ смотрѣли какъ на зловредную секту, когда правительство, возстановленное іезуитскими интригами противъ христіанского ученія, издало указъ, что если „даже Самъ Богъ христіанскій явится въ Японію, то и Ему голову долой“.

И вотъ живымъ контрастомъ представителямъ воинствующей римской церкви явился въ Японію молодой православный монахъ Николай. Св. Синодъ послалъ его настоятелемъ посольской церкви въ Хакодате и поручилъ ему проповѣдь православія въ языческой странѣ. Іеромонаха Николая предоставили самому себѣ, забыли его. И вотъ, отдѣленный десяткомъ тысячъ верстъ отъ недреманного ока церковной бюрократіи, вдали отъ вліяній и воздѣйствій, этотъ юный, горящій душою монахъ совершилъ апостольское дѣло. Этотъ пастырь прибылъ въ Японію безъ

пасты, онъ самъ создалъ ее. Окруженный всеобщимъ недовѣріемъ, враждой, онъ побѣждалъ окружающихъ неодолимыми свойствами великодушія и чисто-евангельской любви. И къ концу его замѣчательной жизни этотъ православный епископъ *in partibus infidelium* могъ въ сознаніи не даромъ прожитыхъ лѣтъ взирать на десятки тысячъ своихъ духовныхъ дѣтей, любовно сплотившихся вокругъ него подъ сѣнью миротворнаго, чистаго ученія".

Но, къ прискорбію, если въ Японской семье на этотъ разъ не нашлось „урода“, то такой оказался у насъ, въ Россіи,—и знаменательно,—изъ лидеровъ пресловутаго или „зоологического націонализма“. Я разумѣю фельетоннаго эксцентрика изъ „Нового Времени“ М. Меньшикова.

Въ пошленькой статьѣ: „Потеря силъ“ („Нов. Вр.“ 11 февр.) г. Меньшиковъ, съ остротою „Митрофана-Иголки“, хотя и признаетъ миссію архіеп. Николая въ Японіи „подвигомъ“ и не оспариваетъ его личной „святости“, но упрекаетъ его: „зачѣмъ онъ бросилъ свою бѣдную родину? зачѣмъ отдалъ себя чужой странѣ?“—У насъ де, пишетъ М. Меньшиковъ, есть „свои язычники, еще мусульмане, евреи“ и пр. И вотъ ихъ то и долженъ былъ просвѣщать архіеп. Николай,—а его отъездъ на проповѣдь въ Японію является де „нравственной измѣной отечеству“?! И вообще г. Меньшиковъ совѣтуетъ прекратить внѣшнюю миссію, какъ вредную ошибку Русской Церкви.

Вся эта тирада до того нелѣпа, до того невѣжественна, что хочется видѣть подъ нею подпись „Кузьмы Распрогорькаго“ изъ Буренинского: „Бедламъ—Модерна“, а не „Ново-Временскаго“ корифея!..

Въ самомъ дѣлѣ, г. Меньшиковъ считаетъ „нраволосъ церкви.

ственной измѣнѣй Россіи" отъѣздѣ почившаго архипастыря Николая на христіанское просвѣщеніе Японіи, такъ какъ де и у насъ много нехристіанъ!.. Но тогда и Христосъ долженъ былъ оставаться въ Назаретѣ, гдѣ были едва-ли не всѣ нехристіанами?!. Тогда Онъ не имѣлъ права, не измѣня Своей родинѣ и Своему народу, давать заповѣдь: „идите, научите всѣ народы?!.“ Тогда и Апостолы, всѣ изъ іудеевъ, не имѣли права просвѣщать язычниковъ и притомъ въ краяхъ дальнихъ, а не только у себя на родинѣ, такъ какъ еврейскія народныя массы и стоящія во главѣ ихъ лица пребывали въ невѣріи во Христа?!. И значитъ—напрасно Христосъ сказалъ Ап. Павлу: „я пошлю тебя далеко къ язычникамъ“,—когда въ таковыхъ не было недостатка даже въ одномъ только Іерусалимѣ?!.

И не кощунствуетъ ли г. Меньшиковъ, своею нелѣпою корректурою исправляя дѣйствія и велѣнія Христа и Апостоловъ?!

Ну, а что если бы Греки около 1000 лѣтъ назадъ разсудили по—Меньшиковски,— было бы крещеніе Россіи, была бы оглашена евангеліемъ св. Ольга, особо чтимая самимъ г. Меньшиковымъ?!. И, наконецъ, развѣ не Господь указуетъ пути Своимъ рабамъ?!. Надо быть самому невѣромъ, чтобы разсуждать по—Меньшиковски, ставя теченіе своей жизни въ исключительную зависимость отъ себя!.. А если мы признаемъ Промыслъ Божій въ жизни человѣка, то какъ-же мы можемъ развязно упрекать такого Архипастыря, самыя дѣла котораго и кончина ярко засвидѣтельствовали даже предъ язычниками, что онъ былъ Божій?!

И что это за Ахитофель Русской Церкви, совѣтующій ей прекратить внѣшнюю миссію, какъ вредную—де ошибку!.. Для кого?—для Церкви!.. Но ей Христосъ

велълъ итти „по всему міру“ и проповѣдывать Евангеліе „всей твари!“ Для Русскаго Государства?—Но развѣ для Россіи не принесетъ огромной государственной пользы развитіе въ Японіи православія?!.. Почему-же всѣ государства и даже атеистическая Франція такъ усиленно насаждаютъ въ другихъ странахъ каждое свою внѣшнюю миссію?!. Или для Россіи лучше видѣть, напримѣръ, Балканскія государства во власти католичества или протестантства?!. Или Россія должна быть только рабою и открывать двери иностранцамъ, а сама не смѣеть расчитывать на открытие иностраннѣхъ дверей предъ ея сынами, предъ ея духовной мощью и величіемъ?!. Развѣ честь, возданная Японіей архіеп. Николаю, не возносить горѣ Россію и не смыкаетъ позора Цусимы и Портъ-Артура?!. Все это такъ ясно, что совершенно устраняетъ мысль о невольномъ заблужденіи г. Меньшикова. Нѣтъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сознательной мутью. Какъ лидеръ „зоологическаго націонализма,“ отринувшаго, по камертону П. Столыпина, православіе въ качествѣ краеугольного камня Русской Земли, г. Меньшиковъ видитъ въ архіеп. Николаѣ только *русскаго* человѣка, но не *православнаго* прежде всего. Ну, а русскій-де и долженъ работать только въ Россіи!.. Таковъ девизъ современнаго „націонализма,“ чуждаго подлинной русской національности, которая всегда ярко горѣла прежде всего своею вѣрою и свѣтъ этой вѣры несла въ края дальниe. И пусть себѣ „Ново-Временскій“ Ахітофель, „лукаво мудрствуєть,“—онъ чуждъ Святой Руси!..

Однако, мы вправѣ требовать отъ г. Меньшикова, по крайней мѣрѣ, *фактической* правды, если не идейной!.. А между тѣмъ онъ, вопреки фактамъ, винитъ архіеп. Николая въ „грѣхѣ противъ родной матери—Россіи“ (къ которой, кстати сказать, сыновнія чувства

у самого г. Меньшикова такъ измѣнчивы, такъ случайны!..), потому что де архіеп. Николай якобы „богословлялъ православныхъ Японцевъ на войну съ Россіей!.“. Заявляемъ, что это возмутительная неправда!.. Высочайшій рескриптъ на имя архіеп. Николая, отъ 9 окт. 1905 г., предъ лицомъ всего міра засвидѣтельствовалъ, что Православный Русскій Архипастырь въ Японіи „въ тяжкое время войны“ исполнилъ „завѣтъ Христовъ“, что онъ выдержалъ „огненное испытаніе брани“... А въ рескриптѣ 6 мая 1908 г. Русскій Монархъ назвалъ служеніе Своего вѣрноподданнаго Архипастыря Николая въ Японіи „апостольскимъ подвигомъ!..“

И неужели новоявленный у насъ „націонализмъ“ не нашелъ для себя болѣе благодарной роли, какъ устами своего лидера г. Меньшикова возложить хулу на достойнаго архипастыря Православной Церкви и вмѣсто послѣдняго цѣлованія бросить въ его гробъ комъ грязи!?. Неужели любовь къ матери-родинѣ у г. Меньшикова проявляется въ рѣзкомъ расхожденіи съ Державною Волею Хозяина Русской Земли, такъ любовно почтившаго архіепископа Японскаго Николая!..

Чистый нечистымъ не осквернится!.. Спи-же, Свѣточъ Православной Русской Церкви архіепископъ Японскій Николай въ нѣдрахъ Японской земли безмятежно... Да будетъ тебѣ легка Японская земля... Не забудетъ тебя Святая Русь!.. Она съ тобой душой и тѣломъ!.. Ты былъ и есть ея родной сынъ, вѣрный; а она по гробъ твоя родная Мать!..

И. Айвазовъ.

Л.М.

Высокопреосвященный Николай, Архієпископъ Японскій.

этихъ мрачныхъ кварталахъ столицы. Дѣрь Пьюзей способствовалъ учрежденію религіозныхъ общинъ сестеръ милосердія или собственно монастырей съ благотворительною задачею. Мысль, которая тоже встрѣчена была весьма недоброжелательно, но затѣмъ вполнѣ привилась. Въ позднѣйшее время за этими благотворительными монастырями послѣдовало основаніе созерцательныхъ женскихъ и мужского монастырей. Вся эта практическая духовная дѣятельность сопровождалась внѣдреніемъ въ умы и сердца вѣрующихъ болѣе глубокихъ понятій о таинствахъ евхаристіи, священства и покаянія, при которомъ возстановляется теперь обычай личной тайной исповѣди.

Воззрѣнія участниковъ Оксфордскаго движенія на церковь, какъ божественный, изъ вѣка въ вѣкъ непрерывно живущій своею жизнью и вселенскій организмъ, не допускали примиренія съ фактомъ существованія англиканской церкви лишь какъ государственного установленія. Эти воззрѣнія требовали учрежденій церковныхъ, отдѣльныхъ отъ государственныхъ учрежденій, для завѣданія церковными дѣлами. Они не остались безъ вліянія на жизнь англиканской церкви. Съ 1852 года стали собираться послѣ перерыва въ 135 лѣтъ съѣзды епископовъ и представителей духовенства въ обѣихъ архиепископіяхъ Англіи, Кентербери и Йоркѣ, называемые Convocation. Имѣлись въ виду и собранія свѣтскихъ представителей. Постановленія этихъ собраній не имѣютъ, однако, юридической силы; но эти собранія придаютъ къ мысли, что у церкви имѣется *свой собственный голосъ и свое мнѣніе*.— Въ поддержку правъ интересовъ церкви основано было въ 1859 году *Church Union*, названное вскорѣ послѣ того the English Church Union. Оно сосредоточило въ себѣ силы той

части англиканства, которая придерживается убеждений Оксфордского движения. The English Church Union взяло на себя ведение и защиту дела, касающихся церкви, въ пониманіи ихъ по началамъ оксфордского движения, предъ церковными и государственными законодательными и судебными учрежденіями, а равно и проведеніе реформъ *въ духѣ названныхъ началъ.*

Предложенный очеркъ имѣеть цѣлью показать, какъ возникло въ нѣдрахъ англиканской церкви движение къ очищенію ея отъ воспринятой ею протестантской примѣси и къ возстановленію въ ней вселенского преданія Христовой Церкви. Естественно было для инициаторовъ Оксфордского движения искать сближенія съ церковью римскою, какъ историческимъ звеномъ между англиканской и Вселенской Апостольской Церковью. Люди 30-хъ и 40-хъ годовъ полагали, что ультрамонтанская окраска римской церкви не есть ея существенная принадлежность и что она способна освободиться отъ наросшихъ на ней не соответствующихъ древнему церковному преданію придатковъ. Нѣкоторые видные представители Оксфордского движения, встрѣчая съ другой стороны ожесточенный отпоръ протестантствующей, преобладавшей въ то время, части англиканского церковнаго общества, сочли для себя возможнымъ присоединиться окончательно къ римской церкви. Дальнѣйшее развитие послѣдней не отвѣтило, какъ мы знаемъ, взглядамъ, которые могли еще существовать въ первой половинѣ XIX вѣка, но которые опровергнуты въ особенности провозглашеніемъ догмата непогрѣшимости папы. Стремленію къ Риму эти обстоятельства поставили трудно преодолимыя препятствія.

Вѣрная хранительница вселенского церковнаго пре-

данія Православная Церковь не могла въ свою очередь не привлечь взоровъ участниковъ движенія. Въ 40-хъ годахъ мы видимъ уже возникновеніе замѣчательной переписки Пальмера съ А. С. Хомяковымъ. На нашихъ глазахъ происходитъ теперь одно изъ многихъ проявлений этого сочувствія представителей англиканства къ нашей церкви.

Въ задачу статьи не входитъ разборъ того, какъ ставится вопросъ о пониманіи отдѣльныхъ догматовъ по вѣроученію англиканъ сравнительно съ ученіемъ Православной Церкви, но признаннымъ началомъ въ англиканской церкви мы видимъ теперь то, что *Православная Церковь содержитъ истинное апостольское преданіе*. Соответственно этому признанію соборъ англиканскихъ епископовъ, такъ называемая Ламбефская конференція 1907 года, постановилъ, что члены Православной Церкви допускаются, если они того пожелаютъ, къ таинствамъ англиканской церкви безъ присоединенія ихъ къ послѣдней.

Въ толкованіи собственного своего вѣроученія представители англиканской церкви не пришли еще, однако, и въ наши дни къ единообразію. Въ предшествующемъ изложеніи указано было, какъ рѣзко сталкивались мнѣнія сторонниковъ разныхъ теченій въ нѣдрахъ той же церкви. Со времени Оксфордскаго движенія церковные взгляды, въ противоположность протестантствующимъ рационалистическимъ и исключительно моралистическимъ, заняли признанное и вліятельное мѣсто въ религіозной жизни Англіи. Но нельзя сказать, чтобы они успѣли объединить всю англиканскую церковь. Значительная часть ея держится протестантскихъ воззрѣній и англиканская церковь одинаково обнимаетъ и признаетъ своими приверженцевъ противоположныхъ воззрѣній. Въ этомъ

нельзя не признать непреодолимаго пока препятствія къ соединенію англиканской церкви съ православною. Святое дѣло это въ рукахъ Божіихъ, но не безотвѣтственны въ немъ и люди, какъ члены англиканской церкви, такъ и мы, которые облечены не только великою честію, но и великою отвѣтственностію принадлежности къ Православной Церкви.

П. Мансуровъ.

ОТДЕЛЪ ВТОРОЙ.

Къ трехсотлѣтію страдальческой кончины всероссійскаго патріарха Гермогена.

Всероссійскій патріархъ Гермогенъ.

Триста лѣтъ тому назадъ въ центрѣ сердца Русской Земли, въ подземельи Кремлевскаго Чудова монастыря въ Москвѣ, страдальчески опочилъ святѣйшій патріархъ всея Россіи Гермогенъ.

Кто не знаетъ того „лихолѣтья“, которое пережила Россія въ началѣ XVII столѣтія и на фонѣ котораго ярко и навѣки неизгладимо обрисовался „крѣпкій адамантъ“, святѣйшій патріархъ Гермогенъ?!. Кто не знаетъ всѣхъ перипетій великаго московскаго смутнаго времени, когда на безгосударыи Русь, подобно огромному кораблю безъ руля и вѣтрилъ, обуревалась волнами разбушевавшихся политическихъ страстей, когда на нее, какъ на тонущій корабль, ринулись, точно со дна океана, въ поискахъ добычи, разные хищники?!. Борьба за власть *внутри*: хищные бояре и князья, продажная, вѣчно мятущаяся и измѣнчивая

чернь!.. Борьба за власть извнѣ: коварные поляки съ Сигизмундомъ III-мъ, іезуиты съ „католицкой правдой“ и ея исчадьяемъ—самозванцами, измѣнниками—боярами и князьями, тушинской голытьбой!..

Казалось, что дни Россіи сочтены!.. Казалось, что Иванъ Великій на то и возсѣлъ въ эти дни въ сердцѣ Русской Земли, чтобы на всю Русь ударить по ней похоронный звонъ!..

Уже не одна боярская рука и не одинъ князь рубили корни родной Русской Земли!.. Весь Сенатъ склонился предъ волею самозванца I-го, всѣ сенаторы отдавали ему на расхищеніе и поношеніе святую вѣру православную... И вдругъ, среди гробовой тишины раздалось въ Сенатѣ полное огненной силы слово, тогда еще митрополита Казанскаго, Гермогена: „**непристойно православно-христіанскому царю жениться на некрещенной, вводить ее во святую церковь и строить римскіе костелы!**!.. Ни „прещеніе смертное“, ни „жестокія словеса“, ни „посулы и льстивыя рѣчи“ самозванца не сломили митрополита Гермогена... и онъ „отбылъ“ въ заточеніе!

Но вотъ самозванецъ убитъ. Воцарился „полу-царь“ Василій Шуйскій, слабый и двуличный. Все же онъ былъ царемъ законнымъ, щадилъ корень Русской Земли—св. вѣру православную. Почему Гермогенъ, ставшій уже патріархомъ, явился первымъ защитникомъ Василія Шуйскаго отъ боярской крамолы и измѣнниковъ Руси. Польша и Римъ также не дремали. Сигизмундъ добивался русской короны и порабощенія Россіи, а римскій папа мечталъ закабалить Россію „католицкой правдѣ“!.. Совмѣстными усилиями Польши и Рима появился на бунтарской сценѣ въ Россіи новый самозванецъ, извѣстный Тушинскій воръ. Поляки чрезъ гетмана Жолкевскаго мучили москвичей „уни-

версалами“,—прокламаціями противъ Василія Шуйскаго, обѣщали разные посулы русскимъ боярамъ и князьямъ... Настало на Руси время „перелетовъ“, кои бѣгали то къ тушинскому вору, то снова къ царю Василію... Все опять помутилось!..

И вотъ, среди этой смуты снова раздался громовой голосъ патріарха Гермогена: „**не бойся, малое стадо, яко благоизволилъ Отецъ Небесный дать намъ царство...** Если велики волны и грозна буря, не бойся гибели, ибо на камнѣ вѣры и правды стоимъ. Пусть пѣнится и бѣснуется море, оно не можетъ потопить корабля Иисусова!..“

И о Гермогена, какъ о скалу, разбивались волны тушинской крамолы!..

Однако, за ними хлынули на Русь уже подлинные польскіе валы!.. Русскіе измѣнники рѣшили сдать русскій престолъ польскому королевичу Владиславу. Гермогенъ, безсильный отстоять Василія Шуйскаго, указалъ на одного боярина Михаила Феодоровича Романова, какъ на вѣтвь дома Рюриковичей. А ему измѣнники бояре и князья въ отвѣтъ: „**твое дѣло, святѣйшій отче, смотрѣть за церковными дѣлами, а вѣмирскія дѣла тебѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться!**..“

Но „святѣйшій отче“ Гермогене, горя ревностью по вѣрѣ православной, отринулъ змѣиный совѣтъ крамольныхъ бояръ и настоялъ обязать Владислава, чтобы *не сносился онъ съ папою, не приводилъ съ собою ксендзовъ, не строилъ на Руси костеловъ, не раздавалъ государственныхъ должностей полякамъ и женился на русской православной*. Напутствуя пословъ къ польскому королю и королевичу, патріархъ Гермогенъ заповѣдалъ имъ „**стояти за православную христіансскую вѣру непоколебимо**“ и клятвою связалъ ихъ „**не измѣнять русскому дѣлу и ни на какія льстивыя слова не прельщаться**“...

Сигизмундъ же до прихода пословъ, полагая, что дальше скрывать свои планы нечего,—чрезъ своихъ приспѣшниковъ заявилъ притязаніе самъ занять рускій престолъ! Его наемникъ Федоръ Андроновъ уже началъ отсылать ему короны и державы Русскихъ царей... По тому же пути пошла и правящая Русь. Остался опять одинъ патріархъ Гермогенъ. И вотъ главарь русскихъ измѣнниковъ Михаилъ Салтыковъ пошелъ къ патріарху Гермогену съ коварною рѣчью, чтобы „разрѣшилъ народу крестъ цѣловати самому королю Сигизмунду“. Потерпѣвъ неудачу, онъ снова уже съ членами боярской думы приходитъ къ патріарху Гермогену и властно требуетъ отъ него того же. Однако, патріархъ Гермогенъ съ проклятіемъ отказалъ боярамъ въ предательствѣ Россіи и православія полякамъ и „католицкой правдѣ!..“ Салтыковъ вѣвъ себя отъ злобы бросился съ ножомъ на патріарха Гермогена, но безсильно отступилъ, когда Гермогенъ, творя крестное знаменіе, возгласилъ: „*крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа. Будь ты проклятъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ...*“

Смута росла... Гермогенъ разсыпалъ по Руси грамоты стоять за Вѣру Православную и за Россію!.. Наконецъ, поднялась подлинная Святая Русь и потекла къ Москвѣ на защиту своихъ святынь и Родины!.. Снова Салтыковъ у Гермогена,—снова угрожающе требуетъ отъ него приказа русскимъ ратямъ разойтись!.. Но снова въ отвѣтъ ему несется изъ устъ Гермогена: „*благословляю всѣхъ довести начатое дѣло до конца, ибо вижу попраніе истинной вѣры отъ еретиковъ и отъ васъ измѣнниковъ и разореніе святыхъ Божіихъ церквей, и не могу слышать пѣнія латинскаго въ Москвѣ!..*“

Послѣ такихъ словъ п. Гермогенъ былъ взятъ подъ особую стражу и сидѣлъ, „какъ птица въ заклепѣ“.

СВЯТЪЙШІЙ ГЕРМОГЕНЪ,
ПАТРІАРХЪ ВСЕЯ РОССІИ.

1612 ^{+17-ое} Февраля 1912.

Но когда къ Москвѣ подошли главныя силы народнаго ополченія, то русскіе измѣнники и поляки, снова грозя п. Гермогену смертью, потребовали отъ него приказа народу отойти прочь.— „Что вы мнѣ грозите? Боюсь Единаго, Живущаго на небесахъ”,—отвѣчалъ п. Гермогенъ. И за это его самочинно низложили съ патріаршай каѳедры и бросили въ подземелье Чудова монастыря, куда ему „меташа въ недѣлю снопъ овса и мало воды”!.. Отсюда изъ подземелья Гермогенъ еще разъ успѣлъ послать вѣрнымъ русскимъ людямъ свою предсмертную грамоту, въ которой, между прочимъ, писалъ: „всѣмъ вамъ отъ меня благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. Стойте за вѣру неподвижно, а я за васъ Бога молю”!.. Эта грамота повсюду подняла народъ на защиту Вѣры и Родины. Святая Русь воспрянула и смыла позоръ порабощенія Россіи и поношенія Вѣры Православной съ лица Русской Земли!.. Святитель не дожилъ до этого торжества, но,—изъ полной отчаянія послѣдней угрозы ему враговъ Россіи, чтобы онъ проклятіемъ остановилъ побѣдное шествіе Пожарскаго, Минина и ихъ соратниковъ на освобожденіе Москвы,—онъ уже провидѣлъ спасеніе Россіи и снова, собравъ остатокъ физическихъ силъ, произнесъ: „да будетъ надъ тѣми, кто идетъ на очищеніе Московскаго государства, милость отъ Господа Бога, а отъ нашего смиренія благословеніе; а на окаянныхъ измѣнниковъ да излечится гнѣвъ отъ Бога, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ”!..

Такъ кончилъ патріархъ Гермогенъ свой отвѣтъ измѣнникамъ и врагамъ Россіи, а съ тѣмъ насильственно пресѣкли и его жизнъ!..

И вотъ мы, спустя 300 лѣтъ, стоимъ у гроба „неголосъ церкви.

сокрушимаго столпа Церкви и Отечества, противъ враговъ крѣпкаго и неподвижнаго стоятеля, сильнаго поборника по православной, истинно-христіанской вѣрѣ, новаго ея исповѣдника!.. Стоимъ и видимъ: вотъ ко гробу спасителя Русской Земли, пророчески предуказавшаго ей и нынѣ Царствующій Домъ, сошлись: и люди духовные, и, по старой рѣчи, люди „служилые“, наслѣдники „бояръ, дворянъ и дворянскихъ дѣтей“, и люди „тягловые“—земскіе, посадскіе и крестьяне, и люди „ратные“ и военные!.. Всѣ они чествуютъ Великаго Святителя, жизнь Свою положившаго за Вѣру Святую Православную, за Царя Русскаго Православнаго и за Русскій Народъ,—за Святую Русь!.. Всюду толки идутъ о памятникѣ святителю Гермогену на Красной площади... Говорятъ о прославленіи Святителя не однимъ только пѣнiemъ ему хвалы, и не рукотвореннымъ только памятникомъ, а открытиемъ міру и Святой Руси его цѣлебныхъ и нетлѣнныхъ мощей,—этого Божьяго и нерукотвореннаго памятника, искони вѣдомаго и дорогого сердцамъ православныхъ русскихъ людей!..

Слышишь всѣ эти рѣчи и душа радуется. Но только тамъ, гдѣ-то внутри, въ тайникахъ сердечныхъ помышленій, настойчиво копошится вопросъ: „ну, а главное чествованіе страдальца за Вѣру и Родину налицо?—Блюдетъ-ли Русь завѣты патріарха Гермогена,—въ которыхъ, вѣдь, его душа и вѣ которыхъ нѣть Гермогена“?!..

И невольно бѣглымъ взоромъ скользишь по лицу Русской Земли. И съ ужасомъ видишь, что нарушены въ ней всѣ завѣты святителя Гермогена!.. Русь „сносится съ папою, понаводила ксендзовъ, понастроила костелы, огласила Москву латинскимъ пѣнiemъ, раздала государственныя должности полякамъ,

разрѣшила браки на католикахъ“... И, о если-бы только это!.. Но горе нынѣ несравненно горьшее, чѣмъ представлялъ себѣ его святитель Гермогенъ!.. Несчетное число и теперь у насъ „сенаторовъ“, кои по духу сродни сенаторамъ Самозванца I-го!.. Несчетное число у насъ и теперь повсюду, во всѣхъ сословіяхъ и на всѣхъ ступеняхъ общественной и государственной лѣстницы, своего рода Салтыковыхъ, Мстиславскихъ, Андроновыхъ и Молчановыхъ, коихъ надо бы „выбить безчестнѣ“ изъ нѣдръ Церкви и Россіи, но кои вольготно губятъ Русскую Землю и Святую Православную Вѣру!.. Не о „костелахъ“ уже только они радѣютъ, а о капищахъ, и не о „католицкой правдѣ“ только, а и объ языческой мерзости!.. А Святая Православная Церковь, въ рушищѣ и лохмотьяхъ, бичуемая, истязуемая и поносимая, отдана ими на расхищеніе и посмѣяніе разновѣрной и разноплеменной толпы „неприкосновенныхъ!“... Ее одну связали, обезглавили... Ее одну лишили духовнаго вождя, „патріарха - человѣка начальнаго“, властью котораго святитель Гермогенъ стеръ крамолу съ лица Русской Земли и отстоялъ Святую Вѣру Православную!.. Всѣмъ дали свободу всего, а наиpace разоренія Святой Церкви Православной!.. Всѣхъ освободили отъ всего!.. А православную Церковь закабалили всѣмъ и всему!.. Всѣхъ взлѣляли милостями, государственной казной и привилегіями!.. А отъ Православной Церкви отбираютъ и послѣднія наслѣдственные крохи!..

А сколько у насъ теперь доморощенныхъ Жолкевскихъ, что своими крамольными „универсалами“ мутятъ народъ на измѣну Царю, подбиваютъ чернь послулами, а современныхъ „бояръ, дворянъ, да боярскихъ дѣтей“ прельщаютъ властью и почестями?!.. Тушинцы и „перелеты“ нынѣ на каждомъ

шагу и всѣ они въ чести, за „лучшихъ людей“ почитаются!..

И развѣ русскій народъ не сданъ нынѣ въ кабалу инородцамъ и разнымъ пришельцамъ?! Развѣ и нынѣ мало у насъ знатныхъ людей и князей, что, по первому зову кагала, пойдутъ внаимы къ жидамъ пить русскую кровь, или экспертировать за жидовъ-изувѣровъ на тяжбѣ судебнай?!

Развѣ и теперь отъ зѣло знатныхъ людей православный пастырь—борецъ за Вѣру, за Царя, за Русь не слышить: „твое дѣло, святѣйшій отче, смотрѣть за церковными дѣлами, а въ мірскія дѣла тебѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться“, — развѣ только въ защиту современныхъ „самозванцевъ“ и крамольныхъ „властителей!“...

И когда посмотришь на эту ужасную картину попранія завѣтовъ патріарха Гермогена,—невольно воскликнешь: Русь, какого чествуешь ты Гермогена—*подлиннаго*, или тобою измышеннаго?!. Если *подлиннаго*, то исполни прежде завѣты Его и тогда принеси даръ свой къ гробницѣ Его,—даръ всероссійской молитвы, любви и памяти!.. А если ты нарушила завѣты Святителя, то отойди отъ его могилы, не нарушай Его гробового покоя, ибо силенъ Онъ и изъ гроба воскликнуть: „на окаянныхъ измѣнниковъ да изліется гнѣвъ отъ Бога, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!“ .. Ты же, хотя бы и малое стадо вѣрныхъ завѣтамъ Святителя сыновъ Святой Руси, „не бойся, яко благоизволилъ Отецъ Небесный дати намъ царство... Если велики волны и грозна буря, не бойся гибели, ибо на камнѣ вѣры и правды стоимъ. Пусть пѣнится и бѣснуется море, оно не можетъ потопить корабля Іисусова!“...

Не разбивай-же, Святая Русь, скрижалей *своей* Вѣры и *своей* Правды!.. Правда, ты духовно осиротѣла!.. Ты лишена своего духовнаго вождя, „**патріарх-человѣка начальнаго**“, — но молись и храни завѣты патріарха Гермогена... Милостивъ Богъ, и любвеобиленъ Божій Помазанникъ—Державный Печальникъ Русской Земли: по вѣрѣ твоей ты получишь просимое и настанетъ день, когда ты прійдешь къ гробницѣ Всероссійскаго Патріарха Гермогена, возглavlennая Всероссійскимъ Патріархомъ!.. И съ дерзновеніемъ веліимъ воздашь ты Гермогену и славу велію!.. Буди... Буди...

И. Айвазовъ.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

ВЪ ЧЕСТЬ И ПАМЯТЬ СВЯТЪЙШАГО ПАТРІАРХА ГЕРМОГЕНА.

Нынѣ, въ 17-ый день февраля исполняется 300 лѣтъ со дня блаженной кончины великаго мужа Русской Земли, Святѣйшаго Патріарха и священномуученика Гермогена.

Это былъ мужъ великой вѣры и праведности, мужъ глубокой любви къ своей родинѣ и православному народу.

Въ тѣ дни, когда на Русь святую надвинулось время злого лихолѣтья, когда ея царственный тронъ расхищали самозванцы и къ шапкѣ Мономаха простирали дерзостныя руки властелины католической Польши, когда большая часть Московскаго боярства уже продавала Россію, забывъ исконные завѣты и древніе устои родной земли, а народъ, потерявъ голову отъ междоусобій и безвластія въ центрѣ правленія, метался и глухо волновался, не зная, что ему дѣлать и что предпринять,—въ эти дни зловѣщей смуты Господь благословилъ стать у верховнаго церковнаго кормила,—бывшему нѣкогда смиреннымъ іереемъ Николо-Гостинно-Дворской церкви г. Казани, а впослѣдствіи Святителемъ Казанскія митрополіи,—великому печальнику Русской земли, Святѣйшему Патріарху Гермогену. И сей дивный мужъ, силеннѣйший и кроткій въ монашескомъ уединеніи,

сталъ силой Божьей дерзновененъ и могучъ въ минуты горя и волненій. Онъ сталъ спасителемъ страны и вѣры въ годину тяжкихъ золъ и лютыхъ испытаній.

Какъ служитель Единаго Бога и Церкви Святой, онъ, чуждый интригъ за власть, могущество и почетъ, мощно всталъ непоколебимымъ борцомъ за цѣлость и господство православной вѣры, охраненіе которой чрезъ высшій санъ Епископа и Патріарха ему ввѣрилъ Творецъ; всталъ борцомъ за всю Русь Христову, за весь ея православный богоносный народъ, уже предназначенный во власть схизматика короля, его своимъравныхъ фанатиковъ пановъ и измѣнниковъ московскихъ бояръ.

Твердо зазвучалъ голосъ верховнаго пастыря Русской Церкви съ амвона Московскаго Успенскаго собора въ грамотахъ по Руси, въ рѣчахъ противъ крамольныхъ бояръ, — и дерзновенное святительское слово разнеслось по всей необъятной шири Русской земли. Пронеслось оно по большимъ городамъ и всѣмъ населеннымъ мѣстамъ, проникло въ глушь селъ, деревень и погостовъ, заглянуло и туда, где вдали отъ мѣрской суеты, въ молитвенномъ уединеніи, служа Богу, день и ночь, теплились, какъ лампады предъ Богомъ, свѣточи родной земли, ходатаи за царей и народъ, подвижники спасенія.

И всколыхнуло это могучее пастырское слово, — слово вѣры, дерзновенія и любви, — Русскую землю. Переходя изъ устъ въ уста, изъ семьи въ семью, изъ монастыря въ келью отшельника пустыни, оно спускалось въ нѣдра сердецъ человѣческихъ, зажигало сердца пламенемъ огненной молитвы къ Богу и волновало жаждой спасенія родной страны отъ хищной пасти злобныхъ иновѣрныхъ враговъ, отъ измѣны

коварныхъ, продажныхъ бояръ. Тысячи рукъ поднимались къ небу, молитвенный вопль изъ глубины народныхъ сердецъ несся въ надзвѣздную высь къ Престолу Всеизъшняго Бога. Люди Святой Руси соединялись въ молитвѣ, народная душа изливалась въ слезахъ покаянія и ими орошала многострадальную землю.

Если двухъ или трехъ собравшихся во имя Божіе слышитъ Милосердый Творецъ,— могъ-ли Онъ не услышать покаянныхъ стенаній сердца Русской земли, моленій ея смиренного православнаго люда?!

Вѣра народа оправдала его упованія. На слезы сокрушенія, на пламень молитвы о спасеніи православныхъ людей и земли, возженный дерзновеннымъ святительскимъ словомъ, скоро снизошло благословеніе свыше.

Господь воздвигъ изъ среды народа достойныхъ вождей. Съ чудотворными образами и знаменами Христа, съ упованіемъ на Всемогущую Божію силу и молитвой въ устахъ двинулись съ разныхъ концовъ необъятной Руси христолюбивые Божіи люди на спасеніе своей земли. Силой Божіей и молитвами Святыхъ они спасли ее отъ вражьихъ козней, прогнали хульниковъ отъ святынь Москвы, очистили отъ поруганія Божіи храмы и прочно утвердили царственный скипетръ за избранникомъ Бога и народа, за наилучшимъ изъ сыновъ освобожденной Руси, юнымъ благочестивымъ царемъ Михаиломъ Іоанновичемъ Романовымъ.

Такъ, по призыву духовнаго вождя, чрезъ пламень молитвы и слезы покаянія, обновилась Русская Земля въ годину тяжкаго страданія, и возродилась, и расцвѣла, и стала шириться и крѣпнуть больше, чѣмъ въ прежніе годы. Ея духовный вождь, Святитель Божій Гермогенъ не дожилъ до дней обновленія родной

страны. За свое дерзновенное слово и дѣло онъ умеръ отъ голода и истязаній въ душной мрачной тюрьмѣ.

Но, умерши тѣломъ, святитель остался жить на святой Руси своимъ духомъ. Онъ пророчески видѣлъ восходящую зарю обновленія изстрадавшейся земли и предрекъ славное имя того, кто станетъ Помазанникомъ Божіимъ во главѣ возрожденной Руси. Онъ духомъ вѣнчалъ на царство Михаила. Онъ духомъ своимъ донынѣ живетъ въ русскихъ душахъ и славную память о немъ мы свято хранимъ въ нашихъ грѣшныхъ сердцахъ.

И нынѣ, уже въ день трехсотлѣтняго воспоминанія блаженныхыхъ страданій и священной кончины, мы че-

ствуемъ память твою, спаситель и обновитель Русской Земли!

Призри на насъ, Святителю Божій, и обнови насъ, и вдохни твой духъ и силы дерзновенія въ наши грѣшныя сердца. И умножи насъ, умножи людей вѣры, людей любви къ Царю, отечеству и многострадальному народу.

Да сияетъ вѣра наша, какъ блескъ солнца на землѣ!.. Пусть не меркнетъ свѣтъ ея и слава въ злобной и дерзкой крамолѣ!..

Да крѣпнетъ Царь Державный, молитвами народа укрѣпленъ! Пусть за совѣсть править Онъ народомъ, предъ Господомъ отвѣтъ творитъ; износитъ правый судъ злодѣямъ и милость любящимъ его!

Да расточатся, какъ дымъ, враги народа: всѣ тѣ, кто зазираетъ его вѣру, кто отрицаetъ его Бога, стыдится почитать его Святителей; кто клянетъ пути его завѣтной жизни и не боится страшнаго суда!

А ты, народъ-молитвенникъ усердный, поучайся у своихъ Святителей! Храни то, за что они страдали, не бросай святыни псамъ! Люби Бога и Царя! Оберегай устои вѣры! Поминай отцовъ завѣты и жизнь святую проводи! Помни Святителя Христова, страдальца за тебя, за Русь! Его молитва предъ Господомъ за родную землю Божій гнѣвъ утишила и дни благодатнаго возрожденія ей ниспослала.

Ты дорогъ намъ, Святитель Божій, какъ свѣточъ Русскія земли!..

Святую любовь твою къ намъ созерцая, мы преклоняемъ колѣна предъ Богомъ о вѣчной памяти твоей, добрый пастырь Русской Православной Церкви!

Профессоръ-Иеромонахъ Гурій.

Патріархъ Гермогенъ.

Въ сыромъ холдномъ подземельѣ,

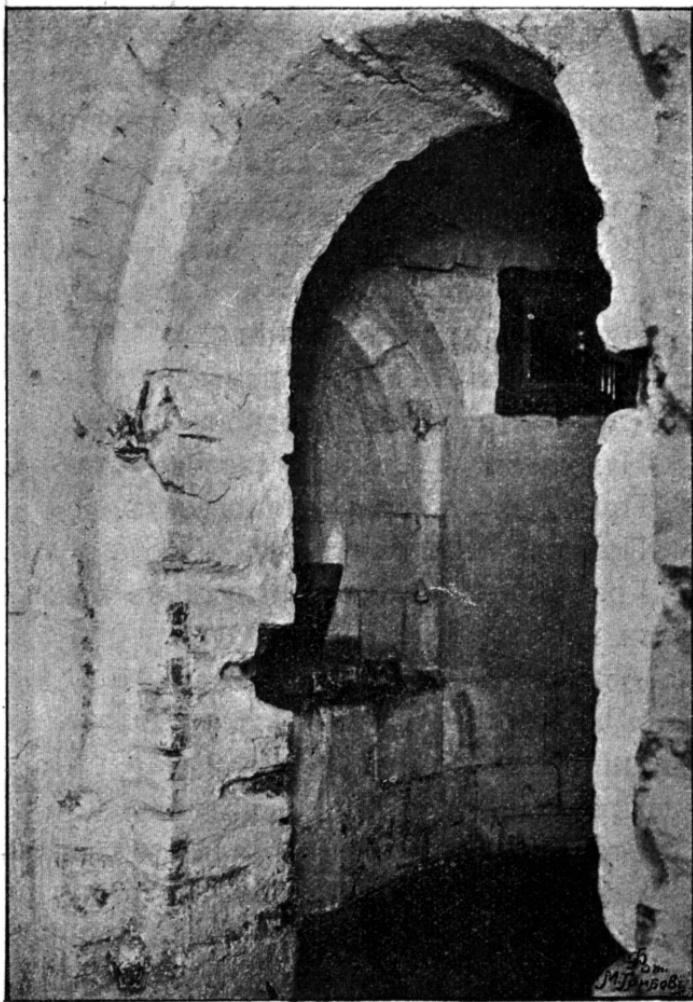

Фото
М. Тимофеевъ

Мъсто заключенія п. Гермогена въ подземельи Чудова монастыря.

Какъ будто всѣми позабытъ,

На жесткомъ ложѣ въ мрачной кельѣ
Святитель мученикъ лежитъ,—

Лежитъ съ закрытыми очами,
Постомъ невольнымъ изнуренъ,—
Своими злобными врагами
Питья и пищи онъ лишенъ.

И, какъ лампада безъ елея,
Онъ гаснетъ,—гаснетъ съ каждымъ днемъ,
Но духъ, святую мысль лелъя,
Среди страданій крѣпнетъ въ немъ.

Томясь, какъ плѣнникъ въ заточеньи,
Съ своею паствой разлученъ,
Въ единомъ Богъ ободренъе
И миръ души находитъ онъ.

Не ищетъ онъ освобожденья,
Стремясь душою въ міръ иной;
За правду терпитъ онъ гоненье,
Страдаетъ онъ за край родной.

Нужна ль ему теперь свобода
При общихъ стонахъ и слезахъ,
При тяжкихъ бѣдствіяхъ народа,
Грозящихъ Русь повергнуть въ прахъ?!

Ужели паству дорогую
Онъ безъ борьбы отдастъ врагамъ?
Ужель за власть, за жизнь земную
Святыню вѣры бросить псамъ?

Предъ нимъ ужасная картина
Стоитъ какъ призракъ, какъ кошмаръ—
Безправья страшная година
И власть измѣнниковъ бояръ,
Предъ Польшей льстиво преклонившихъ
Свою безумную главу,
И путь прямой врагамъ открывшихъ
Въ первопрестольную Москву,—

Бояръ, за личныя стремленья
Готовыхъ родину продать,—
И Церкви правое ученье,
И клятву дерзостно попрать.

Растетъ народное страданье,
Родной страны печаленъ видъ...
Кто, какъ ни пастырь, въ испытаны
Въ пасомыхъ бодрость укрѣпитъ?

Кто какъ ни онъ примѣръ покажетъ
Борьбы за вѣры чистоту,
И смертью собственной докажетъ
Любовь къ Сладчайшему Христу?...

Духъ бодръ, но плоть изнемогаетъ,
Отъ жажды высохли уста,
А врагъ незримый искушаетъ,
Какъ хлѣбомъ нѣкогда Христа.

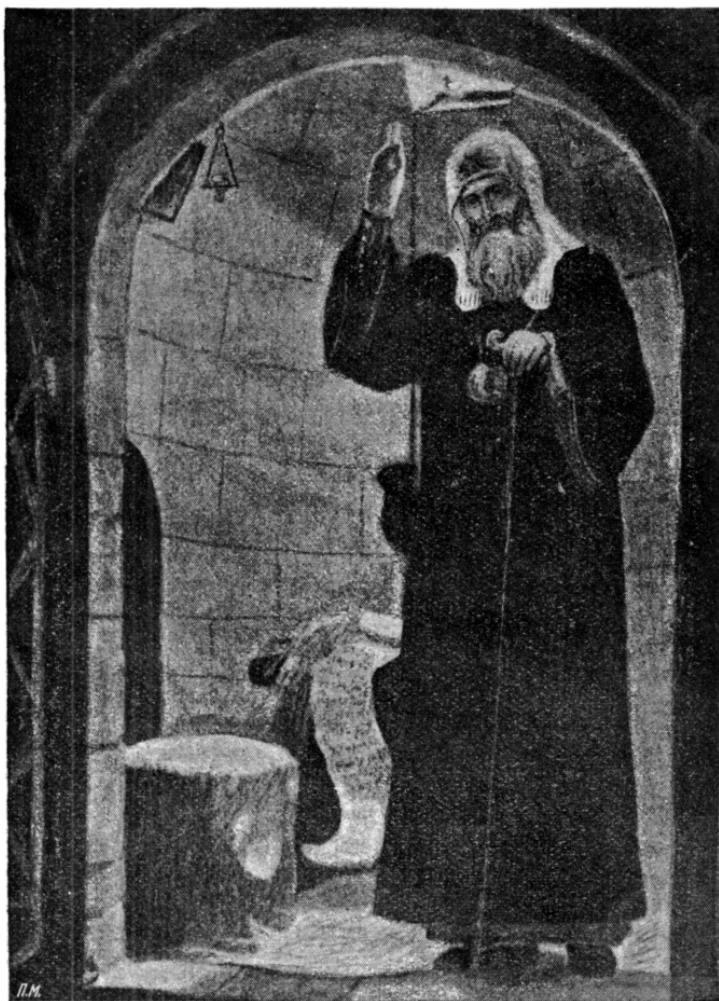
Внушаетъ онъ: „бояръ посланье
Тебѣ лишь стоитъ подписать,—
И тотчасъ кончится страданье,
И власть вернутъ тебѣ опять.

Вотъ каждый часъ слабѣютъ силы
И, жизнь напрасно погубивъ,
Ты скоро въ глубь сойдешь могилы...
Но подпиши—и будешь живъ!“

О, страшный шопотъ обольщенья!..
Тая въ себѣ смертельный ядъ,—
Онъ вносить въ душу отравленье,
Ея туманя свѣтлый взглядъ.

И сколько, Боже, вѣры надо,—
Горячей вѣры въ Промыслъ Твой,
Чтобъ не коснуться чаши яда,
Чтобъ не прельститься чашей той!
Крѣпится мученикъ святитель,
Хоть тѣломъ онъ и изнемогъ,

Но Бога истинный служитель
Онъ гонитъ демонскій прилогъ.
И вновь слабѣющею рукою
Онъ пишетъ грамоту и шлетъ,

«А вамъ вѣнь отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣцѣ
и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно; а я долженъ за
васъ Бога молитъ». — (Изъ предсмертной грамоты въ Нижній-
Новгородъ).

Зовя за вѣру встать стѣною,
Зовя къ защитѣ весь народъ.

Не за себя зоветь сражаться,—
Ему, конечно, не дожить,
Уже готова оборваться
Страдальца жизненная нить.

Но за отчизну дорогую,
За милый сердцу край родной,
За вѣру правую, святую
Стоять онъ молитъ головой.

И не напрасны увѣщенья,—
Вниманье общее живѣй,
Растетъ народное сознанье
О долгѣ къ родинѣ своей.

Часы проходятъ за часами,
Въ подземной кельѣ тишина,—
Ни рѣзкимъ звукомъ, ни рѣчами
Не нарушается она.

Лишь вздохъ подвижника Христова,
Да легкій шумъ его шаговъ...
Вдругъ чу—за дверью стукъ засова
И гулъ неясный голосовъ.

Толпою шумной и нестройной
Враги къ святителю идутъ,
Но смотритъ онъ на нихъ спокойно:
Пускай свершатъ послѣдній судъ;

Пусть смерть—ихъ власть теперь и сила—
Позднѣй иль раньше—все равно,
Предъ нимъ открыта ужъ могила,
Онъ смерти ждетъ уже давно.

Вновь отъ него согласья слова
Враги съ надеждой тайной ждутъ,
Все тѣ же требованья снова...
Но все напрасно, тщетенъ трудъ.

Ихъ планы старецъ разрушаетъ,
Народомъ искренно любимъ,—
Онъ ихъ намѣренью мѣшаетъ,
Вездѣ преграды ставя имъ.
Въ ихъ рѣчи слышно раздраженье:
„Старикъ,—они ему кричатъ,—
Къ Москвѣ подходятъ ополченья,
Вели вернуться имъ назадъ!..“

Но видъ святителя спокоенъ,
Въ очахъ его тревоги нѣтъ,—
И Церкви пастыря достоинъ
Его рѣшительный отвѣтъ:
„Я напишу,—и возвратятся...
Но говорю въ послѣдній разъ:
Пускай поляки удалятся,—
Пускай совсѣмъ оставятъ насъ.
Пусть Сигизмундъ король забудетъ,
Что есть на свѣтѣ русскій тронъ,—

Царемъ въ Россіи онъ не будетъ,
Намъ быть отцомъ не можетъ онъ!..
Пускай возьметъ бразды правленья,
Святую вѣру воспринявшъ,
Оставивъ ложное ученье,—
Сынъ Сигизмунда Владиславъ.“

— „Молчи, стариkъ, въ бояръ собраныи
Давно все дѣло рѣшено;
Смири народное возстанье,
Послушай насъ, такъ быть должно!..
А если нѣтъ, то знай, упорный,
Изъ рукъ ты нашихъ не уйдешь,
И смертью злую и позорной
Самъ, погубивъ себя, умрешь!“

— „Пусть такъ, святитель отвѣчаетъ,
Я не боюсь пустыхъ угрозъ,
Мнѣ рай за муки обѣщаетъ
И силы, вѣрю, дастъ Христосъ!
Вамъ не заставить Гермогена
Въ угоду вамъ кривить душой,
Противна мнѣ бояръ измѣна,
Господь да будетъ имъ Судьей!..

Благословляю ополченье
За вѣру правую борцовъ,
И за нее же на мученье
До капли крови я готовъ!..“

Какъ будто грозный обличитель,
Передъ поляками стоитъ
Престола Божія служитель,
Преображенъ страдальца видъ:
Не видно въ немъ изнеможенья,
Небеснымъ взоръ горитъ огнемъ,
Полны черты одушевленья,
Но злобы въ сердцѣ нѣтъ святомъ.

Стоитъ онъ смѣло предъ толпою
Своихъ жестокихъ палачей...

„Умри же,—слышитъ,—самъ виною
Ты служишь гибели своей!“

Вновь стукъ тяжелаго засова,
Ушли коварные враги,
Оставивъ воина Христова...
Вдали ихъ замерли шаги.

Опять томится въ подземельѣ,—
Опять одинъ средь голыхъ стѣнъ.

Какъ погребенный въ мрачной кельѣ
Святитель Божій Гермогенъ.

Вновь силы старца ослабѣли,
Уста сомкнулись, взоръ потухъ,
Душа едва таится въ тѣлѣ,—
Но бодръ въ страдальцѣ вѣры духъ.

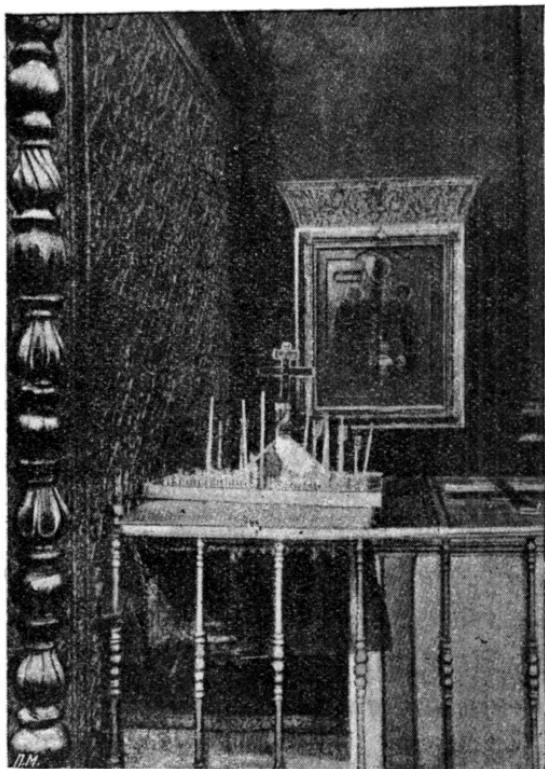
Часы проходятъ за часами,
Мученья голода растутъ...
Смѣняясь длинными ночами,

Дни безконечные идутъ...

Но вотъ окончились всѣ муки,
Насталъ послѣдній жизни часъ—
И, духъ предавши Богу въ руки,
Свѣтильникъ—мученикъ угасъ.

Онъ отошелъ въ селенья рая,
Онъ въ жертву самъ себя принесъ,
А тамъ открылъ ему, встрѣчая,
Свои обѣятія Христосъ.

Съ тѣхъ поръ три вѣка миновало,
Не разъ мѣнялся жизни строй,
Но чтить, какъ раньше почитала,
Русь подвигъ пастыря святой!..

Гробница Патріарха Гермогена въ Успенскомъ соборѣ.

Церковь и Государство.

По поводу законопроекта о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое¹⁾.

Законопроектъ о такъ называемой „свободѣ совѣсти“ и, въ частности, „о свободномъ переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое“—поразилъ меня и многихъ чадъ православной Церкви сколько своею неожиданностію,—можно сказать — внезапностью, — столько же спутанностію понятій, положенныхъ въ его основаніе, и неясностью его конечной цѣли.

До „17 апрѣля“ и до „17 октября“ въ нашемъ Отечествѣ, начиная съ Владимира Святаго, и чрезъ всю его почти тысячелѣтнюю исторію, — проводился одинъ принципъ: „Русское царство есть православное государство; Россія прежде всего для русскихъ-православныхъ, а затѣмъ уже и для другихъ народностей и для другихъ вѣръ. Обрусить и оправославить все нерусское и неправославное — это было всегдашей задачей и Государства и Церкви въ Россіи. Состоя въ тѣснѣшемъ союзѣ, Церковь и Государство всегда помогали другъ другу въ достижениіи этой цѣли“.

Какъ въ Византіи, такъ и у насъ въ Россіи всегда считали православную вѣру единой истинной, а потому

¹⁾ Рѣчь въ Государственномъ Совѣтѣ.

и единой спасительной, а всѣ другія вѣры, выражаясь языкомъ апостола Павла, считали содержащими истину въ неправдѣ (Рим. 1, 18), а потому и не спасительными. Исходя изъ этой точки зрѣнія на религіи, Государство и опредѣляло себя неодинаково къ нимъ: къ православію, къ религіозной истинѣ въ ея чистомъ видѣ, обусловливающемъ спасеніе людей, было опредѣленіе одно: оно считалось господствующей вѣрой въ государствѣ; къ другимъ религіямъ христіанскимъ было опредѣленіе другое: онѣ были дозволительны въ православномъ государствѣ, однѣ—съ открытымъ исповѣданіемъ своего культа, какъ напримѣръ, римско-католическое, и протестантское, а другія безъ открытаго исповѣданія, всѣ же вообще—безъ права пропаганды въ православномъ государствѣ. Такимъ образомъ, православное государство не безразлично смотрѣло какъ на сущность исповѣданій, такъ и на спасеніе людей, отъ нихъ зависящее. Терпя заблужденія въ предѣлахъ государственныхъ, оно, однако же, давало всѣ способы, отъ него зависящіе, къ укрѣплению и распространенію единой спасительной вѣры. До Петра Великаго русскіе православные люди не смѣшивались и брачными узами съ инославными и иновѣрцами, и инославные и иновѣрцы не допускались ни въ Государственную Думу, ни въ Земскій Соборъ; и это было одной изъ причинъ чистоты и крѣпости религіозныхъ основъ въ русскомъ народѣ, а также и бытовыхъ народныхъ особенностей. Почему же такъ думали и такъ поступали русскіе люди? Русскіе православные люди твердо помнили, какъ Господь Богъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ чрезъ Моисея и другихъ пророковъ повелѣвалъ искоренять нечестіе въ государствѣ и утверждать благочестіе (напр. Лев. 20, 17; Второз. 6, 14; 7, 5; 3 кн. Цар. 16, 30—34; затѣмъ гл. 17, 18 и далѣе,

и множество другихъ мѣстъ); помнили, что и Христосъ Спаситель, въ бесѣдѣ съ Самарянкой-раскольницей, не уравнялъ раскола самарянскаго съ истинной вѣрой іудеевъ, а напротивъ, прямо указалъ на превимущество единоспасительной тогда вѣры іудейской (Іоан. 4, 22),—помнили и то, что ап. Павель прямо заповѣдалъ христіанамъ не смѣшиваться съ язычниками (2 Кор. б, 14—18; Евр. 10. 28—31; смотр. и прав. всел. соборовъ, напр. IV, 14; VI, 72; Лаод. 10, Карѳаг. соб. 69, пр.).

Этотъ принципъ, какъ я сказалъ выше, проводился послѣдовательно, *систематически*. Для обрусенія инородцевъ, особенно некультурныхъ, служилъ государственный языкъ и школа русская, а для оправославленія—посылались миссіонеры, устроились храмы и монастыри. Въ силу такихъ воздействи, финскія племена на сѣверовостокѣ слились съ славянскими племенами и образовали *великорусское племя*, а на юго-западѣ тюрко-финскія племена, смѣшавшись съ другими славянами, образовали *малорусское и бѣлорусское племя*¹⁾). Въ такомъ порядкѣ шло обрусеніе и оправославливаніе и сибирскихъ инородцевъ. Бывали при этомъ, конечно, и уродливыя явленія, но гдѣ же ихъ не бывало?! Объясненіе всего этого слѣдуетъ искать не столько въ принципѣ и въ системѣ, сколько въ отдельныхъ лицахъ, проводившихъ эту систему въ жизнь, въ духѣ того времени и въ грубости нравовъ. *Въ общемъ же вся система была разумна. Въ ней не было ни религіознаго индифферентизма, ни государственной сантиментальности, ни безпочвеннаго либерализма.*

1) Глубокая справедливость этого заявленія ярко подтверждается и помѣщаемо въ этомъ № нашего журнала статью, подъ заглавиемъ: „Взглядъ инородцевъ на законод. по дѣл. вѣры въ Россіи“. Ред.

Теперь вся эта система, основанная на принципахъ истины и спасенія людей во Христѣ Иисусѣ, идетъ на смарку; объявляется, взамѣнъ этого, многообразіе вѣръ и народностей,—идетъ уравненіе истины съ задолженіемъ и даже—ложью; спасеніе людей во Христѣ Иисусѣ исключается изъ государственного поля зренія; короче сказать: принципъ Вселенской Церкви въ русскомъ православномъ государствѣ упраздняется совершенно, а взамѣнъ его вводится новый принципъ,—принципъ даже и не протестантскій, а чисто Толстовскій (смотр. сочиненія графа Л. Н. Толстого — изд. 12, ч. 20, стр. 331—337, 372, 377, 424—427, 451; ч. 19, стр. 211—219). Сознательно или безсознательно, я не знаю, но Святую Русь хотятъ, видимо, и разрушить и расправославить. Въ день Нового года православная Церковь молится объ искорененіи Агарянского нечестія, разореніи Агарянского царства и преданіи его въ руки правовѣрныхъ, а Министръ Народнаго Просвѣщенія вводитъ коранъ и магометанство въ курсъ преподаваемыхъ предметовъ (напр. въ Оренбургской учительской семинаріи), и мулла сравnenъ въ правахъ съ православнымъ законоучителемъ: ему положено 600 р. жалованья!.. Такимъ образомъ, уравниваются коранъ и Евангеліе, исламъ и христіанство, православный священникъ и мулла. Теперь Министромъ Кассо разрѣшено преподаваніе всѣхъ сектъ и расколовъ въ учебныхъ заведеніяхъ среднихъ и низшихъ. Въ столицѣ православнаго царства уже воздвигнуты мечеть Магомета и капище Будды. Вместо канонического права, православно-византійскаго, — намъ рекомендуютъ отвлеченную науку права и, въ частности, прусскіе законы. Русскій народъ, вынесшій на своемъ хребтѣ тысячелѣтній подвигъ зиждительства государственного, отстраняется отъ господства въ своей

родной землѣ и приравнивается къ своимъ домочадцамъ, которымъ дается право распоряжаться здѣсь не только дѣлами хозяйственными, но и дѣлами вѣры и благочестія русскаго народа. Въ Государственной Думѣ болѣе 80 человѣкъ всякихъ вѣръ судили и рѣдили о православной вѣрѣ и чего-чего только ни наговорили они о ней въ своей исключительности. Остается еще одинъ шагъ: объявить открыто и не стѣсняясь, что св. и равноап. Владиміръ, просвѣтившій Россію св. крещеніемъ, былъ насильникомъ совѣсти нашихъ предковъ, и исключить его изъ списка святыхъ: **говорю это не шутя!..**

На чёмъ же, на какихъ принципахъ все это основано?

Въ отзывѣ изъ особаго журнала Комитета Министровъ 25 января, 1 и 8 февраля и 15 марта—въ основу разрѣшенія отпаденія отъ православной вѣры положены два текста изъ Св. Писанія,—первый взятъ изъ посланія къ Титу 3, 10: „еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицаія“,—и второй—изъ евангелія отъ Матея 18, 17: „аще же и Церковь преслушаетъ братъ твой—буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь“. На этихъ двухъ текстахъ построенъ весь законъ о правѣ свободнаго перехода изъ православной вѣры въ другія христіанскія, а по постановленію Государственной Думы—*даже и въ язычество и безвѣріе*. Но эти тексты, сколько ихъ ни разбирать, такого смысла не имѣютъ. Въ нихъ говорится *не о свободномъ отпаденіи отъ Церкви, а о принудительномъ отлученіи отъ Церкви тяжкихъ грѣшниковъ и еретиковъ*. Въ нихъ говорится о правѣ Церкви извергать изъ нѣдръ своихъ еретиковъ и тяжкихъ грѣшниковъ, а не о правѣ всякаго члена оставлять Церковь по своему произволу и съ разрѣшенія гражданской власти. И можетъ ли

св. Церковь такъ легкомысленно смотрѣть на подобные факты отпаденія,—она, имѣющая своею задачею спасеніе людей, а не погибель ихъ?! И извергая изъ своихъ нѣдръ тяжкихъ грѣшниковъ, она поступаетъ такъ въ цѣляхъ болѣе воспитательныхъ, нежели карательныхъ (I Корин. 5, 4—5). Поэтому, можно ли допустить, чтобы Церковь съ легкимъ сердцемъ благословляла бы своихъ чадъ на отпаденіе отъ нея во всѣ вѣры и секты, или, другими словами,—на вѣчную ихъ погибель? Да не будетъ! Это было бы похоже на то, какъ если бы мать на заявленіе дочери или сына: „иду топиться или вѣшаться“,—сказала бы: „иди, Богъ тебѣ на помощь“. Или если бы къ архіерею явился человѣкъ съ дѣтствомъ и сказалъ: „иду съ дѣтствомъ топиться“, а архіерей бы сказалъ: „Богъ тебя благословитъ; иди, вѣдь это твоя собственность“. Но Церковь и за отлученныхъ ею молится, чтобы Господь Богъ привелъ ихъ на путь покаянія и соединилъ бы ихъ святой своей, соборной и апостольской Церкви. Ап. Павелъ ставитъ прямою обязанностью всѣмъ членамъ Церкви увѣщевать другъ друга *не оставлять собранія своего*, т. е. церковныхъ обществъ (Евр. 10, 25). *Св. Церковь не можетъ насильно удерживать нежелающихъ быть въ ея нѣдрахъ; но, повторяю, благословлять на это она тоже не можетъ.*

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ въ своей объяснительной запискѣ къ законопроекту о свободѣ совѣсти и въ своихъ рѣчахъ, оправдывая дѣйствія Правительства въ этомъ дѣлѣ, выставилъ три начала: *требованія разума, требованія жизни и государственную необходимость*. Такимъ образомъ, логика ума, логика жизни и государственная необходимость становятся основаніями для дѣйствій Правительства въ отношеніи и Церкви и Государства. Но гдѣ должна кончаться логика ума

и начинаться логика жизни,—когда, взамѣнъ и логики ума и логики жизни, должна выступать государственная необходимость, какъ доминирующее основаніе, и всегда ли все это должно согласоваться съ справедливостью, и почему вѣроученіе православной Церкви и ея каноны не обязательны уже для русскаго Правительства,—Г. Министръ намъ не объяснилъ. При такой неопределенноти основныхъ принциповъ, возможно только одно: *личное усмотрѣніе Правительства въ дѣлахъ церковныхъ и государственныхъ.* Вѣдь на основаніи такихъ „незыблемыхъ основъ“, какъ требованія разума, жизни, государственной необходимости, 87 ст. и инструкціоннаго права, даннаго Министру Внутреннихъ Дѣлъ,—разъяснить законы,—можетъ случиться, что въ одинъ прекрасный день министры у насъ произведутъ такую реформацію въ Церкви, какой и не снилось намъ. Человѣка, съ отсутствіемъ одного руководящаго начала жизни, ап. Іаковъ называетъ *мужемъ двоедушнымъ, т. е. человѣкомъ съ двоящимися мыслями,—и этимъ объясняетъ неустроенность такого человѣка въ жизни* (Іак. 1, 8). Мнѣ кажется, что и у нашихъ законодателей двоились мысли, отчего и пошла неустроенность, хаосъ во всемъ.

Для иллюстраціи этой мысли я могъ бы привести не мало примѣровъ, взявъ ихъ только изъ циркуляровъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ по вѣроисповѣднымъ вопросамъ, но я здѣсь ограничусь только послѣднимъ циркуляромъ, въ которомъ, напоминая гг. Генералъ-Губернаторамъ, Губернаторамъ, Областеначальникамъ и Градоначальникамъ о Монаршей милости, даровавшей право отпаденія (sic!) отъ православной вѣры,—о евреяхъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „евреи могутъ принимать св. крещеніе лишь съ разрешенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ“. Что это?—

невольно вопрошаємъ мы себя,—даруется свобода отпаденія отъ православія и жизнь по велѣніямъ своей совѣсти—и въ то же время такой курьезъ: евреямъ нельзя креститься безъ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ! Здѣсь нѣтъ логики ума, скажутъ мнѣ; но зато есть логика жизни и государственной необходимости. Нѣтъ, здѣсь есть нѣчто большее: здѣсь есть коррективъ къ заповѣди Божіей! Такъ поняли это простые вѣрою люди. Приведу примѣръ. Приходитъ ко мнѣ одинъ старишокъ-священникъ и говоритъ: „Владыка, читали Вы послѣдній циркуляръ Министра?“ Говорю: „читалъ. Ну, что же?“ Свящ.: „Не замѣтили Вы, что тамъ есть нѣчто недоумѣнное?“ Что же, говорю, такое? „Тамъ, говоритъ, исправляютъ самого Господа Іисуса Христа. Онъ повелѣлъ крестить всѣ народы, не спрашивая разрѣшенія министровъ, а здѣсь запрещается крестить евреевъ безъ разрѣшенія Министра. Вѣдь это какъ то странно!“ Да, странно и если хотите, болѣе, чѣмъ странно. Ради политики, чтобы евреямъ не переходить черезъ черту осѣдлости,— запрещать крещеніе безъ разрѣшенія Министра. Не честнѣе ли было бы сказать евреямъ: „господа евреи, вы себѣ креститесь или нѣтъ, а за черту осѣдлости мы васъ не пустимъ“. А то вотъ ради политики внесли коррективъ къ заповѣди Господней... Другой примѣръ. Былъ объявленъ законъ о безусловной свободѣ вѣровать по велѣніямъ своей совѣсти, а чрезъ нѣсколько времени вдругъ послѣдовало запрещеніе солдатамъ и офицерамъ, пока они на службѣ, слѣдовать велѣніямъ своей совѣсти, т. е. переходить въ другія вѣры. Откровенно сказать, я рѣшительно ничего не понимаю во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Правительства!..

Гр.—Не забывайте, что Церковь имѣетъ не только обязанности къ государству, но еще и **права свои**.

Нельзя восхищать права Церкви и распоряжаться въ ней, какъ заблагоразсудится гг. Министрамъ, Генералъ-Губернаторамъ, Губернаторамъ, Областеначальникамъ, Градоначальникамъ—до послѣдняго стражника включительно. Нельзя оскорблять св. Церковь хотя бы уже потому, что *все это отзыается болѣзненно въ русскомъ православномъ сердцѣ и можетъ—не сегодня, такъ завтра,—не завтра, такъ въ другой какой день—повести къ большимъ осложненіямъ для государства.* Всѣ вѣроисповѣдные законопроекты, какъ вводимые въ жизнь безъ участія св. Церкви, безъ ея вѣдома,—глубоко оскорбительны для сердца православнаго христианина, особенно *въ виду ихъ чрезвычайной декларативности;* статьи же законопроекта объ отпаденіи дѣтей православныхъ отъ Матери-Церкви и объ отдаче ихъ въ распоряженіе людей неправославныхъ, и даже нехристіанъ,—*и прямо возмутительны.*

Гр.—Церковь не *въ Синодѣ* только, и не *въ духовномъ вѣдомствѣ*, возглавляемомъ *Оберъ-Прокуроромъ*.—**Церковь, въ своей совокупности, есть мистическое тѣло самого Христа Спасителя,** Который ее возглавляетъ; ей усвояются дѣти чрезъ св. крещеніе и св. причащеніе; чрезъ эти таинства они становятся, по выраженію ап. Павла, *удами Христовыми*, т. е. членами Его тѣла (1 Кор. 12, 27). Какимъ же образомъ можно рѣшиться православнымъ людямъ издать законъ, по которому впадающіе въ заблужденіе, ересь и даже въ невѣріе будутъ имѣть право отчуждать отъ Матери-Церкви и Самого Христа дѣтей?!. Подумайте только, какой грѣхъ возьметъ на себя Правительство, ¹⁾ имѣющее, согласно

1) А чтѣ,—если понятіе „*правла*“ считается у современныхъ правителей отжившимъ, не „правовымъ“, а „теократическимъ“,—почему и непримлемымъ съ точки зренія, вѣдь, *новаго* (?) у насъ „*правового государства*“?! И не въ этомъ-ли ключъ къ ларчику всей новой у насъ системы отношеній

Основнымъ Законамъ, охранять и защищать православную вѣру и догматы православной Церкви, — издавая подобный законъ?! Если мы вѣруемъ не по Толстовскому ученію, гдѣ всѣ вѣры и всѣхъ временъ одинаковы, а по ученію Вселенской православной Церкви, что спасеніе только въ ней и нигдѣ въ другой вѣрѣ,—то можемъ ли мы измѣнить надежду спасенія для дѣтей на ихъ вѣрную гибель въ св. Церкви?! По моему мнѣнію, нужно прежде потерять христіанскій смыслъ, чтобы рѣшиться согласовать такой законъ. ¹⁾— „Если отвергшійся закона Моисеева, учить насть ап. Павелъ въ посланіи къ евреямъ, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ наказывается смертію, то сколько тягчайшему, думаете, наказанію повиненъ будетъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія и не почитаетъ за святыню кровь завѣта, которою освященъ, и духа благодати оскорбляетъ?! Мы знаемъ Того, Кто сказалъ: у Меня отмщеніе, Я воздамъ. И еще: Господь будетъ судить народъ свой; страшно впасть въ руки Бога живаго“ (Евр. 10, 28—31)!.. Кромѣ плотскихъ родителей, по правиламъ церковнымъ, каждому дитяти дается еще воспріемникъ,—для мальчиковъ отецъ крестный, а для дѣвочекъ мать крестная. Они, эти воспріемники, даютъ обѣщаніе за крещемаго младенца—сочетаться Христу и отречься отъ діавола и всѣхъ дѣлъ его, быть вѣрнымъ чадомъ Церкви Христовой. Вдумайтесь только во внутренній смыслъ воспріемничества отъ купели крещенія и вы поймете, отъ какихъ важныхъ обязанностей освобождаете вы своимъ закономъ такихъ воспріемниковъ,— какое вторженіе совершаете въ

русскихъ правителей къ Православной Церкви? Несомнѣнно: да, въ этомъ!.. Ред.

¹⁾ Теряютъ то, что имѣютъ. И въ отношеніи „христіанского смысла“ творцамъ новыхъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ терять нечего!..—Ред.

область, на которую никакая компетенція государства не можетъ простираТЬся?! Не цѣлесообразнѣе ли было бы съ идеей Церкви, какъ тѣла Христова, и воспріемничества, какъ замѣстительства плотскихъ родителей,— отдавать такихъ дѣтей въ христіанскіе пріюты, гдѣ бы ихъ воспитывали для царствія Божія въ духѣ православной вѣры, воспріятой ими при св. крещеніи, или же ихъ воспріемникамъ, обѣщавшимся за нихъ при ихъ крещеніи? ¹⁾).

Что изъ всего этого законопроекта можетъ выйти въ конечномъ результатаѣ для русского государства и православной Церкви,—это вѣдомо одному только Богу; но, разсуждая по человѣчески и на основаніи слова Божія, добра изъ этого ждать нельзѧ. Вмѣсто мира и успокоенія—въ среду народа внесется только вражда и озлобленіе, что уже и видимъ на дѣлѣ во многихъ мѣстахъ Россіи. Пропаганда іезуитовъ и массоновъ, при такой свободѣ совѣсти,—можетъ создать и еще большія бѣды въ странѣ ²⁾). Будетъ внесенъ религіозный анархизмъ въ жизнь Россіи, или что то же— духовный развратъ, который опаснѣе физическаго. А за религіознымъ анархизмомъ—какъ прямое его слѣдствіе—явится и государственный анархизмъ. Примѣръ этому представляеть графъ Л. Толстой: онъ началъ религіознымъ, а кончилъ государственнымъ

¹⁾) Святой голосъ!.. Но—„голосъ воплюЩаго въ пустынѣ“!.. Какое же дѣло насаждаемому у насъ новому „Правовому Государству“ до интересовъ и истины Церкви?!. *Не оно* даетъ Церкви ей надобное, а отъ Церкви оно береть все въ порабощеніе своимъ интересамъ,—и горе послушникамъ: не спасеть ихъ и „свобода совѣсти“!.. —Ред.

²⁾) На счетъ этой опасности „правители“ наши спокойны. Есть, вѣдь, въ правовомъ государствѣ такъ—называемая „система компромиссовъ“, по которой достаточно „не видѣть“ іезуитскихъ монастырей, напримѣръ, на Невскомъ просп., достаточно какому-либо правителью подарить икону въ такой монастырекъ,—и „борьбы“ какъ не бывало!.. А разъ все снаружи спокойно, значитъ: „и бѣды то“ никакой нѣтъ въ странѣ!..—Ред.

анархизмомъ. ¹⁾ „Всякому человѣку, мало мальски знакомому съ нашей исторіей, пишетъ А. А. Кирѣевъ, ясно какъ день, что твердая связь между Церковью и государствомъ у насъ слабѣетъ; а вѣдь вся наша сила и сосредоточена на этой связи, на ней и основана. Крѣпка эта связь, — мы первый народъ въ мірѣ, слаба она, слабѣемъ и мы, а утратится она совершенно,—утратимъ и мы свое міровое значеніе, — мы сдѣлаемся никуда негодною страшною материальною силою“. ²⁾ Нельзя, выражаясь словами ап. Петра, свободой прикрывать зло (1 Петр. 2, 16). ³⁾

Такія дѣла должны рѣшать не государственная Дума и Государственный Совѣтъ, а Церковный Все-рussiйский Соборъ, вкупѣ съ Царемъ и представителями отъ Думы и Совѣта, но людьми православными, russkими и вѣрующими не въ науку вообще и естество-знаніе въ частности, но во Христа и Его силу, въ Божественное откровеніе и св. Церковь, на седми вселенскихъ соборахъ утвержденную.

Въ виду всего сказанного, я стою за отклоненіе этого законопроекта и за передачу, его, какъ и другихъ подобныхъ, Церковному Собору ⁴⁾. Нельзя служить

¹⁾ А что, если девизъ современного государствованія: „aprѣs nous le dѣluge“?.. И не потому ли и Л. Толстой удостоился особыхъ почестей со стороны современныхъ „правителей“?!. — Ред.

²⁾ Христіанское чтеніе, ноябрь 1911 г., стр. 1357.

³⁾ Къ глубокому прискорбію, наши „правители“ говорять теперь языкомъ „Вѣстника Европы“ восьмидесятыхъ годовъ прошлого столѣтія. Въ разгарѣ преній по такимъ же вопросамъ въ „Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ въ СПБ. въ 1876 г. редакція „Вѣст. Европы“, снявъ покрывало съ своего лица, прямо заявила: „развѣ можно рѣшать подобные вопросы, ссылаясь на апостольскія посланія“?—Спасибо хотя за откровенность!.. — Ред.

⁴⁾ Какъ известно, Госуд. Совѣтъ призналъ право отпаденія изъ православія въ инославныя исповѣданія, какъ и вообще переходъ изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое. Но такъ-какъ Госуд. Дума постановила разрѣшить свободный переходъ и въ нехристіанскія религіи, то была

Богу и мамонъ, Христу и Веліару, смишивать Церковь съ идолами (Мате. 6 24; 2 Кор. 6, 14—18).

Примѣчаніе. Что мысль объ одноцѣнности православія, раскола, сектантства и другихъ вѣръ имѣеть широкое распространеніе въ публикѣ, такъ называемой интеллигенціи,—съ легкой руки гр. Л. Н. Толстого,—это можно видѣть изъ слѣдующихъ статей, напечатанныхъ въ издававшемся кн. Е. Трубецкимъ журналѣ: „Московскій Еженедѣльникъ“ (№ 28). Тамъ есть статья *Быстренина*, въ которой авторъ уравниваетъ не только всѣ секты съ православіемъ, но даже ставитъ ихъ выше православія, а въ статьѣ *Шарапова* (тамъ же) проводится та мысль, что вѣчное блаженство имѣеть быть удѣломъ даже и тѣхъ, кто и не вѣдаетъ Христа. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ въ статьѣ *А. А. Нейдгарда* (къ кончинѣ А. А. Кирѣева) утверждается, будто бы наше Правительство дало слово депутатіи отъ сектантовъ итти навстрѣчу сектантству въ Россіи, т. е. уравновѣшивать въ цѣнности значеніе сектантства и православія ⁵⁾.

Варшавскій Архіепископъ Николай.

выдѣлена согласительная (изъ членовъ Думы и Совѣта) комиссія, которая, однако, не пришла къ соглашенію въ этомъ кардинальномъ пунктѣ. Почему положеніе вещей останется въ прежнемъ видѣ, по указу о вѣротерпимости 17 Апр. 1905 г., который почти тождественъ съ рѣшеніями Госуд. Совѣта.

5) Дѣйствительность, однако, показала, что дѣло обстоить нынѣ несравненно хуже: цѣнность сектантства поставлена выше вѣковой цѣнности Православія и даже вообще пѣнность Православія поставлена подъ большое сомнѣніе!.. —Ред.

Взглядъ инородцевъ на законодательство по дѣламъ вѣры въ Россіи¹⁾.

Миссіонеръ финнъ Гойеръ, путешествовавшій по Финляндіи въ октябрѣ 1908 г., съ цѣллю ознакомленія финскаго общества съ „евангелическимъ“ дѣломъ въ Россіи и сбора средствъ для поддержанія этого дѣла, прочиталъ въ Гельсингфорсѣ нѣсколько лекцій.

Въ основу своихъ лекцій онъ положилъ текстъ изъ пр. Исаіи 55 гл. 10—13 ст. Указавъ сначала, какъ трудно было допустить возможность „евангелическаго“ дѣла въ Россіи, онъ изобразилъ потомъ обширную территоріальную область Имперіи съ ея 140 миллионнымъ населеніемъ, среди котораго много—де людей, совсѣмъ не слыхавшихъ евангелія Іисуса. Россію, по его словамъ, нельзя считать и христіанской страной, такъ какъ обряды православной церкви суть не что иное, какъ „смѣсь магометанства, іудейства, язычества и только отчасти христіанства“!.. Однако, не смотря на то, что ученіе Русской Церкви представляеть—де такую смѣсь разныхъ элементовъ, совершенно чуждыхъ „чистому христіанству“, оно, по словамъ Гойера, „завоевало известныя симпатіи и въ протестантскихъ странахъ. Такъ, до 300 тысячъ протестантовъ въ разное время обратилось къ Русской церкви. Но обратно изъ нея никто не могъ выйти,—это было невозможнымъ и запрещалось до послѣдняго времени. Если бы такъ продолжалось и дальше, съ ужасомъ говорилъ Гойеръ, то Русская Церковь присоединила бы къ себѣ и нашу Финляндію и

1) Свѣдѣнія заимствованы изъ финлянд. газеты „Kotimaa“ за 1908 г. №№ 123 и 124.

другія сосѣднія страны. Теперь время пробудиться, чтобы не подпасть этой опасности. Не секретъ, конечно, что Россія старается растворить въ себѣ всіхъ сосѣдей."

Съ другой стороны, говорилъ Гойеръ, магометанство одерживаетъ побѣды на Руси и даже въ коренныхъ владѣніяхъ. Въ Россіи живеть немало племенъ, родственныхъ намъ финнамъ, среди которыхъ магометанство особенно заявляетъ о себѣ. Но бываютъ и такие случаи, что обращаются прямо въ язычество,—такъ до 50 семействъ потребовали себѣ выхода изъ Русской церкви въ самое грубое язычество. Случаются переходы и въ іудейство.

Такимъ образомъ, говорилъ Гойеръ,—изъ Россіи намъ угрожаетъ не только русская вѣра, іудейство и магометанство, но и грубое язычество. Далѣе ораторъ примѣрами современного одичанія Сиріи, Арменіи и Византіи, гдѣ нѣкогда миссіонерская работа кипѣла не менѣе, чѣмъ теперь въ Финляндіи, старался убѣдить слушателей, что и финнамъ предстоитъ испить эту горькую чашу „одичанія подъ чужимъ (руссикимъ) игомъ“, если во время они не исправятся и не возьмутся за работу.

Что же намъ дѣлать?—спрашивалъ своихъ слушателей Гойеръ. И отвѣчалъ: „исполнять свой долгъ, т. е. нести евангеліе въ Россію. Приведенный текстъ изъ Исаіи—превосходный миссіонерскій текстъ,—онъ убѣждаетъ насъ, что слово Господне не возвращается пустымъ, но производить свое дѣйствіе. Въ этомъ для насъ твердая надежда, что и наше дѣло не будетъ въ Россіи безплоднымъ, но кипарисы вырастутъ тамъ вмѣсто тернія и миры вмѣсто крапивы, какъ образно говорить и пророкъ“.

„Намъ слѣдуетъ, заявилъ Гойеръ, проповѣдывать крестовый походъ въ Россію, не такой, конечно, походъ,

въ который отправляются съ оружіемъ въ рукахъ,— мы понесемъ въ Россію мирную вѣсть на ея счастіе и обновленіе. Путь Царя, путь Христа на Востокъ— въ сердце магометанства и въ Китай—сердце язычества идетъ чрезъ Россію. Пожелаемъ ли мы вооружиться мечемъ слова противъ угрожающей намъ съ Востока опасности? Если не сдѣлаемъ этого, то будемъ виновны предъ судомъ Божіимъ. Нести евангеліе въ Россію—дѣло Божіе; несомнѣнно, оно будетъ осуществляться и чрезъ другихъ, но мы тогда не получимъ благословенія.

„Теперь въ Россіи времена измѣнились: разрѣшается свободно проповѣдывать евангеліе! Его—Гойера упростили евангелическіе христіане изъ русскихъ спутешествовать въ Европу для возбужденія сочувствія къ евангелической миссіи въ Россіи. Онъ побывалъ во многихъ западныхъ странахъ, гдѣ имѣются уже небольшие комитеты. Міссионерская работа начата и въ Москвѣ, на что средства поступаютъ изъ трехъ западныхъ странъ. И финны могутъ теперь принести свою лепту на это дѣло“.

— — —

Нужны ли комментаріи къ столь ясно высказанному Гойеромъ взгляду на старую и новую вѣроисповѣдную систему въ Россії?! Не ясно ли, что разорванная нынѣ русскимъ государствомъ вѣковая цѣль единенія съ Православною Церковью бьетъ однимъ концомъ по Церкви, а другимъ по Государству!.. И Церковь, какъ Божественное учрежденіе, конечно, устоитъ,—если не въ Россіи, то въ другой странѣ, если не въ миллионахъ чадъ, то въ тысячахъ,— но Государство,—это строеніе рукъ человѣческихъ, коль скоро оно отрѣшается отъ санкціи Церкви, — обязательно впадетъ въ анархію мысли, принциповъ, жи-

зни,—и не сегодня—завтра, не завтра—послѣ завтра, но, несомнѣнно, рухнетъ. А Русское Государство, базирующееся исключительно на православности русскихъ подданныхъ, порвавъ связь съ Православною Церковью, несомнѣнно, станетъ добычею множества населяющихъ его иновѣрныхъ и инославныхъ инородцевъ, которые, подъ кровомъ новыхъ вѣроисповѣдныхъ законовъ, какъ черные вороны, подобно Гойеру, уже слетаются и другихъ сзываютъ на дѣлежъ добычи.

Департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Несомнѣнно департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій въ настоящее время радикального ниспроверженія старой вѣроисповѣдной системы Русского Государства и замѣны ея новою играетъ доминирующую роль на сценѣ государственной жизни Россіи. Ни для кого не секретъ, что названный департаментъ внесъ своею работою такую смуту, такой хаосъ въ жизнь и положеніе Православной Церкви въ Россіи, что худшаго ожидать-то и нечего!.. Своими вѣроисповѣдными законопроектами, сданными въ Государственную Думу, онъ проложилъ дорогу къ полному сокрушенню первенства и господства Православной Церкви въ Россіи, къ полному порабощенію ея свѣтскою правительственною властью. И сему да не воспрекословить никто, ибо за доказательствами нечего ходить далеко, — довольно хотя бѣгло просмотрѣть означенные законопроекты, довольно

вспомнить, что эти законопроекты прямо говорятъ, что они осуществляютъ семь основныхъ положеній о „свободѣ совѣсти“, выработанныхъ архи-революціонною первою думою, почему и число внесенныхъ департаментомъ въ думу законопроектовъ *также семь!*..

Но это только одна сторона дѣла. Бѣда не въ томъ только, что департаментъ спѣшно и настойчиво ликвидируетъ въ государствѣ первенство Православной Церкви, нисколько не церемонясь даже съ „Основными Законами“ Имперіи!.. Другая, не менѣе грозная для Россіи бѣда въ томъ, что тотъ-же департаментъ за послѣдніе годы, особенно со временеми вступленія на постъ директора департамента г. Харузина,— нынѣ уже товарища министра внутрен. дѣлъ,— также спѣшно и настойчиво, часто вопреки дѣйствующимъ законамъ, сталъ *организовывать и укрѣплять* многочисленныя секты, насквозь пропитанныя враждою къ православію. Въ этомъ направлениі стали издаваться безчисленные циркуляры, разъясненія, указанія и пр... Въ этомъ направлениі стали превратно истолковываться законы, а часто и просто,ничтоже сумняся, отмѣняться въ жизни.

Нашъ давно уже протестующій противъ этого голосъ нѣкоторые считали неправильнымъ, а другіе даже вреднымъ, такъ какъ „kritika-de распоряженій власти деморализуетъ народъ въ его послушаніи властямъ“... Но мы первымъ всегда отвѣчали неопровергимыми документами... А вторымъ говорили и говоримъ, что критика незаконныхъ распоряженій власти является самымъ лучшимъ средствомъ къ насыщенню въ странѣуваженія *къ законамъ*, коимъ обязаны подчиняться всѣ — и властители, и законодатели!.. Если же законы явно нарушаются самими правителями, то воцаряется въ странѣ анархія,

получается царство силы надъ правомъ, а отсюда не-далеко до роковыхъ катастрофъ. Еще Екатерина II-я сказала,—и это едва ли не лучшее украшеніе ея царствованія: „для свободы нужно, чтобы одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, но боялись бы всѣ однихъ законовъ“ (ст. 39-я „Наказа“)!.. И, по долгу истиннаго, нелицемърнаго вѣрноподданничества, каждый гражданинъ земли русской долженъ блюсти силу законовъ и ими оцѣнивать всякое административное усмотрѣніе. А иначе мы попадемъ во власть „калифовъ на часъ“, и станетъ страна игралищемъ личныхъ каждого правителя страстей.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно согласиться съ вышеуказанною нами дѣятельностью департамента духовныхъ дѣлъ? Развѣ эта дѣятельность не пошла въ разрѣзъ уже не только съ благомъ Православной Церкви, но одновременно и съ благополучiemъ Государства?—Правда, раздаются и иные голоса. Но это голоса или оцѣнщиковъ, явно алчущихъ, какою бы то ни было цѣною, „государственного пирога“, или же такихъ оцѣнщиковъ, которые жаждутъ крушенія всѣхъ историческихъ основъ, а не только религіозной, Русскаго Государства. И вотъ эта-то послѣдняго рода оцѣнка и должна заслуживать особеннаго вниманія, потому что въ ней, какъ въ зеркалѣ, точно отражается настоящая цѣнность дѣятельности департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Извѣстно, что сектантъ г. Прохановъ играетъ роль въ русскомъ сектантствѣ не только литературного „короля“ и идейнаго объединителя сектантовъ, но и является главнымъ посредникомъ въ дѣлѣ сношеній нашего сектантства съ заграничнымъ и закабаленіемъ его заграничному крайнему простестантству. Понятно, что г. Проханову болѣе; чѣмъ кому другому изъ

міра сектантства, видна и понятна дѣятельность департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. *Какъ же онъ отзываєтсѧ о ней?*

— „Для правовой и религіозной жизни нововѣрія (?!. т. е. всѣхъ сектъ), пишетъ г. Прохановъ, департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій въ настоящее время имѣть особо важное значеніе... Правда, самое название: „иностранная исповѣданія“ не совсѣмъ подходитъ къ старообрядчеству и сектантству; вѣроятно, въ будущемъ департаментъ получить болѣе общее наименование: „Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ“ (конечно, въ томъ числѣ и православныхъ?!.), что, несомнѣнно, будетъ болѣе пріятно звучать для уха старообрядцевъ и сектантовъ (очевидно, у департамента только и дѣла, чтобы „болѣе пріятно звучать для уха сектантовъ“?!.). Болѣе двухъ лѣтъ деп. духовн. дѣлъ находился подъ руководствомъ директора его въ должности гофмейстера А. Н. Харузина. Представители старообрядчества и сектантства, которымъ приходилось имѣть дѣла въ деп. духовн. дѣлъ ин. исп. за это время, сохраняютъ о А. Н. Харузинѣ наилучшія воспоминанія... Нововѣріе и старообрядчество не были организованы... И мы не преувеличимъ, если скажемъ, что подъ руководствомъ А. Н. Харузина сдѣлана была огромная работа по изученію *) и организації нововѣрія и старообрядчества“...

И вотъ за эту работу „по изученію (недаромъ на Московскомъ судебнѣмъ процессѣ обѣ адвентистѣ Вильдгрубе защита его ссылалась на „изученіе“ (брошюру) адвентизмадепартаментомъ!) и организації нововѣрія“ г. Прохановъ заявляетъ: „многіе представители нововѣрія и старообрядчества оставятъ прекрасныя воспоминанія о А. М. Харузинѣ, какъ о бывшемъ директорѣ департ. дух. дѣлъ ин. исп.“!.. **).—

Не правда-ли: печальный для православнаго сердца отзывъ о русскомъ государственномъ дѣятелѣ?! За то,—безусловно справедливый!.. Такъ, значитъ, правы же и мы, когда все время именно съ этой точки зрѣнія, организаціи и оснащенія разныхъ сектъ, —

*) Это-то двѣ жалкихъ и весьма тенденціозныхъ брошюроки о баптизмѣ и адвентизмѣ?!

**) Особый шрифтъ нашъ.

критиковали дѣятельность г. Харузина. И впредь мы, не взирая на лица, будемъ держаться той же цѣли,— т. е. нелицемѣрнаго служенія правдѣ, вѣрѣ православной и православному Царю и родинѣ, когда будемъ касаться, вынуждаемые къ тому, дѣятельности государственныхъ мужей. Мы непоколебимо увѣрены, что Державною Волею всѣ призваны выполнять не свою волю и тѣмъ болѣе не свои прихоти, а лишь начертанныя въ законахъ ясныя и точныя повелѣнія, согласованныя съ вѣрованіемъ первенствующей въ Россіи Православной Церкви. И каждый государственный мужъ долженъ вѣдать, что онъ призванъ быть не милымъ сердцу разныхъ отщепенцевъ отъ государственной души — святой вѣры православной, а только милымъ сердцу православныхъ сыновъ Россіи. Быть же милымъ сердцу всѣхъ — это черта „политиканства“, но не государственного мужа. А разъ „политиканство“ обуяетъ правителей, страна неуклонно пойдетъ по пути къ роковой катастрофѣ. Таковъ приговоръ нелицепріятнаго суда исторіи!..

И. А—скій.

Церковная хроника.

Юбилей проф. А. И. Введенского.

22-го января с. г. Московская Дух. Академія чествовала проф. А. И. Введенского, по поводу 25-лѣтія его ученой дѣятельности. Послѣ торжественного молебна съ многолѣтіемъ юбиляру, профессорамъ и студенты, во главѣ съ преосвященнымъ ректоромъ, пригласили юбиляра въ академической залѣ. Здѣсь отъ лица профессоровъ академіи юбиляра привѣтствовалъ проф. С. С. Глаголевъ: „немного,—сказалъ онъ между прочимъ,—теперь имѣется мѣсть на земномъ шарѣ, гдѣ бы существовали философскія школы. Московская Академія—одно изъ такихъ счастливыхъ мѣстъ. Я сравнилъ бы ее съ существовавшею когда-то школой Сенъ Виктора въ Парижѣ. Въ католическихъ школахъ Запада теперь преподаётся философія Фомы Аквинскаго. Я высоко цѣлю этого великаго мыслителя, блестяще суммировавшаго въ своей короткой жизни то, что было сдѣлано философіей до него, и освѣтившаго эту философію богословскимъ свѣтомъ. Но за всѣмъ тѣмъ я не завидую Западу. На Руси въ духовныхъ школахъ, я знаю, преподаётся философія Голубинскаго, Кудрявцева и Введенского. Она даетъ то единое, которое—на потребу. Она представляется мнѣ тою лѣстницей, которую Іаковъ видѣлъ во снѣ,—лѣстницей, которая ведетъ отъ земли къ небу. Академическая философская аудиторія—аудиторія Алексія Ивановича, это притворъ, ведущій въ храмъ...

Гейне въ предисловіи къ изданію своихъ пѣсенъ говорилъ: „когда я писалъ эти пѣсни, я чувствовалъ надъ собой какъ-бы трепетанье крыльевъ птицъ. Когда я сказалъ объ этомъ моимъ друзьямъ, берлинскимъ молодымъ поэтамъ, они взглянули на меня съ очень страннымъ выраженіемъ лица и еди-

ногласно стали уверять, что съ ними не случалось ничего подобнаго". Я болѣе счастливъ, чѣмъ Гейне. Когда я читалъ и перечитывалъ ваши книги, дорогой А. И., — *Вѣру въ Бога, Философію въ современной Германіи и Франціи, Религіозное сознаніе язычества, Религію Индіи*, — когда я читалъ и перечитывалъ эти книги, я чувствовалъ надъ собой тоже какъ бы трепетанье крыльевъ птицы. Когда же я говорилъ объ этомъ моимъ друзьямъ, юнымъ профессорамъ и питомцамъ Академіи, они единогласно уверяли меня, что испытывали то же самое... Вы поднимали и поднимаете настъ отъ земли къ небу...

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ я въ одно изъ моихъ странствованій ѿхалъ въ вагонѣ съ нѣмцами изъ Кенигсберга. Нѣмцы сказали мнѣ, что ихъ городъ зовутъ die Stadt der Reinen Vernunft — городомъ чистаго разума. Да, кенигсбержцы имѣютъ право на это имя. Но, думается мнѣ, и Сергіевъ-Посадъ должно назвать городомъ вѣрующаго разума. Здѣсь, въ типи студенческихъ и профессорскихъ келлій, работаетъ разумъ, водимый вѣрой. И вы, А. И., теперь являетесь руководителемъ, управляющимъ этой работой.

Вчера были у насъ англійскіе гости. Одна англичанка спросила у меня: какъ давно существуетъ нашъ монастырь? Я сказалъ: нѣсколько болѣе 500 лѣтъ. — Оксфордъ и Кембриджъ насчитываютъ большее число столѣтій... Но — пусть! Мы живемъ и надѣемся жить въ будущемъ. Пока въ Академіи есть Введенскіе, она будетъ расти.

„Vivat Academia! Vivat Wwedensky“!

— — —

Послѣ привѣтствія проф. Глаголева, преосвященный ректоръ Академіи благословилъ юбиляра иконою преп. Сергія великолѣпной художественной работы съ надписью: „Глубокоуважаемому А. И. Введенскому — академические сослуживцы, высоко цѣнящіе его плодотворное 25-лѣтнее служеніе Моск. Дух. Академіи и наукъ“.

Далѣе слѣдовали привѣтствія: доц. академіи свящ. П. А. Флоренскаго, студентовъ академіи, настоятеля Сербскаго подворья въ Москвѣ, вручившаго юбиляру портретъ Сербскаго митрополита съ особымъ отъ послѣдняго привѣтомъ, — затѣмъ, отъ духовнаго Собора Троице-Сергіевой Лавры, отъ редакцій газетъ и журналовъ, отъ многихъ почитателей и дру-

гихъ лицъ и учрежденій. Изъ Петербурга привѣтствовали юбиляра: Московскій Митрополитъ **Владиміръ**, епископъ Никонъ Вологодскій и др. духовныя лица.

— — —

Отъ редакціи.—Редакція „Голоса Церкви“ съ своей стороны съ особенною сердечностью привѣтствуетъ глубокочтимаго юбиляра-проф. А. И. Введенскаго. 25-ть лѣтъ стояль онъ на бодрой и неизмѣнной стражѣ завѣтныхъ святынь Русской Земли!.. Многіе близъ него мѣнялись, шатались, послушные моднымъ теченіямъ мысли и жизни... Многіе преступно забывали, къ чему они призваны и чего ждали отъ нихъ Церковь и Родина!.. А онъ шелъ къ завѣтной цѣли неуклонно, не листя толпѣ, не продавая исконныхъ русскихъ идеаловъ врагамъ Церкви и Родины!.. Много вышло птенцовъ изъ его философскаго гнѣзда и съ тѣмъ же закаломъ! И за это: да по-дастъ ему Господь многія лѣта здравствовать на благо Церкви и во укращеніе родной ему Московской Духовной Академіи!..

Политическое обозрѣніе.

I.

На политическомъ горизонте.

На политическомъ горизонте повсюду свирѣпствуетъ кровавый Марсъ. Легендарно „недвижный“ Китай объяты военнымъ пожарищемъ. Съ чисто сказочной быстротой рухнула въ немъ уходящій въ глубь сѣдыхъ вѣковъ государственный строй. 5 февраля манжурско-дайцинская династія отреклась отъ своихъ верховныхъ правъ и монархія смѣнилась республикой, во главѣ съ президентомъ Юаншикаемъ!.. Отъ абсолютной монархіи сразу къ республикѣ... Какой скачокъ!.. Только надолго-ли?.. Въ силу личныхъ счетовъ и ненависти къ дайцинской династіи и вообще къ манжурамъ, китайцы рушили самый принципъ монархической государственности и, замѣнивъ его республиканскимъ, обрекли Китай на жертву внутреннихъ политическихъ страстей и несомнѣнного безвластья, которое присуще самой природѣ республиканского строя. Персія съ своимъ меджилисомъ, Турція съ своими младотурками, Франція съ своимъ конвульсивнымъ парламентомъ, Англія съ своими вѣчно мятущимися палатами, С. Америка и прочія, ставшія на путь республиканского строя, страны уже достаточно охладили любовный пыль политическихъ проектомановъ къ республикѣ, какъ якобы панацея отъ всѣхъ золъ соціальной жизни. Однако, Китай пожелалъ и самъ испить горькую чашу до-дна. И вотъ онъ сейчасъ во власти международной браны. Отдѣльныя въ немъ народности стали въ положеніе борющихся съ нимъ еторонъ. Среди самихъ китайцевъ царить расколъ. Спѣшная ломка республиканскими „калифами на часъ“ народнаго быта, введеніе европейскаго календаря и т. п. мѣры подогрѣваютъ смуту. Во что она выльется,—покажетъ недалекое будущее. И не ока-

жется ли правъ престарѣлый намѣстникъ Манчжуріи Чжао—эрь—сионь, который рѣшительно отъ лица всей Манчжуріи заявилъ: „ни мѣстный совѣщательный комитетъ, ни общественные организации, ни войска Манчжуріи не согласны на введеніе республиканского строя. Поэтому, если правительство легкомысленно согласится на удовлетвореніе требованій республиканцевъ, то Манчжурія объявитъ себя независимой... Что же касается членовъ императорской фамилии, то они должны умереть за династию, но никакъ не склонять верховной власти къ отречению отъ своихъ правъ!..“ Итоги всей этой смуты будутъ подведены скоро... Но только подведеть ихъ не Китай!. Однако, къ сожалѣнію, наша дипломатія опять играетъ „на благородство!..“ Монголія, издавна тяготѣющая къ Россії, объявила себя независимой отъ Китая и обратилась къ намъ за помощью. Но мы отказали!. А тѣмъ временемъ Японія предложила Монголіи выгодный заемъ!. Итогъ Китайской смуты подводится...

Въ Персіи та-же политическая драма близится, очевидно, къ концу. Полное разочарованіе парламентскимъ строемъ расчистило дорогу къ возвращенію изгнанного шаха Мохамеда-Али. Недавно, 25 января шахскія войска разбили войско новаго правительства, что повсюду въ народѣ вызвало энтузіазмъ, ярко проявившійся въ разныхъ овацияхъ возвращающемся шаху. Однако, народъ боится вмѣшательства Англіи, которая является главною виновницей изгнанія шаха. Надежды на Россію плохи. А между тѣмъ намъ необходимо настоять на невмѣшательствѣ державъ въ Персидскія дѣла, такъ-какъ иначе вмѣсто дружественнаго намъ шаха, а съ нимъ и Персіи, мы получимъ на персидской территории новыхъ властителей—англичанъ и, отчасти, турокъ. И тѣ и другіе уже осѣли на персидской землѣ, въ ожиданіи раздѣла Персіи. И, несомнѣнно, здѣсь Турція, при поддержкѣ Англіи и другихъ державъ, ищетъ себѣ компенсаціи за Триполи, въ зависимости отъ чего и поставленъ ею вопросъ объ окончаніи войны съ Италіею. Словомъ, въ ущербъ Россіи Англія и другія державы намѣреваются вознаградить Турцію и облагодѣтельствовать Италію, конечно, и для себя не безвозмездно. Такъ, въ Англійской палатѣ общинъ Грей отъ министерства иностранныхъ дѣлъ уже заявилъ, что есть надежда на заключе-

ніе въ Англії для Персії крупнаго займа!.. Но, съ цѣлью скрыть отъ Россіи настоящій грозный для нея смыслъ этого заявленія, Грей съ паѳосомъ въ палатѣ общинъ защищалъ образъ дѣйствій Россіи по *временной* оккупациіи ею съвера Персії. Очевидно, Грей хорошо изучилъ маниловскую натуру нашей дипломатіи... Такъ то рѣшается на заграничномъ политическомъ горизонтѣ Персидскій вопросъ.

Въ зависимости отъ рѣшенія этого вопроса, несомнѣнно, стоитъ и послѣднее категорическое заявленіе Турецкаго парламента, что Турція будетъ продолжать войну съ Италіей и никогда не согласится признать аннексію Триполи. Конечно, на дипломатическомъ языке это означаетъ требование Турціи дать ей поскорѣе компенсацію въ Персіи, о чемъ и старается особенно Англія, въ надеждѣ материально закабалить Турцію въ Персіи, и, при содѣйствіи Турціи, отмежевать себѣ львиную долю Персіи.

А мы, русскіе, тѣмъ часомъ создаемъ шумиху вокругъ такъ сказать „американскаго вопроса“. Видите-ли: американскіе жиды, въ цѣляхъ добиться безпрепятственнаго вѣзда въ Россію и уничтожить всѣ ограниченія въ правахъ для русскихъ евреевъ, толкнули С. Америку на путь расторженія трактата о торговлѣ и мореплаваніи, заключеннаго между Россіей и С. Америкой въ 1832 г. И вотъ пресловутые русскіе „націоналисты“, отринувшиѣ православную вѣру въ качествѣ фундамента русской національности, подняли въ Петербургѣ на свое митингъ 9 февраля такой вой, предъ которымъ всѣ вопросы первостепенной политической важности должны-де отойти на задній планъ!.. Правда, на повѣрку оказалось, что названный трактатъ былъ полезенъ только для С. Америки и что онъ ежегодно обиралъ Россію на 50 миллионовъ,—но „націоналисты“, сами сознавшись въ этомъ, однако, раздули это дѣло, мечтая прорекламировать себя на всю Русь, въ цѣляхъ предвыборной агитациіи на предстоящихъ выборахъ въ Думу. Теперь, по крайней мѣрѣ, никто не скажетъ, что не слышалъ о „націоналистиахъ“!.. Такъ то у насъ „общественное мнѣніе“ является игрушкою въ рукахъ разныхъ политиковъ, которые меныше всего радѣютъ о благѣ народа и величіи Россіи.

II.

Англійскіе гости.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ январѣ къ намъ въ Россію пожаловали англійскіе гости. Однако, это—не просто „гости“, а представители англійского парламента и общественныхъ организацій Англіи. Понятно, что съ такимъ характеромъ они должны были пройти англійской государственный фильтръ. Въ офиціально утвержденный списокъ вошли:

1) *Спикеръ палаты общинъ* Джемсъ Лоутеръ.

Епископы англиканской церкви:

2) епископъ уэкс菲尔дскій;

3) епископъ бандгорскій;

4) епископъ экстерскій;

5) епископъ оссорскій.

Члены палаты лордовъ:

6) лордъ Эмфтиль (консерваторъ), бывшій вице-король Индіи, членъ русско англійского комитета въ Лондонѣ;

7) лордъ Уэрдель (радикалъ), предсѣдатель британской группы междупарламентского союза, предсѣдатель комитета по приему членовъ русскихъ законосоставительныхъ палатъ въ 1909 году;

8) Чэильзморъ.

Члены палаты общинъ:

9) лордъ Чарльзъ Бересфордъ (консерваторъ);

10) лордъ Гью Сессиль (консерваторъ), сынъ маркиза Селсбери, видный членъ палаты общинъ и знатокъ церковныхъ вопросовъ и народного образования;

11) Артуръ Стэнли (консерваторъ), былъ секретаремъ первого министра Бальфура;

12) Пиль (уніонистъ), внукъ сера Роберта Пilla;

13) Макъ Кларенъ (либералъ), владѣлецъ желѣзодѣлательнаго и кораблестроительного завода;

14) Бичемъ (либералъ);

15) сэръ Арбель Спайсеръ (либералъ), въ качествѣ предсѣдателя англійской торговой палаты принималъ нашихъ депутатовъ въ 1909 году; глава торгового дома Спайсеръ;

16) полковникъ Іеттъ (консерваторъ);

17) Гарольдъ Беккеръ (либералъ), авторъ официального текста хрестоматіи о новой терроріальномъ армії;

18) Джорджъ Ллойдъ.

Представители армії:

19) генералъ Вольфъ Муррей;

20) генералъ Бигонъ.

Представители науки:

21) сэръ Рональдъ Россъ, лауреатъ нобелевской преміи, открылъ распространителя малярії.

Представители промышленности:

22) Вильямъ Матерь, крупный промышленный дѣятель, горячій приверженецъ Россіи, посѣтившій ее болѣе 20 разъ, предсѣдатель школы для изученія Россіи;

23) Гербертъ Триттонъ, предсѣдатель индоевропейской телеграфной линіи, товарищъ предсѣдателя лондонской торговой палаты, неоднократно бывалъ въ Россіи;

24) Дрэджъ—знатокъ Россіи, былъ студентомъ московскаго университета;

25) Гербертъ Джибесъ—крупный промышленникъ и финансовый дѣятель.

Представители науки и печати:

26) сэръ Дональдъ Мэ肯зи Уоллесъ, состояль при Особѣ Государя Императора въ 1891 и 1899 гг., выдающійся знатокъ Россіи, авторъ многочисленныхъ трудовъ о ней;

27) Бирбекъ—мировой судья, археологъ, писалъ по вопросамъ православной церкви, помѣщалъ статьи въ русскихъ журналахъ;

28) Валентинъ Чирроль, известный изслѣдователь Дальнего и Ближняго Востока, выдающійся англійскій журналистъ, политическій редакторъ „Times“.

29) Морисъ Бэргингъ, известный писатель, знатокъ русской литературы.

Секретари делегаціи:

30) профессоръ Пэрсъ;

31) Кадоганъ, секретарь спикера.

Какъ видимъ, составъ делегаціи довольно почтенный. И, что особенно важно, англичане употребили всѣ усилия, чтобы эта делегація не была самочиннымъ соборищемъ, а официально была бы правомочна представительствовать Англію въ совокупности всѣхъ главныхъ функций ея государствен-

ной жизни. Все это свидѣтельствуетъ о чувствѣ дисциплинированности англичанъ и объ ихъ закономѣрности.

Но какъ все это, къ нашему стыду, не подходитъ къ намъ! Какая огромная разница между поѣздкой къ намъ англичанъ и поѣздкою въ Англію нашихъ думско-совѣтскихъ депутатовъ!.. Кажется, трудно найти даже тѣнь малѣйшаго сходства,—такъ все діаметрально противуположно! И невольно думаешь, что англичане своимъ прїѣздомъ даютъ намъ яркій урокъ дисциплины и законности!..

Но почему все это такъ? Да очень просто. Цѣль поѣздки англичанъ къ намъ и нашихъ депутатовъ къ нимъ—совершенно разная. Англичане єдутъ къ намъ съ чувствомъ своего достоинства, съ крѣпкимъ закаломъ своей національности,—не „зоологической“, измышенной у насъ въ кабинетѣ съ претензіями на мудрость изъ „книги профессорскихъ отупѣній“,—а національности, одухотворенной преданіями своей старины, въ которую каждый англичанинъ вросъ, какъ кряжистый дубъ въ землю. Почему у нихъ и намека нѣть на желаніе поучиться у насъ. Они єдутъ не какъ ученики, а какъ учители.

Откуда-же такое отношеніе?—Отъ насъ самихъ. Мы все время за границу выбрасываемъ такъ сказать грязную пѣну волнъ нашей политической жизни. Все, что только оплевывало русскую самобытность, что только варварски топтало въ грязь нашъ собственный духовный обликъ и навязывало намъ, подъ видомъ „благодѣтельныхъ реформъ“, западноевропейскую гниль,—являлось за границу въ плащѣ „настоящихъ русскихъ людей“!. И если за границей по этимъ людямъ судили о насъ, то развѣ не мы въ этомъ виноваты?.. Если за границей, когда сталкивались даже съ нашими государственными дѣятелями, видѣли въ нихъ никого другого, какъ „попугаевъ“ западноевропейской мысли, жизни и пр., если все русское за границей являлось „непомнящимъ родства“ Иваномъ“, то какъ-же можно расчитывать на уваженіе къ намъ за границей?!. *Кто не уважаетъ себя, того не будутъ уважать и другие!*..

И развѣ поѣздка нашихъ депутатовъ въ Англію не была сплошною шалостью ребятишекъ предъ своими учителями! Развѣ поведеніе ихъ въ Англіи не было стремленіемъ все перенять у англичанъ и безъ малѣйшей критики пересаголосъ церкви.

дить на русскую почву!.. Вѣдь мы, въ лицѣ нашей „объевропеившейся“ интеллигенціи, только тѣмъ и занимаемся, что то подфранцузиваемъ Россію, то перекраиваемъ ее на „аглицкій“ манеръ, то нѣмецкій, американскій и чуть не „патагонскій“!.. И успѣхомъ такой передѣлки Россіи наша „передовая“ Русь оцѣниваетъ свою заслугу передъ русскимъ народомъ!..

Англичане на обѣдѣ у своего посла Сэра Никольсона ограничились просто словцами о „взаимной дружбѣ и симпатіяхъ“ (конечно, Россія достаточно „обласканы“ дружбою „коварного Альбиона“,—есть что помянуть, хотя бы изъ недавняго прошлаго на Дальнемъ Востокѣ!..), а глава нашего министерства почему то счелъ необходимымъ разсыпаться въ похвалахъ всего англійского: „*знакомясь съ вашими учрежденіями, съ вашими университетами, съ вашей древней культурой, вашими нравами и вѣковой традиціей, вашей литературой и искусствомъ, мы сознали, что все, исходящее изъ Великобританіи, отличается высокими качествами и чувствомъ мѣры*“,—такъ говорилъ англичанамъ, по сообщенію газетъ, г. Коковцевъ.

Право, читая эти строки, обидно стало за русскаго человѣка!.. Вотъ уже 200 слишкомъ лѣть онъ съ вершинъ своего государствованія кадитъ иностранцамъ, призываешь ихъ „княжить и владѣть“ Россіей!.. И неужели долгъ гостепріимства требовалъ такихъ похвалъ?!.. Неужели русскій государственный дѣятель долженъ забывать о *своемъ* народѣ, о своей обязанности показать красу *своей* страны, когда становится съ иностранцами? Почему ничего подобнаго нѣтъ нигдѣ, когда міровые народы и даже мелкія государства встрѣчаютъ у себя иностранныхъ гостей?!.. И „лучшіе“ русскіе люди—наши думцы и члены Государственного Совѣта, показывая англійскимъ гостямъ „русскій двухпалатный парламентъ“, также заискивающе посматривали на англичанъ: „вотъ-де постарались сдѣлать все по „аглицки“, кое что не додѣлали,—такъ просимъ извиненія!..“ За думцами пошли по той же стежкѣ и наши городскія учрежденія... Но этого оказалось мало. Гуськомъ за собою наши „государственники“ потащили и нашихъ церковниковъ, чтобы по „аглицки“, по рецепту д-ра Арнольда, они молитвенно объединились съ англійскими „епископами“—еретиками...